

Саратовский национальный исследовательский государственный
университет имени Н.Г. Чернышевского

**«Великая Победа: культурные коды и многомерность
цивилизационных смыслов»**

Сборник материалов XIII Всероссийской научной конференции
(Саратов, 3 – 4 апреля 2025 года)

Саратов
2026

УДК 17.023.36+1941/1945(082)
ББК 60.033.145.2+63.3(2)622-08
В27

Редакционная коллегия:
д. психол. н., проф. Л.Н. Аксеновская,
канд. биол.н. Е.М. Зинченко

Авторская позиция и стилистические особенности публикаций полностью сохранены

В27 **Великая Победа: культурные коды и многомерность цивилизационных смыслов** : Материалы XIII всероссийской научной конференции (3 – 4 апреля 2025 г., Саратов). – Саратов : Амирит, 2026 – 123 с.

ISBN 978-5-00279-067-8

В сборник вошли доклады и статьи участников XIII Всероссийской научной конференции (3 – 4 апреля 2025 г., Саратов). Представлены результаты теоретических и прикладных исследований гуманитарных и социально-экономических специалистов, объединенных стремлением раскрыть глубинные смыслы Победы, выявить её роль в формировании культурно-исторической идентичности российского народа и оценить вклад в мировое наследие. Материалы охватывают широкий спектр вопросов, связанных с изучением исторических корней и символики Победы, анализируют образ Победы в художественном творчестве, литературных произведениях и фильмах, рассматривают проблему передачи памяти о победе следующим поколениям россиян, а также значимость праздника Дня Победы в современном российском обществе.

Для широкого круга читателей, включая учёных, педагогов, студентов, экспертов и всех интересующихся вопросами изучения русской культуры, формирования патриотизма и сохранения национальных духовных ориентиров и культурного наследия страны.

УДК 17.023.36+1941/1945(082)
ББК 60.033.145.2+63.3(2)622-08

ISBN 978-5-00279-067-8

© СГУ имени Н.Г. Чернышевского, 2026

ВЛИЯНИЕ ВОИНСКОГО КОЛЛЕКТИВА КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ СТАНОВЛЕНИЯ ВОЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В.О. Акбутаев

Акбутаев Владимир Олегович, адъюнкт кафедры военной педагогики и психологии, AkV11988@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0000-2255-0247>, Саратовский военный ордена Жукова Краснознамённый институт войск национальной гвардии Российской Федерации, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Московская, д. 158.

Аннотация. Эффект влияния участников социальной группы на личность представлен действием механизма социальной конформности. Реализуя свою бытийность в процессе социальных взаимодействий с представителями разных социальных групп, личность создает устойчивые предпосылки для обретения социальной идентичности, свойственной каждому участнику данных групп. В статье представлен теоретический анализ изучения психического механизма влияния воинского коллектива как социальной группы, на становление военной идентичности военнослужащих.

Ключевые слова: военная идентичность, воинский коллектив, социальная группа, военнослужащий, социализация.

О групповом влиянии на личность в процессе ее социализации проведено много исследований. Несмотря на их широкое географическое и историческое многообразие, полученные результаты свидетельствуют о значимом воздействии социальной группы на процесс становления идентичности личности, а также о факте социальной обусловленности данного психологического феномена. Поскольку сама идентичность проявляется в восприятии личностью собственной принадлежности к какой-либо группе или сообществу, различающимися в зависимости от вида социальных конструктов, на которых они основаны, то обоснованным будет рассуждать о ключевых составляющих данного группового влияния и его вкладе в формирование социальной идентичности личности.

Например, К. Г. Юнг уделяет особое внимание проблеме воздействия социума на идентичности. Опираясь на результаты его исследований, Д. В. Кузина и М. О. Акимова уточняют, что ключевой особенностью персоны К. Г. Юнг назвал самость (идентичность) как психический фундамент, на основе которого реализуется процесс взаимодействия внутреннего Я личности и окружающего социума. Это означает, что эффект социального влияния на формирование идентичности в достаточной степени значим и связан с приятием личностью транслируемых социумом социальных норм, посредством которых организуется их взаимодействие.

С другой стороны, Ч. Х. Кули в результате проведенных экспериментов обнаружил, что влияние разных социальных групп на структуру идентичности переживается личностью в разной степени. Так, он уточняет, что ключевое

значение в становлении «Я-концепции» играет взаимодействие личности с малым социумом. К нему Ч. Х. Кули относил те социальные группы, которые являются наиболее близкими к личности, в том числе, например, семья или профессиональное сообщество, и обозначил их как первичные социальные группы. О значимости первичных социальных групп, выделенных Ч. Х. Кули, также отмечается Е. А. Горшковым [2]. Иными словами, влияние первичных социальных групп является более значимым для становления социальной идентичности личности, нежели влияние всех остальных социальных групп, в которые включена личность в процессе взаимодействия с обществом.

Феномен влияния группы на формирование идентичности личности изучал также Дж. Г. Мид. Основой предложенной Дж. Г. Мидом теории социального бихевиоризма является концепция формирования личностного Я внутри и посредством окружающей социальной реальности. Это означает, что личность не существует отдельно от социума и реализует свое бытие именно посредством взаимодействия с социумом, представленном в данном случае различными социальными группами. Как уточняет Дж. Г. Мид, восприятия себя через мнение другого участника взаимодействия (или социальную группу, которую он представляет) представляется как внутренний диалог личности, в процессе которого и формируется ее идентичность. Данный факт подчеркивает и Т. А. Бусыгина [3].

Не менее интересное исследование, посвященное изучению процесса развития социальной идентичности, проведено М. Шерифом. Исследуя эффект воздействия конкретной социальной ситуации на процессы внутри социальной группы, М. Шериф экспериментально доказал, что даже при персональном несогласии личности с мнением группы, в деятельность которой она была вовлечена в ходе эксперимента, личность все равно принимает и поддерживает мнение, выраженное большинством всей группы. Это означает, что действуя в составе какой-либо группы, более приоритетное значение в поведении личности играют социальные факторы, в то время как индивидуальные факторы перестают быть главенствующими в определенных ситуациях, хотя они и не теряют своей значимости для личности. На данный эксперимент также ссылается Е. А. Цыбульник [4] в своей работе.

Данное явление М. Шериф объяснил эффектом социальной конформности. А. Ю. Мягков [5] указывает, что данный феномен также изучался в ходе экспериментов других ученых, однако наиболее выдающиеся и масштабные труды принадлежат С. Ашу и С. Милгрэму. В результате их исследований было доказано значимость влияния социальной группы на социальную идентичность личности.

Таким образом, несмотря на стремление быть индивидуальными и неповторимыми, наше социальное естество в подавляющем большинстве случаев берет верх в поведении, и мы действуем сообща с группой, участником которой являемся, выполняя действия, даже если внутренне их не разделяем. Данный феномен также находит отражение и в становлении социальной идентичности.

Например, А. С. Мухина [6] в своей статье рассматривает влияние различных факторов на конформное поведение личности, отмечая, что подобный стиль поведения встречает массовое одобрение в социуме. Совершая внутренний выбор между проявлением самостоятельности и конформности, индивид все же склоняется в пользу переживания солидарности групповым действиям. Свой внутренний выбор он делает с опорой на стремление к гармоничному взаимодействию с окружающими участниками социальных отношений. Такой стиль поведения усиливает чувство принадлежности к данной группе и, тем самым, укрепляет социальную идентичность с ней.

Интересно, что эффект влияния социальной группы более значим, когда участники группы максимально изолированы от воздействия внешних условий социализации, не соответствующих интересам данной группы. Этот феномен обозначается как социальная имплозия, и А. В. Войтов и С. Н. Михайлов [7] отмечают, что наибольший вклад в его изучения внес Ж. Бодрийар. Авторы отмечал, что данный эффект характерен в наибольшей степени для закрытых социальных групп, как процесс «схлопывания, взрыва внутрь» или, другими словами, ослабеванием связи личности с внешними социальными группами и практически полного нивелирования их влияния на нее.

В некотором роде подобной характеристикой обладают и военные организации. Например, С. В. Мартьянов и И. А. Виноградов [8] считают, что своеобразный «эффект толпы» (то есть результат влияния группы, представленной воинским коллективом) способствует созданию в военном вузе среды, благоприятной для формирования у курсантов профессиональной личности будущего офицера. Среди обязательных личностных черт авторы выделяют стремление обеспечивать защиту государства, сохранять историческое и культурное наследие, поддерживать нравственные ценности. Следовательно, влияние воинского коллектива усиливает характеристики военной идентичности, представленные формированием необходимой структуры ценностей будущих офицеров.

В свою очередь, Н. П. Гончерева и И. С. Бурцев [9] также рассматривают роль воинского коллектива в обеспечении внутренней готовности военнослужащих выполнять обязанности военной службы (или, другими словами, боевой готовности). Так, авторы выделяют ряд факторов, позволяющих судить о значимости влияния воинского коллектива на формирование боевой готовности. К ним относятся высокая степень взаимопонимания между участниками социальной группы, стремление оказывать поддержку друг другу и выражать доверие, проявление повышенной мотивации в выполнении профессиональных обязанностей в составе коллектива, высокая степень координации совместных действий, нацеленных на достижение важного для всей группы результата, а также готовность стойко преодолевать тяготы и лишения, связанные с особенностями выполнения служебно-боевых задач. Наличие данных

факторов также свидетельствует о важности влияния воинского коллектива на развитие военной идентичности военнослужащих.

В то же время результаты исследования, проведенного Е. А. Юмкиной, В. В. Волковым и Л. О. Борисенко [10], освещают данный феномен с другого ракурса. Указанные авторы изучали эффект влияния первичных социальных групп (таких, как семья и, в последствии, воинский коллектив) на формирование военной идентичности курсантов. Полученные в ходе исследования данные доказывают следующее. Процесс формирования военной идентичности закладывается именно в кругу семейного коллектива, посредством выполнения действий, направляющих желание юноши освоить военное дело. Однако наивысшим значением данный вид идентичности достигает именно в ходе обучения, когда юноша, уже реализовав социальную роль курсанта, который стремится в скором времени стать офицером, обретает необходимые профессиональные ценности и установки. Иными словами, только благоприятные условия, представленные наличием участников воинского коллектива, вовлечённых в выполнение совместной деятельности (в случае курсантов это, преимущественно, военно-образовательная деятельность), способствует развитию военной идентичности.

Схожие результаты получены и в исследовании В. О. Акбутаева [11]. Изучая военную идентичность курсантов, автором был выделен один из ее видов, обозначенный как «идентичность с воинским коллективом». В качестве основных характеристик данного вида военной идентичности респонденты отметили некоторые аспекты влияния воинского коллектива, такие как: переживание ощущения внутреннего комфорта, когда рядом находятся сослуживцы; более эффективное выполнение задачи в составе подразделения; восприятие самого себя как значимой составляющей воинского коллектива; наличие сильной эмоциональной связи со своими сослуживцами.

Также, в процессе изучения ценностных факторов военной идентичности, В. О. Акбутаевым [12] было выявлено, что на разных этапах социализации в военном вузе объясненная дисперсия идентичности с воинским коллективом обусловлена такими ценностями, как: конформизм-межличностный, конформизм-правила, универсализм-толерантность. При этом данные ценности в качестве факторов встречаются как на начальных этапах социализации, так и на завершающих. Это означает, что курсанты не только проявляют уважение к ценностям своих товарищей, являющимся участниками одного воинского коллектива, но и готовы разделять их, когда это необходимо, проявляя тем самым конформность в поведении и во взаимоотношениях с сослуживцами. Очевидно, что наличие этих ценностных факторов в полученных регрессионных моделях не только обусловлено результатами статистического анализа, но и подтверждается нашей теоретической гипотезой о влиянии коллектива на формирование военной идентичности.

Из представленных исследований видно, что отдельные составляющие военной идентичности отражают феномен социальной конформности военнослужащих. Иными словами, влияние воинского коллектива в военной

организации можно считать одним из ключевых факторов, благодаря которому возможен процесс военной социализации каждого военнослужащего, эффектом от которого и является становление их военной идентичности.

Многократное проявление тех или иных поведенческих реакций в строго регламентированных рамках военной социализации формирует особые установки, связанные с будущей профессиональной направленностью личности, тем самым укрепляя военную идентичность курсантов. Иными словами, направленное поведение курсантов в процессе их социализации в стенах военного вуза определяет установки будущих офицеров. Вместе с тем, особенности и психические составляющие этого механизма на данный момент недостаточно изучены и представляют научный интерес в качестве объекта дальнейших исследований.

Библиографический список

1. Кузина Д. В., Акимова М. О. Идентичность как предмет психологического исследования // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2020. Т. 26, № 2. С. 122–126. <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2020-26-2-122-126>
2. Горшков Е. А. Интеракционистский подход Ч. Х. Кули к определению предмета и метода социальной психологии // Приволжский научный вестник. 2014. № 11-2(39). С. 80–85.
3. Бусыгина Т. А. Психологические подходы к изучению проблемы идентичности личности // International Journal of Medicine and Psychology. 2023. Т. 6, № 4. С. 246–250.
4. Цыбульник Е. А. Теоретические подходы в исследовании феномена социальной идентичности // Вопросы устойчивого развития общества. 2021. № 6. С. 246–252.
5. Войтов А. В., Михайлов С. Н. Личностные и групповые ценности в обществе потребления: социологический взгляд // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2022. № 5. С. 76–80.
6. Мартыанов С. В., Виноградов И. А. Влияние психологии толпы на формирование воинского коллектива в образовательном пространстве военного вуза // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. 2022. № 5. С. 263–270. <https://doi.org/10.33910/herzenpsyconf-2022-5-34>.
8. Гончарова Н. П., Бурцев И. С. Влияние сплочённости воинских коллективов на боевую готовность // Символ науки: Международный научный журнал. 2023. № 12-2. С. 219–220. 8 Мягков А. Ю. Социальная конформность: сущность, основные виды и функции // Современные тенденции развития науки и мирового сообщества в эпоху цифровизации (шифр МКСТР): материалы XXVI международной научно-практической конференции, Москва, 16 сентября 2024 г. — Москва: ООО «Издательство „Экономическое образование“». 2024. С. 43–51.

9. Мухина А. С. Социальная конформность и лидеры мнений в цифровую эпоху // Современное общество, наука и образование: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей II международной научно-практической конференции, Пенза, 08 января 2025 г. — Пенза: ИП Гуляев Г. Ю. («Наука и Просвещение»). 2025. С. 146–150.

10. Юмкина Е. А., Волков В. В., Борисенко Л. О. Процесс идентификации курсантов с военной службой: проблемы и перспективы // Личность курсанта как поле смыслового контента в сфере воинской деятельности: материалы научно-методической конференции, Петергоф, 07 июня 2024 г. — Петергоф: Военный институт (железнодорожных войск и военных сообщений). 2024. С. 17–27.

11. Акбутаев В. О. Основные виды военной идентичности курсантов военных вузов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, № 1. С. 67–72. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-1-67-72>.

12. Акбутаев В. О. Соотношение ценностных ориентаций и военной идентичности в процессе социализации курсантов военных вузов // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2025. № 1(30). С. 170–179.

ДВЕ МИРОВЫЕ ВОЙНЫ В ШКОЛЬНОМ КУРСЕ ИСТОРИИ РОССИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

А.А. Галин

Галин Александр Алексеевич, магистрант, sasharik4747@mail.ru, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83.

Аннотация. В статье рассматривается процесс формирования у обучающихся понимания о таких аспектах двух мировых войн как готовность государства к войне, роли главы государства в войне и общественные настроения на основе информации, помещенной в используемые в образовательном процессе учебники. Анализируются самые часто используемые в школах учебники, соответствующие федеральному государственному образовательному стандарту (ФГОС). Определяется уровень знаний о исследуемых аспектах, формируемый у обучающихся по используемым в образовательном процессе учебникам.

Ключевые слова: Первая мировая война, Николай II, Великая Отечественная война, Сталин, школьные учебники истории, история России, средняя школа, школьное историческое образование.

В современной исторической науке существует множество подходов к изучению мировых войн XX века. Однако особое значение приобретает анализ не столько военных действий и их хронологии, сколько глубинных социально-политических процессов, предшествовавших и сопровождавших эти глобальные конфликты. Именно поэтому в данной статье фокус внимания сосредоточен на трех ключевых аспектах: общественных настроениях, готовности государства к войне и роли лидеров.

Выбор данных аспектов обусловлен их фундаментальной значимостью для понимания причин и последствий обеих мировых войн. Общественные настроения как отражение массового сознания позволяют проследить, как менялось восприятие войны в обществе, какие ожидания были у населения и как они влияли на ход событий. Готовность государства к войне раскрывает не только военную, но и социально-экономическую, политическую подготовку к конфликту, что критически важно для понимания его последствий. Особую роль в изучении этих конфликтов играет анализ деятельности государственных лидеров. Их решения, стратегии и личные качества во многом определяли ход событий и их последствия.

Такой подход к анализу мировых войн представляется особенно актуальным в контексте школьного исторического образования, поскольку помогает формировать комплексное понимание исторических процессов, развивает аналитическое мышление учащихся и способствует более глубокому осмыслению уроков прошлого. Именно через призму этих трех аспектов можно наиболее полно раскрыть взаимосвязь между внутренней политикой, общественным мнением и внешнеполитическими решениями государств в период мировых войн.

Данное исследование призвано показать, как школьные учебники отражают эти важные аспекты истории, какие акценты делают и какие выводы предлагают для осмысления учащимися. Это позволит не только проследить эволюцию исторического нарратива, но и оценить, насколько полно современные учебные материалы отражают многогранность исторических процессов.

Объектом изучения в данной статье являются учебники для средней школы по истории России, включенные Министерством образования РФ в Федеральный перечень учебников [6]. Предметом исследования выступают представления о таких аспектах мировых войн как готовность страны к войне, общественные настроения и роль лидера государства в войне, формируемые у обучающихся авторами этих учебных пособий.

События, связанные как с Первой мировой, так и со Второй мировой войной вошли в учебники истории России за десятый класс. По текущей линейной модели изучения предмета к программе девятого класса относится период до 1914 года, а десятого – после него. На момент написания статьи из новой линейки так называемых «единых» учебников авторства А. В. Торкунова и В. Р. Мединского в учебном процессе уже используются учебные пособия для десятого и одиннадцатого классов, поэтому первый из них [3] в том числе будет рассмотрен в настоящей статье. Тем не менее, в

течение определенного периода после появления новых учебников возможно использование некоторых существующих сегодня линеек. Поэтому в статье сначала будут рассмотрены учебники двух наиболее популярных из них – под редакцией отдельно В. Р. Мединского [4] и отдельно А. В. Торкунова [1, 2].

На момент написания статьи, согласно Приложению к Приказу Министерства просвещения от 05.11.2024 г. N 769, установлены предельные сроки анализируемых в статье учебников. Для учебника под редакцией А. В. Торкунова для 10 класса – 26.06.2025, под редакцией В. Р. Мединского для 10 класса – 24.01.2027. Для «единого» учебника 10 класса – бессрочно [5]. Таким образом, рассмотрение содержания данных пособий будет актуальным для оценки современного состояния освещаемых в статье вопросов в школьном историческом образовании.

В учебнике для десятого класса авторства А. В. Шубина, М. Ю. Мягкова и Ю. А. Никифорова под редакцией В. Р. Мединского Первой мировой войне посвящены первые два параграфа: «Участие России в Первой мировой войне» и «Власть и общество в годы Первой мировой войны». В рамках первого из них делается больший упор на сам ход военных действий, однако есть некоторая информация по интересующим нас вопросам.

Например, авторы пишут, что за прошедшее после русско-японской войны время русская армия изменилась в лучшую сторону: увеличилась насыщенность артиллерией, пулеметами и средствами связи, появились первые авиаотряды. Однако полностью перевооружение должно было завершиться только в 1917 году [4, с. 8], что показывает, безусловно, более высокий уровень подготовки России к войне, чем в 1904 году, но и масштаб войны явно увеличился по сравнению с прошлым разом, к чему армия была не готова полностью.

Эта мысль продолжается ниже по тексту учебника. В начале XX века предполагалось, что будущая война продлится максимум полгода, и военные запасы делались из этого расчёта. Но действительность оказалась хуже самых пессимистических прогнозов. Чем дольше продолжалась война, тем острее стоял вопрос о поддержании морального духа войск. Их первоначальный патриотический энтузиазм постепенно ослабевал. Многие из солдат не понимали целей войны, а трудности окопной жизни и огромные потери способствовали росту антивоенных настроений [4, с. 13]. Таким образом, обучающиеся могут узнать о причинах изменения отношения к войне в войсках и получить подтверждение тому, что Россия оказалась не готова к ведению длительной войны.

Также есть информация и роли главы государства в войне: под влиянием летних неудач 1915 года серьёзные перемены произошли в Ставке. Главнокомандующий русской армией великий князь Николай Николаевич (дядя императора) 23 августа 1915 г. был освобождён от своей должности. Обязанности Верховного главнокомандующего Николай II возложил на себя [4, с. 11]. Авторы учебника отмечают этот общеизвестный факт, но ни здесь, ни далее не дают ему однозначной оценки.

Второй из упомянутых параграфов больше подходит к исследуемой теме и ожидаемо предоставляет больше информации для анализа. Главный вопрос раздела, который ставят сами авторы в его начале – была ли готова Россия к Первой мировой войне? [4, с. 15]. По информации из учебника, начало войны вызвало в России патриотический подъём. Петербург был переименован в Петроград. На улицах городов происходили монархически-патриотические манифестации. В армию записывались добровольцы. Многие женщины, включая членов императорской фамилии, шли работать в госпитали сёстрами милосердия. Газеты широко освещали боевые подвиги солдат и офицеров. Роль армии в жизни общества необычайно возросла [4, с. 16].

С 1915 года в России стала усиливаться социальная напряжённость. Из-за заготовок для армии уменьшилось количество продуктов в свободной продаже, что вызвало дороговизну, дефицит и спекуляцию. Несмотря на многочисленные совещания властей, в достаточной мере обеспечить снабжение городов не удавалось. В конце 1916 года правительство ввело в ряде губерний карточки на продукты, а в конце года – продовольственную развёрстку. С 1915 года в России возросло забастовочное движение. В феврале 1916 года в Петрограде бастовал ряд заводов. В деревнях требовали прекращения проводимых в рамках столыпинской аграрной реформы сокращений землеустроительных работ до возвращения мужчин с фронта [4, с. 19]. Эти данные позволяют сделать вывод о недостаточной готовности России к длительной войне. Проблемы с обеспечением, рост социальной напряжённости и экономические трудности демонстрируют, что страна не была полностью подготовлена к таким вызовам.

Второй мировой войне, а точнее Великой Отечественной войне, так как анализируется курс Истории России, в данном пособии посвящена вся третья глава с одноименным названием, а также последний параграф второй главы – «СССР накануне Великой Отечественной войны». В этом параграфе авторы описывают в том числе советско-финскую войну, результаты которой, по их словам, значительно улучшили военно-стратегическое положение Советского Союза. Кроме того, война выявила серьёзные недостатки в подготовке и оснащённости Красной Армии, что побудило советское правительство сменить руководство наркомата обороны и начать реформирование и совершенствование своих вооружённых сил [4, с. 162].

Так как советское руководство понимало неизбежность войны, в 1939–1941 гг. все стороны жизни в СССР были подчинены одной главной задаче – подготовке к будущей войне. Авторы подробно описывают промежуточные результаты третьей пятилетки, разработку нового оружия, изменения в системе управления. Однако стремительный рост вооружённых сил (к июню 1941 г. их численность увеличилась в 2,5 раза) опережал возможности военной промышленности [4, с. 165–166]. Таким образом, ситуация, с одной стороны, аналогична Первой мировой войне, когда правительство готовило государство к неизбежной войне заранее, но не смогло сделать это полностью, с другой стороны, отличается тем, что перед Великой Отечественной войной эта

неготовность была очевидна сразу, а не стала понятно только в ходе ведения длительных военных действий.

Про роль И. В. Сталина написано аналогично описанию роли Николая II в Первой мировой войне – он возглавил Ставку Верховного командования (с 8 августа 1914 года – главнокомандования) [4, с. 180]. Далее большого акцента на нем Сталине не делается, авторы ограничиваются небольшими упоминаниями. Например, они указывают, что именно по настоянию Сталина было ускорено назначение командующего объединенными войсками союзников после Тегеранской конференции [4, с. 227–228]. Далее его имя не упоминается даже в параграфах про завершение Великой Отечественной войны, только как участника конференций лидеров стран. Таким образом, хоть учебник и дает представление о подготовленности стран к войне и общественных настроениях, роль лидеров кажется практически нераскрытой. Существует большое количество исторических фактов, с которыми можно было бы ознакомить обучающихся даже в контексте той информации, которая уже помещена в учебник.

Еще одним из самых широко используемых в настоящий момент учебников по предмету «История России» для средней школы является линия под редакцией академика Российской Академии Наук А. В. Торкунова издательства «Просвещение». В первой части учебника этой линии для десятого класса Первой мировой войне уделяется так же, как и в учебнике под редакцией В. Р. Мединского, два параграфа. Однако тематическая направленность параграфов отличается: здесь это «Россия и мир накануне Первой мировой войны» и «Российская империя в Первой мировой войне».

Подготовленности России к войне авторы дают более развернутую, но все же схожую с учебником под реакцией В. Р. Мединского оценку: они пишут, что в 1912 году Россия приняла долгосрочную программу усиления Балтийского и Черноморского флотов, значительно увеличив финансирование расходов на развитие флота. Наряду с принятием программ модернизации флотов европейские страны активно укрепляли сухопутные силы, проводили перевооружение армий. Значительное внимание уделялось развитию артиллерии – главной ударной силы армии. Однако к началу войны эти программы не были завершены, в то время как Германия во многом осуществила реорганизацию своей армии и программу её перевооружения [1, с. 12]. Эта информация дает достаточно обоснованное представление по данному вопросу.

Про роль Николая II как главы государства сказано крайне мало, но все же с немного иным оттенком, чем в учебнике под редакцией В. Р. Мединского. Авторы пишут: «однако, несмотря на поражения, русская армия, верховным главнокомандующим которой с августа 1915 г. стал сам Николай II, смогла удержать фронт. Неудачи в ходе кампании 1915 г. не привели к деморализации офицеров и солдат, однако они сказались на настроениях российского общества, начинавшего уставать от затянувшейся войны» [1, с. 19]. В данном абзаце отражено не только косвенное положительное влияние того, что главнокомандующим стал сам император, но и постепенное изменение

настроений российского общества. В целом на эту тему авторы учебника приводят гораздо меньше информации, чем в учебнике под редакцией В. Р. Мединского. Главный вывод, который они делают, заключается в том, что в России нарастал революционный кризис [1, с. 24].

Великая Отечественная война в данной линейке помещена во вторую часть учебника. Причем параграф про ситуацию в стране перед началом войны включен в главу про саму войну, в отличие от учебника В. Р. Мединского. Тем не менее, логичными представляются оба подхода. При этом в случае с учебником А. В. Торкунова правильным был именно использованный, так как тематически все темы, относящиеся к Великой Отечественной войне таким образом вынесены во вторую часть учебника.

Про подготовленность СССР к войне авторы пишут следующее: в отличие от вооружённых сил Германии (вермахта) советские военно-воздушные силы не были максимально централизованы, а находились в подчинении фронтов, армий, флотов. Таким образом, реорганизация, проводившаяся в Красной Армии, не была завершена, что снижало её боеспособность [2, с. 8]. При этом в 1938 Сталин говорил, что весь народ необходимо держать в состоянии мобилизационной готовности перед лицом военной опасности [2, с. 9]. Таким образом, продемонстрирован не только статус подготовки к войне, но и определенная роль Сталина в ней. В пропагандистской работе ставилась цель сформировать у советских людей убеждение, что война будет носить только наступательный характер, вестись на чужой территории. Другие варианты не рассматривались. В художественной литературе, в периодической печати, в кинематографе, в стихах и песнях прославлялись доблесть и сила Красной Армии [2, с. 10]. Общий вывод, который делают авторы в конце параграфа про подготовку к войне, звучит так: благодаря последовательной и прагматичной внешней политике советскому руководству удалось почти на два года отсрочить вступление СССР в войну (и соответственно лучше подготовиться к ней), а также создать предпосылки для формирования в будущем антигитлеровской коалиции. Форсированный рост военного производства накануне войны, несмотря на «перегрев» промышленности, создал предпосылки для последующего быстрого перевода экономики страны на военные рельсы. Хотя в полной мере мирная передышка 1939–1941 гг. использована так и не была [2, с. 10]. Авторы дают вполне сбалансированную характеристику предвоенному состоянию СССР, показывая и сильные, и откровенно слабые стороны государства.

Достаточно сильно отличается подход к оценке роли личности Сталина в ходе самой Великой Отечественной войны. Если в учебнике под редакцией В. Р. Мединского авторы ограничиваются лишь упоминанием факта о том, что он возглавил Ставку, в учебнике под редакцией А. В. Торкунова отдельно подчеркивается, что Сталин занял пост верховного главнокомандующего [2, с. 12].

При этом в описании военных действий Сталин характеризуется как личность, принимающая определенные решения, авторы перечисляют его

конкретные действия. Например, в пункте про ситуацию на фронте весной 1942 г. указано, что в январе этого года Сталин поставил перед Красной армией задачу перехода в общее наступление. Против этого решения выступил Жуков, но под давлением Сталина наступление на всех трех главных стратегических направлениях состоялось, и распыление и без того скромных ресурсов неизбежно вело к неудачам [2, с. 25]. В данном отрывке показано не только само решение Сталина, но и его последствия.

Таким образом, будучи ограниченным объемом учебника, авторский коллектив под руководством А. В. Торкунова демонстрирует более лично окрашенное повествование, ярче подчеркивает роль личности в истории и в частности в войне. Данный подход представляется правильным.

Переходя к анализу материала по изучаемым вопросам в новом «едином» учебнике, стоит отметить его важную особенность - он объединяет текст из двух рассмотренных выше линий пособий. Поэтому в данной части исследования представляется важным оценить не содержание текста, а то, из какой именно линейки был взят тот или иной фрагмент.

Соединяя содержание учебников под редакцией В. Р. Мединского и А. В. Торкунова, новый учебник включает в себя целых три параграфа, посвященных Первой мировой войне. Два из них посвящены предвоенной ситуации в России и мире и самому ходу сражений через взгляд со стороны России, а третий - общественным настроениям и быту в годы войны. Первые два параграфа больше опираются на текст учебника под редакцией А. В. Торкунова. Например, продублирована информация о том, что Россия не успела полностью осуществить программы подготовки к войне [3, с. 9]. Так же слово в слово повторяется предложение про удержание фронта в 1915 году при Николае II в статусе верховного главнокомандующего [3, с. 19], но есть и отличие - второе предложение этого же абзаца (в прошлом учебнике) убрано, потому что все, что касается общественных настроений, вынесено в третий параграф о Первой мировой войне. Он представляет из себя синтез текстов двух учебников без существенного добавления новой информации. Вывод авторы делают тот же - в результате всех упомянутых событий в России нарастал революционный кризис [3, с. 33].

При этом изложение материала по Великой Отечественной войне по структуре больше похоже на учебник под редакцией В. Р. Мединского. Это касается и того, что параграф про СССР накануне войны вынесен в конец второй главы, и того, что в частности пункт «Меры советского руководства по укреплению обороноспособности страны» практически полностью копирует учебник В. Р. Мединского [3, с. 291], как и весь параграф в целом. Однако авторы ничего не упоминают про военно-патриотическую подготовку, о которой писали в учебнике А. В. Торкунова, это кажется упущением.

Так как в параграфах про Великую Отечественную войну авторы текстуально больше опирались на учебник под редакцией В. Р. Мединского, ожидаемо про роль Сталина практически нет никакой информации. Некоторые предложения даже построены обезличенно: например, Сталин и Жуков видели, что войска противника, понеся большие потери, постепенно

исчерпали свой наступательный потенциал. В этой ситуации было решено, не давая врагу времени на переброску подкреплений, нанести контрудары во фланг и тыл вражеских группировок, ближе всего подошедших к Москве [3, с. 329]. То есть решение, которое было, по всей видимости, принято все же при участии Сталина, авторами таковым не называется.

В результате анализа «единого» учебника можно сделать следующий вывод: достоинства и недостатки пособий, положенных в основу его текста, в равной степени перешли в него. При этом видно, что все же была проведена работа по исправлению некоторых недочетов и недосказанностей, но наш взгляд, она не была проведена до конца. Избегание описание роли Сталина в ходе Великой Отечественной войны это подтверждает. При этом общая характеристика всех трех рассматриваемых вопросов дана на достаточно глубоком уровне суммарно в трех линейках учебников. Однако хотелось бы углубить роль лидеров государства в войны, этот вопрос сейчас освещен не очень подробно.

Библиографический список

1. Горинов, М. М., Данилов, А. А. и др. История России. 10 класс: учебник: в 3 частях / под редакцией А. В. Торкунова. М. : Просвещение, 2016. Ч. 1. 175 с.
2. Горинов, М. М., Данилов, А. А. и др. История России. 10 класс: учебник: в 3 частях / под редакцией А. В. Торкунова. М. : Просвещение, 2016. Ч. 2. 176 с.
3. Мединский, В. Р., Торкунов, А. В. История России. 1941–1945 годы. 10 класс. М. : Просвещение, 2024. 496 с.
4. Мягков, М. Ю., Никифоров, Ю. А., Шубин, А. В. История России. Начало XX – начало XXI века. 10 класс / под общей редакцией В. Р. Мединского. М. : Просвещение, 2021. 431 с.
5. Приложение №2 к Приказу Министерства просвещения от 05.11.2024 г. N 769. о предельном сроке использования учебников и разработанных в комплекте с ними учебных пособий, исключенных из федерального перечня учебников, допущенных к использованию при реализации имеющих государственную аккредитацию образовательных программ начального общего, основного общего, среднего общего образования организациями, осуществляющими образовательную деятельность.
6. Федеральный перечень учебников. URL: <https://fpu.edu.ru/> (дата обращения: 12.04.2025).

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ В СОВЕТСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

А.Н. Галямичев

Галямичев Александр Николаевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории, galyamichev57@mail.ru, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83.

Аннотация. В статье рассматриваются особенности освещения военной истории зарубежных славянских народов в советской исторической публицистике периода Великой Отечественной войны. Отмечается резкое возрастание интереса советских историков к этой тематике с первых дней войны. Выявляется постепенное возвращение отечественной исторической славистики к принципам государственного и национального патриотизма, традициям русской общественной мысли и историографии

Ключевые слова: славяне, панславизм, историческая славистика, история войн и военного искусства, Великая Отечественная война.

Великая Отечественная война оставила глубокий след в развитии исторической науки в нашей стране. Пройденные в военные годы испытания способствовали прояснению исторического сознания, преодолению ошибок, допущенных в первые десятилетия советской власти.

К числу понесённых отечественной исторической наукой в 1920-е – 1930-е годы потерь относилось, в частности, практически полное прекращение исследовательской деятельности в области изучения истории зарубежных славянских народов – той отрасли исторической мысли, в которой русская наука выступала в качестве мирового лидера во второй половине XIX – начале XX в. [1, с. 10]. Такой поворот был связан с коренными изменениями государственной идеологии нашей страны. Основой новой идеологии стала концепция мировой революции, в рамках которой не находилось места для глубокого осмысления исторического опыта вообще, не говоря уже о выделении приоритетных для русской науки направлений исторических исследований. К тому же славянские страны, большинство которых возникло после Первой мировой войны приняли значительную часть белой эмиграции, а проводимая правительствами славянских государств политика носила открыто недружественный характер по отношению к Советской России.

Казалось бы, последний уничтожающий удар по российскому славноведению был нанесён так называемым «Делом славистов» (Российской национальной партии) 1933 – 1934 гг., когда было арестовано и осуждено большинство специалистов в области славянской истории и

филологии, работавших в научных и образовательных учреждениях Москвы и Ленинграда, которые обвинялись в националистической фашистской пропаганде панславистского характера [2].

Однако в самом конце 1930-х годов, в связи с трагической судьбой Чехословакии, нарастанием международных противоречий накануне Второй мировой войны и её началом наметились некоторые коррективы в отношении изучения исторического развития зарубежных славянских народов. В это время обозначилось оживление интереса к истории славян. В 1939 году было создано два центра развития историко-славистических исследований в СССР – сектор славяноведения в Институте истории Академии наук и кафедра истории южных и западных славян в Московском университете.

Однако появившиеся в это время публикации [3; 4] были по большей части выдержаны в русле ведущих идей идеологии мировой революции и подчёркнуто дистанцировались от традиций русской дореволюционной славистики.

Нападение фашистской Германии на Советский Союз и начало Великой Отечественной войны дали мощный импульс возрождению славяноведения в России. Трагические события лета 1941 года предельно обострили историческое зрение нашего народа и наряду со многими другими гранями прошлого выявили особую значимость связей России с зарубежными славянскими народами для её прошлого, настоящего и будущего. 10-11 августа в Москве прошёл первый Всеславянский радиомитинг, а 5 октября был создан Всеславянский комитет – международная общественная организация, задачей которого было объединение усилий славянских народов против фашистской агрессии.

В исторической публицистике, игравшей важную роль в идеологической работе периода Великой Отечественной войны, с первых дней войны заметное место стали занимать славные страницы военной истории зарубежных славян. В годину тяжелейших испытаний, в осенние месяцы 1941 года, появилось несколько публикаций, посвящённых противоборству чешских гуситов походам немецких крестоносцев. Эти работы были написаны авторами, не являвшимися специалистами в области изучения истории гуситского движения [5; 6], однако сами исторические события, о которых шла речь в указанных публикациях, имели в тех условиях огромное воспитательное значение. Эти статьи, написанные ярким языком публицистики, сыграли важную роль в политико-агитационной работе первых месяцев Великой Отечественной войны.

Своё слово было сказано и представителями возрождавшегося в нашей стране с довоенных лет научного славяноведения. Важную роль в подготовке научно-публицистических работ о блестящих победах гуситского оружия в борьбе против крестовых походов феодально-католической Европы сыграл выдающийся чешский историк Зденек (Романович) Неedly, профессор Карлова университета в Праге, который после фашистской оккупации Чехии выехал в Советский Союз и в 1942 – 1943 гг. исполнял обязанности

заведующего кафедрой истории южных и западных славян Московского университета.

В октябрьско-ноябрьском номере главного исторического журнала СССР, на страницах которого были опубликованы тексты речей И.В. Сталина на торжественном заседании Моссовета в связи с 24-й годовщиной Октябрьской революции и на военном параде на Красной площади 7 ноября 1941 года, увидела свет его статья «Гуситы и русские», в которой были собраны и осмыслены чешско-русские связи, включая боевое содружество на полях сражений гуситской эпохи [7]. О важных аспектах истории гуситских войн напоминала другая статья З. Неядлы («Гуситские партизаны в Чехии»), опубликованная на страницах сборника статей советских историков «Партизанская борьба в национально-освободительных войнах Запада» [8].

Наряду с победами гуситов видное место занимали публикации, посвящённые победе войск Польши и Великого княжества Литовского над армией Тевтонского ордена в 1410 году, положившей конец успехам агрессии немецких крестоносцев в Восточной Европе [9; 10].

Задачи политической пропаганды поставили в повестку дня задачу создания обобщающих работ по военной истории славянских народов. Первым опытом решения такого рода задачи стала вышедшая в свет в 1943 г. книга Н.С. Державина «Вековая борьба славян с немецкими захватчиками» [11]. Автор работы, славист дореволюционной школы, по преимуществу филолог, избежавший преследований в рамках «Дела славистов» и внесший определённый вклад в восстановление преподавания и изучения славянской истории и филологии в вузах СССР, принимал активное участие в общественно-политической жизни нашей страны в годы Великой Отечественной войны, членом Всеславянского комитета.

Подготовленная Н.С. Державиным книга охватывала весь пройденный славянами путь исторического развития, начиная с VII века (княжество Само) до времён Первой мировой войны (главы 10-12: «Разбойничье нападение австрийских немцев на сербский народ в 1914 г.» [11, с. 76-80]; «Разгром немецких интервентов на Украине в 1918 г.» [11, с. 81-89]; «Борьба белорусского народа с немецкими интервентами в 1918 г.» [11, с. 90-95].

Во введении автор проводит мысль о неразрывной связи прошлого и настоящего: «Как, однако, ни тяжело жилось славянам в их историческом прошлом, они никогда не были ничьими рабами. Мечты палача народов, промозглого негодяя и изверга Гитлера и его фашисткой своры превратить славян в массу рабов никогда не осуществляются. Никакие насилия и массовые расстрелы славян кровожадными фашистскими ордами не помогут их гнусному делу. Свободолюбивый демократический славянский народ никогда не согнёт своей спины перед фашистскими мерзавцами. На пытки, расстрелы и издевательства он ответит беспощадной мстостью за себя, за своих изувеченных отцов и братьев, за своих убитых детей, за свою растерзанную и окровавленную родину... Братья славяне! Час нашего освобождения недалёк. Правда на нашей стороне. Победа будет за нами!» [11, с. 9-10].

В 1944 году вышел в свет коллективный труд с названием, созвучным названию книги Н.С. Державина – «Вековая борьба западных и южных славян против немецкой агрессии» [12]. Замысел работы также имел много общего с целевыми установками Н.С. Державина: она охватывает все этапы истории зарубежных славянских народов. Отличия коллективного труда состоят, с одной стороны, в том, что главы-очерки написаны специалистами по соответствующим проблемам славянской истории (главы по истории Чехии были написаны З. Неядлы, а главы по истории борьбы славян против немецких крестоносцев в средние века – инициатором создания сектора славяноведения Института истории АН СССР и кафедры истории южных и западных славян профессором В.И. Пичетой и видным советским медиевистом, профессором Н.П. Грацианским; в то же время в коллективном труде отсутствовала глава, тесно связанная с основной научной специализацией Н.С. Державина – «Борьба болгарского народа с крестоносцами в XI – XII веках»). Другим отличием коллективной работы стали главы-очерки, посвящённые борьбе славянских народов (Чехословакии, Польши, Югославии, Болгарии) против оккупационного режима, установленного над ними фашистской Германией, в годы Великой Отечественной войны [12, с. 119-215].

Вместе с тем обе работы объединяет энергичный публицистический стиль, отчётливость и ясность оценочных суждений, насыщенность ярким фактическим материалом. В обеих публикациях прослеживается тенденция к преодолению стереотипов идеологии мировой пролетарской революции и возвращение к принципам государственного и национального русского патриотизма. В органическое единое целое выстраиваются победы западных славян и Руси над иноземными вторжениями в средние века (наряду с успехами гуситов и Грюнвальдской битвой читатель знакомился с победами Даниила Романовича Галицкого и Александра Невского), борьба славянских народов за свободу и независимость в XVII – XVIII вв. и взятие русскими войсками Берлина в годы Семилетней войны («Разгром русскими войсками в Семилетнюю войну (1756 – 1763) «непобедимой» армии Фридриха II Великого и взятие Берлина» [11, с. 39-43], судьбы славянских в годы Первой мировой войны [11, с. 76-80]).

При этом подчёркивалась особая роль русского народа в судьбах славянского мира в прошлом и настоящем. Н.С. Державин писал об этом так: «Крупнейшим из славянских народов, который в течение многих веков в борьбе за своё правое дело, за свою свободу и независимость, давал уничтожающий отпор захватническим устремлениям немецких варваров в средние века и немецким империалистам в новое время, был и остаётся русский народ, старший брат, защитник и друг всех славянских народов. Вполне естественно поэтому, что в течение ряда веков именно на русском народе заострилась исключительная ненависть немецких варваров – завоевателей и империалистов и в конце концов вылилась у гитлеровцев в исключительно озлобленную, звериную ненависть к русским» [11, с. 3]. Во введении к коллективной работе советских историков отмечалось: «Славянам приходилось не раз на протяжении своей истории защищаться против

агрессии германских захватчиков. И всегда они искали в могучей силе русского народа крепкую защиту против германской агрессии. После победы Октябрьской социалистической революции освобождённые народы СССР ещё более укрепили братскую связь с угнетёнными народами всего мира. Но никогда эта братская связь славянских народов не была так сильна и органична, как во времена нынешней освободительной войны против фашистской Германии. Порабощённые славяне видят в СССР лучшего союзника и сильного защитника, к которому они чувствуют безграничную привязанность и полное доверие» [12, с. 3].

На завершающей стадии Великой Отечественной войны мысль о ведущей роли России в судьбах славянского мира в официальной идеологии стала переноситься на будущее. Об этом, в частности, говорил И.В. Сталин в своей известной речи, произнесённой 28 марта 1945 года на обеде в честь президента Чехословацкой Республики Э. Бенеша. Вспоминая о наследии дореволюционной России, он вспомнил о славянофилах и заявил: «Мы, новые славянофилы, являемся коммунистами, если хотите, большевиками. Старые славянофилы выступали во времена царизма, они были реакционерами. Они выступали за объединение всех славян в одном государстве под эгидой русского царя. Мы, новые славянофилы, стоим за союз независимых государств» [13].

Трудно не признать привлекательность и перспективность этих предположений и их соответствие коренным интересам Российского государства и русского народа. В какой-то мере эти идеи были реализованы с созданием социалистического содружества и его основных структурообразующих институтов – Совета экономической взаимопомощи и Организации Варшавского договора.

Однако идеология мировой пролетарской революции в послевоенные годы вновь стала набирать силу и оказала, как нам представляется, негативное влияние на характер отношений между славянскими странами, вставшими на путь социалистического строительства.

Достоинства, отличающие историческую публицистику времён Великой Отечественной войны, стали в послевоенные годы уходить и из научного славяноведения (историческая публицистика как основной жанр исторической славистики военной поры уступила место специальным исследованиям). Из историко-славистической литературы ушёл дух праведного гнева и внутренней свободы, без которой она не могла бы выполнить свою роль в мобилизации всех сил нашего народа в годы Великой Отечественной войны. Жёсткая идеологическая регламентация, установленная в исторической науке, не позволяла осуществлять объективный анализ ведущих тенденций развития славянских стран и народов в прошлом и настоящем и стать прочной основой проведения дальновидной и эффективной внешней политики СССР в Центральной и Юго-Восточной Европе.

Библиографический список

1. Досталь М.Ю. Как Феникс из пепла... (Отечественное славяноведение в период Второй мировой войны и первые послевоенные годы. М.: «Индрик», 2009. 464 с.
2. Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М. «Дело славистов». 30-е годы. М.: Наследие, 1994. 288 с.
3. В.П. Дух гуситов (К истории Чехии) // Коммунистический Интернационал. 1938. № 10. Октябрь. С. 103-105.
4. Ивашин И. Гуситские войны и табориты // Исторический журнал. 1938. № 2. С. 87-101.
5. Верховень Б. Героическое прошлое чешского народа // Пропагандист Красной Армии. Журнал Главного политического управления РККА. № 20. Сентябрь 1941 г. С. 26-27.
6. Глязер С. Завещание Яна Жижки (О национально-освободительной борьбе Чехии против германских поработителей в первой четверти XV века // Красноармеец. 1941. № 18. С. 20-21.
7. Неядлы З. Гуситы и русские // Исторический журнал. 1941. № 10-11. С.124-129.
8. Неядлы З. Гуситские партизаны в Чехии // Партизанская борьба в национально-освободительных войнах Запада. Сборник статей / под ред. академика Е.В. Тарле. М.: Госполитиздат, 1943. С. 8-19.
9. Зутис Я. Грюнвальд – конец могущества Тевтонского ордена // Исторический журнал. 1941. № 9. С. 74-80/
10. Державин Н.С. Разгром немецких псов-рыцарей под Грюнвальдом и Танненбергом 15 июля 1410 г. // Славяне. 1942. № 2. С. 38-42.
11. Державин Н.С. Вековая борьба славян с немецкими захватчиками. М.: Всеславянский комитет и Госполитиздат, 1943. 96 с.
12. Вековая борьба западных и южных славян против немецкой агрессии / под ред. З.Р. Неядлы. М.: Госполитиздат, 1944. 221 с.
13. Сталин И.В. Речи на обеде в честь Э. Бенеша 28 марта 1945 г. // URL: <https://patrik1990.livejournal.com/97337.html> (Дата обращения: 30.04.2025)].

ВУЗЫ – ФРОНТУ: ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

М.С. Завьялова, И.В. Коломейцев

Завьялова Мария Сергеевна, аспирант высшей школы общественных наук Гуманитарного института, zavvalova_ms@spbstu.ru ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого», Россия, 195251, г. Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29, литера Б.

Коломейцев Иван Владимирович, кандидат философских наук, доцент высшей школы общественных наук Гуманитарного института, kolomeitsev_iv@spbstu.ru ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого», Россия, 195251, г. Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29, литера Б.

Аннотация. Глобальные конфликты новейшего времени предопределяют социальные последствия для индивида и общества на годы вперед. В год 80-летия Победы и третий год проведения специальной военной операции (далее – СВО) представляется актуальным проведение междисциплинарного анализа социальных процессов в университетской среде в различные исторические периоды. Сравнительный историко-философский анализ позволяет сделать вывод о том, что благотворительная и волонтерская деятельность является адекватным ответом на вызовы общественному и индивидуальному сознанию в условиях конфликтов. Выявляются причинно-следственные связи между социальными и научно-техническими процессами.

Ключевые слова: научно-технический прогресс, глобальные конфликты, образование, воспитание, университетская среда, социальная ответственность, техническое творчество, благотворительность.

Введение

В год 80-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне, выпадающий на третий год проведения Специальной военной операции (далее – СВО) представляется актуальным проанализировать некоторые социальные процессы, напрямую зависящие от тенденций и уровня технологического развития. Стремительное течение научно-технического прогресса XX века изменила не только жизненный мир человека, но и, как показали две мировые войны, – саму природу военных действий в части расширения возможностей противника посредством применения новых видов вооружения и технологий уничтожения. Новейшие конфликты наглядно демонстрируют ключевую роль научного прогресса в качестве одной из фундаментальных основ обороноспособности государства. Следует помнить, что именно при переходе человечества с одного на другой этап технологического развития (технологических укладов и промышленных революций) происходили все наиболее кровавые и разрушительные конфликты человеческой истории [1, с. 246]. Несмотря на то, что любой конфликт во все века имеет в своей сути античеловеческую природу, именно войны дают стремительное скачкообразные толчки определенным отраслям науки и промышленности. Любой научно-технический прогресс неминуемо влечет за собой появление новых средств уничтожения и расширяет границы зоны ведения боевых действий.

Для любого государства участие в вооруженных конфликтах является серьезным испытанием, проверяющим на прочность все многообразие, как самих государственных институтов (науки, промышленности, образования), так и общественных подсистем. Вовлечение государства и общественных сил

в противоборство, от исхода которого зависит существование его как такового, запускает различные общественные и политические процессы исследование которых лежит в предметном поле различных наук и требует междисциплинарного подхода при их исследовании.

В задачи данной статьи входит проведение компаративного анализа и социальных процессов в университетской среде периода второй мировой войны и конфликтов начала XXI века.

Теоретический анализ. Обзор литературы

Проведенный авторами анализ научных публикаций по рассматриваемой тематике, позволяет их условно разделить на две основные категории. К первой следует отнести публикации, посвященные мировой и отечественной истории, где отражены примеры социального волонтерства, благотворительности в том числе в области научно-технического творчества. К данной группе относятся не только научные статьи и фундаментальные труды по истории, но и справочники, воспоминания, автобиографии. Вторая группа публикаций представляет собой результаты опросов общественного мнения, а также труды по социологии и политологии, а также опубликованные с начала 2022 года, где в том или ином разрезе рассматриваются социальные процессы в обществе, связанные с проведением СВО. Ввиду отсутствия материалов по благотворительной деятельности в организациях высшего образования в новейшей истории в рамках данного исследования авторы были вынуждены прибегнуть к анализу периодической печати и официальных интернет ресурсов органов исполнительной власти Российской Федерации, в частности ресурсов Министерства науки и высшего образования. В данной работе представлены результаты влияния волонтерской деятельности в период военных конфликтов середины XX века и в период проведения СВО. Описаны исторические примеры научной, научно-технической деятельности, оказавшей влияние на общественное сознание. По результатам проведенного исследования сформулированы проблемные вопросы и выводы, которые могут быть применены в научных исследованиях по данной теме.

В начале нашего историко-философского анализа следует обратиться к непростому для нашего государства XX веку, рассмотрим социальные процессы конфликтов, в которые была вовлечена наша страна в преддверии второй мировой войны. В рамках данной статьи указанные процессы интересуют нас с точки зрения анализа вовлечения общества и отношения общественного сознания к происходящему. Так, в годы советско-финляндской войны близость к фронту отразилась и на деятельности Политехнического института города Ленинграда. По личной инициативе доцента В. В. Цимбалына и ассистента Е. М. Каменева коллектив лаборатории радиопизики разработал портативный прибор для лечения обморожений во фронтовых условиях с помощью токов ультравысокой частоты. Аппараты изготавливались в мастерских института. Тестирование нового оборудования происходило на территории института, и к этому процессу добровольно подключились студенты и представители профессорско-преподавательского состава. Всеобщими усилиями данный прибор был технически

усовершенствован в короткие сроки. На добровольной основе была создана бригада из студентов и научных сотрудников, которая занималась лечением обмороженных с помощью портативного прибора [2, с. 5].

В годы Великой Отечественной войны общественные инициативы были также направлены на помощь защитникам Родины. Яркий пример – создание в Москве массового движения за создание Фонда обороны. Рабочие и служащие московского завода «Красный пролетариат» приняли решение ежемесячно отчислять однодневный заработок [3]. На призыв помощи откликнулась вся страна. Жители страны отправляли на передовую все, что могло помочь солдатам. В годы войны к примерам массовой благотворительности можно отнести донорство крови, организация помощи тысячам детям-сиротам, эвакуированным людям.

В учебных корпусах Ленинградского политехнического института им. М. И. Калинина в 1941 году был организован госпиталь. Сотрудники института, в том числе и на безвозмездной основе, включились в организационную, хозяйственную и медицинскую помощь госпиталю. Девушки-студентки работали санитарками и сиделками, помогали в работе физиотерапевтического кабинета, перевязках [4].

В условиях голода и холода не хватало перевязочного материала для госпиталя. В лаборатории текстильных машин механико-машиностроительного факультета в тяжелейших условиях было налажено производство марли и бязи [5].

Огромную работу по сохранению уникальных библиотечных фондов в годы блокады и войны провела Фундаментальная библиотека Политехнического института. Библиотека также продолжала работать и удаленно обслуживала бойцов-политехников, отправляя книги по запросу: за зиму 1941/42 года было выдано порядка 8 тысяч экземпляров книг [6].

Завершая краткое рассмотрение исторических примеров, авторы хотели бы отметить, что конфликты, в которых принимал участие СССР, оставили свой глубокий отпечаток на индивидуальное и массовое сознание. В частности, исторические события отразились на формировании и эволюции мировоззренческих установок как старшего поколения, так и сегодняшней обучающейся молодежи.

В целях объективного рассмотрения социальных процессов, относящихся к новейшей истории России, нельзя не обратиться к периоду после февраля 2022 года. Для анализа социальных процессов, которые могут являться актуальными для решения задач нашего исследования, характерных для организаций высшего образования в указанный период, обратимся к официальным ресурсам Министерства науки и высшего образования Российской Федерации как к учредителю подавляющего числа высших учебных заведений в нашей стране. В материале от 25 мая 2024 года дается выборка отдельных инициатив по предоставлению благотворительной волонтерской помощи в интересах воинских частей, соединений и иных специальных ведомств, задействованных Российской Федерацией для выполнения целей и задач СВО. Даются комментарии некоторых

представителей ректорского корпуса, представлены наименования отдельных изделий и направлений опытных мелкосерийных технических изделий [7]. На региональном уровне обратимся к периодическим изданиям университетской среды Северо-Западного федерального округа Российской Федерации. В частности, председатель Совета ректоров вузов Санкт-Петербурга и Ленинградской области ректор Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна Алексей Вячеславович Демидов в статье «Не по команде, воле сердца» [8, с. 2] предлагает познакомиться с новыми направлениями жизни университетского сообщества региона: «...Вы прочтаете о значимых делах, в которых приняли участие не по команде, а по воле сердца десятки тысяч сотрудников и студентов высшей школы и средних специальных учебных заведений города и области. ...Высшая школа Санкт-Петербурга и Ленинградской области оказывала и оказывает материальную поддержку в виде сбора необходимых товаров первой необходимости, продуктов питания и медикаментов, закупает и отправляет на фронт автомобильную технику, тепловые пушки, ткани для маскировочных сеток и многое другое». В том же материале профессор А. В. Демидов отдельно останавливается на влиянии оказываемому участием страны в конфликте на процессы вовлечения обучающийся молодежи в техническое творчество и участие в опытно-конструкторских разработках: «За последние месяцы мы наблюдаем всплеск работы студенческих конструкторских коллективов, все большее количество студентов участвуют в разработках и конструировании летательных аппаратов и другой техники. Очень важно с юных лет чувствовать себя востребованным специалистом на Родине» [8, с. 2].

Номенклатура продукции таких неформальных объединений на четвертый год проведения СВО расширилась от блиндажных свечей, саперных кошек и маскировочных сетей до сложных составных электронных компонентов [9]. В своем развитии объединения, существующие лишь на добровольные пожертвования равнодушных граждан, которым учебные заведения предоставляют только помещения, дошли до создания и поставки воинским частям сложных робототехнических комплексов различного назначения (дистанционного минирования, передвижных наземных беспилотных ретрансляторов связи, роботизированных средств эвакуации раненных).

Методология

В качестве базового методологического инструмента исследования социальных и общественных последствий механизмов самоорганизации университетской среды как общественного института являются сравнительный метод. Работа ориентирована на соединение различных срезов университетской среды в анализе эффективности ответа на вызовы вооруженных конфликтов. Исследование проводилось с учетом опыта отечественной социальной мысли, методикой сравнительного анализа в рамках исследовательских полей философии науки и техники и социальной философии.

Результаты и обсуждение

С точки зрения философии истории, университетская академическая среда по своей природе представляет собою специфическое сочетание науки и образования, которые существуют в условиях динамичной коммуникативной среды. Также в зависимости от профиля университета сюда допустим отнести инфраструктурные факторы наличия лабораторной базы и ее оснащения, клинические и научно-производственные компоненты, базы практики, системы связей с индустриальными партнерами по различным направлениям деятельности.

В образовательном отношении отечественные университеты как в середине XX века, так и в настоящее время помимо научного знания производят кадры для различных отраслей промышленности, и, что не менее важно, с перспективами замещения руководящих должностей, а также лидерами общественного мнения. Таким образом, от воспитательной среды высшего учебного заведения зависит ценностная и мировоззренческая система, носителями которой в той или иной степени станут выходцы из данной образовательной организации.

Заключение

Исторический обзор деятельности учреждений высшего образования, проведенный на междисциплинарной основе, позволяет проследить важнейшую роль научно-технического прогресса в природе глобальных конфликтов. Как 80 лет назад, так и в наши дни в основе общественных инициатив университетского сообщества лежит принципы «инициативы снизу», самоорганизации, добровольчества и желания внести свой посильный вклад в решение задач государственного масштаба. В ситуации вооруженного противостояния, когда поднимается вопрос об экзистенциальных перспективах государства, общества и индивида, благотворительная, научно-техническая деятельность, базирующаяся на добровольной основе, является естественным ответом на эти вызовы.

Библиографический список

1. Коломейцев И. В. Трансформация жизненного мира человека в контексте технологической эволюции // Социология. 2020, № 6. С. 240–248. – ISSN 1812-9226. EDN: [YBMFIP](#).
2. Боевой путь военных формирований политехнического института в годы Великой Отечественной войны. – СПб. : Изд-во СПбГТУ, 1993. – 116 с.
3. Ковалева С. И. Советское общество и благотворительность в годы Великой Отечественной войны // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2011, № 1. С. 137–144. – EDN: [OWCAUB](#).
4. Васильев Ю. С. Манчинский В.Г. Политехнический институт в годы блокады и эвакуации. СПб. : Изд-во СПбГТУ, 1997. – 206 с.
5. Панов Р. А. Научно-исследовательская и практическая деятельность Ленинградского политехнического института для нужд фронта в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Военная история России XIX–XX веков: материалы VIII Международной военно-исторической

конференции. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна, 2015. – С. 218–235. – EDN: [WIZVVH](#).

6. Фундаментальная библиотека Ленинградского Политехнического института имени М. И. Калинина [Электронный ресурс]. URL: https://library.spbstu.ru/ru/exhibition/25#rusmarc_list (дата обращения: 21.03.2025).

7. «Вузы для фронта!»: российские университеты присоединяются к акции по поддержке бойцов спецоперации [Электронный ресурс]. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/68366/> (дата обращения: 18.03.2025).

8. Санкт-Петербургский Вестник высшей школы № 10 (198) ноябрь 2023. Спецвыпуск [Электронный ресурс]. URL: <https://nstar-spb.ru/files/issue13.pdf> (дата обращения 20.03.2025).

9. Грушина В. В. Степень вовлеченности молодежи в занятие добровольчеством в условиях СВО / В. В. Грушина // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024, № 6-3 (93). – С. 69–72. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2024-6-3-69-72>

ПАМЯТЬ О ПОДВИГЕ СОВЕТСКОГО НАРОДА В ФОТОГРАФИЯХ ВОВ

Н.Е. Захарук, И.Э. Рахимбаева

Захарук Наталья Евгеньевна, магистрант 1 курса очной формы обучения направления «Педагогическое образование», профиль «Развитие личности средствами искусства» факультета искусств Педагогического института, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83.

Рахимбаева Инга Эрленовна, доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой теории, истории и педагогики искусства, декан факультета искусств Педагогического института, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83.

Аннотация. Статья посвящена исследованию героизма и самоотверженности советских людей во время Великой Отечественной войны. Представлены фотографии, сделанные фронтовыми корреспондентами, демонстрирующие мужество солдат, тяготы жизни гражданского населения и подвиг советского народа. Статья акцентирует внимание на роли фотографий как исторического свидетельства, подчеркивает роль визуальных

свидетельств в сохранении памяти о событиях военного времени, позволяя современным поколениям глубже осознать масштабы подвига предков.

Ключевые слова: фотография, война, фотограф, фотоснимок, подвиг.

Великая Отечественная война оставила неизгладимый след в памяти всех народов, которые когда-то были частью Советского Союза. Но как велика была беда, так же велик и подвиг её преодоления. Поэтому, как в песне, радость всегда сопровождается слезами на глазах.

Фронтовые фотографии, сделанные в то время, часто остаются неизвестными, но они хранят память о горе народа, о его героическом подвиге – боевом и трудовом. Эти фотографии сочетают в себе документальную строгость и порой пугающую своей реалистичностью художественную картину.

Работы военных фотографов и кинооператоров, запечатлевшие события тех лет, помогают нам понять и почувствовать правду о войне, а также осознать истинный смысл происходящего в современном мире. Военные фотографы и кинооператоры стали непредвзятыми свидетелями великой истории нашей страны.

Храбрые летописцы тех событий сохранили для нас каждое мгновение тех тяжёлых, горьких и славных дней. Они описывали и запечатлевали на плёнке героизм и мужество наших фронтовиков, раскрывая их образ и дух. Их произведения были наполнены огромным зарядом патриотизма и веры в победу.

В текущем году мы отмечаем восьмидесятилетие победы в Великой Отечественной войне, которая навсегда останется в нашей памяти как событие, вызывающее чувство глубокой гордости и уважения.

Из тысяч фотокорреспондентов 62 стран-участниц Второй мировой именно советские фотографы оставили самые пронзительные свидетельства войны. Но до сих пор многие имена фронтовых фотографов остаются неизвестными.

Фотографы, работавшие во время Великой Отечественной войны, делали снимки в условиях обстрелов и бомбардировок, в окопах, на кораблях и аэродромах. Они также фиксировали повседневную жизнь в партизанских отрядах, осаждённых городах и в тылу. Эти фотографии стали частью истории мирового фотоискусства и использовались в качестве доказательств на Нюрнбергском процессе.

Фотографии Великой Отечественной войны – это хроника 1418 тяжелейших дней. На них – солдаты и офицеры во время тяжелых боев и в минуты отдыха, мирные граждане, переживающие лишения, голод и потерю близких. Радость выживших и празднующих Победу. Эти страшные дни навсегда в нашей памяти.

Исследовать советскую документальную фотографию времён Великой Отечественной войны одновременно легко и сложно.

Легко, потому что временные рамки исследования чётко определены: война для Советского Союза длилась с 22 июня 1941 года по 9 мая 1945 года.

Материал – снимки военных фотокорреспондентов, сделанные в течение 1418 дней, что длилась война, получившая сразу же название Великой Отечественной.

Важно отметить, что из-за строгостей военного времени снимать на полях сражений могли только профессионалы, аккредитованные в крупных изданиях, таких как центральные газеты «Правда», «Известия», «Комсомольская правда», «Красная звезда» и другие, а также информационные агентства ТАСС и Совинформбюро.

Случаи, когда люди, занимавшиеся фотографией до войны, оказывались на фронте с камерой и снимали «для себя», почти не известны. Обычно такие люди попадали в поле зрения дивизионных или армейских газет и вскоре, если у них были творческие способности, становились фотокорреспондентами военных изданий.

Выражение «в одно мгновение всё переменялось до неузнаваемости», которое обычно используется метафорически, в тот день, 22 июня 1941 года, обрело буквальный смысл. В полдень, когда в радиовыступлении В.М. Молотова было объявлено о начале войны, всё изменилось в одно мгновение.

Руководители газет и информагентств узнали о произошедшем чуть раньше и успели вызвать в редакции многих журналистов, включая фоторепортеров, несмотря на воскресный день.

Евгений Халдей, известный фоторепортёр, рассказывал, как была сделана его знаменитая фотография людей, слушающих выступление Молотова на улице. Он был срочно вызван в редакцию Фотохроники ТАСС, которая тогда находилась на улице имени 25 Октября (ныне – Никольская). Из окна он увидел, что люди собираются на тротуаре напротив большого радиорепродуктора в ожидании важного правительственного сообщения. Зная, о чём будет это сообщение, репортёр схватил камеру и выскочил на улицу. Там он сделал снимок, который стал знаменитым.

Вместе с фотографией другого известного репортёра Ивана Шагина, который запечатлел тот же момент, но в другом месте Москвы, этот снимок точно передал не только сам факт, но и, что гораздо ценнее, состояние людей [1].

Умение в портретном изображении передать характер, судьбу человека стало отличительной чертой творчества фотографа. Им созданы портреты советских военачальников, офицеров, солдат, летчиков и моряков – героев и простых тружеников войны. По его фотографиям страна судила о всех бедствиях войны, а некоторые снимки были представлены в качестве доказательств на Нюрнбергском процессе. Фотограф зафиксировал то, как и чем жили люди в наиболее тяжелые годы испытаний, когда решалась судьба человечества. Его фотографии – это не столько свидетельство военного времени, сколько эмоциональное переживание. Героизм и мужество обыкновенного человека на войне, радость побед и боль поражений, человеческие потери – все это Евгений Ананьевич пережил сам. Его работы пронизаны собственной болью за страну, за поражения и потери, а также страстным желанием дожить до победы.

Рис. 1. Жители Москвы 22 июня 1941 года во время объявления по радио правительственного сообщения о вероломном нападении фашистской Германии на Советский Союз. Фото Е.Халдей

Галина Санько, фотокорреспондент газеты «Фронтальная иллюстрация», санитарка и шофер, прошла всю войну до Берлина и Дальнего Востока, получила ранение и была награждена медалями и орденом Красной Звезды. О фронтовых буднях вспоминала просто: «Боялась ли я? Боялась. Сколько раз в аду обстрела я желала, чтобы уж попали в меня, чтобы настал конец... Возможно, в моих военных фотографиях есть что-то женское, потому что я действительно женщина. Но я не знаю что, потому что жила я как мужчина».

Эту фотографию Санько сделала в концлагере в Петрозаводске. Историю ее создания автор описывала так: «Испуганные лица. Они с недоверием смотрели на меня недетскими глазами. Я пыталась с ними заговорить, но они упорно не отвечали. Сделав несколько фотографий, я прошла в ворота. И вдруг какая-то девочка сказала мне: «Тетя!» Ребята плакали, повторяли сквозь слезы: «Мама...» Снимок стал одним из обвинительных свидетельств против нацистов на Нюрнбергском процессе [2].

Рис. 2. Узники фашизма. Петразоводск. Г.Санько.

Дмитрий Бальтерманц, выпускник мехмата Московского государственного университета, отказался от академической карьеры в пользу фотожурналистики. В годы войны он запечатлел для газеты «Известия» оборону столицы, военные действия в Крыму, Сталинградскую битву. Но самым известным снимком автора стала фотография «Горе».

Во время десанта на Феодосию и Керчь в декабре 1941 года Бальтерманц сфотографировал Багеровский ров. В нем навсегда остались семь тысяч человек, расстрелянных фашистами. Также на фото попали их близкие, которые пытались найти среди погибших своих соседей, друзей и родственников. Бальтерманц вспоминал: «Сцены были ужасными. Это так меня потрясло, что все последующее стерлось в памяти».

Как и многие другие легендарные военные снимки, «Горе» опубликовали много лет спустя, в 1960-х годах, когда в Москву приехал итальянский фотограф Кайо Гарруба – он собирал материалы для выставки «Что есть человек». Фотографию Дмитрия Бальтерманца признали лучшей. Разрешение на ее публикацию запрашивали крупные мировые агентства и СМИ: «Штерн», «Пари-матч», «Лайф» и даже службы Ватикана, которые планировали использовать снимок в духовной энциклопедии как иллюстрацию человеческого горя. Выставка «Что есть человек» несколько лет ездила по разным странам [2].

Рис. 3. Горе. Фото Дмитрия Бальтерманца

Эти фотографии видели многие. От них сжимается сердце. Война страшна сама по себе. Но когда речь идет об исковерканных детских судьбах, испытываешь уже не страх, а ужас. И ненависть к тем, кто это допустил.

Рис.4 Женщины в теплице.1941год.

Еврейские, польские и украинские женщины и дети, запертые в теплице в ожидании своей участи. Они были расстреляны немцами на следующий день. Всего в конце августа 1941 у Дома Красной Армии Новоград-Волинска было расстреляно 700 мирных жителей, включая женщин и детей.

Райцентру Эльхотово (Северная Осетия) крепко досталось в 42-м. Трижды переходил из рук в руки. А после авианалетов и ударов артиллерии превратился в руины. Проходя мимо разрушенного дома, бойцы 84-й отдельной морской стрелковой бригады услышали детский плач. Зашли во двор и застыли от увиденного. На земле лежала мертвая женщина, а к столу была привязана двухлетняя девочка, завернутая в одеяла. Солдаты бросились к малышке, но вовремя заметили тянущийся от нее провод. Перед отходом

немцы заминировали ребенка. Бомбу обезвредили, а кроху передали в медсанроту: у нее было осколочное ранение. Бойцы даже козу где-то раздобыли, что на свежем молоке девочка скорее пошла на поправку. Оформили свидетельство о рождении. Назвали девочку необычным именем - Эльхота, чтобы она всегда помнила место, где ее спасли. Фамилию дали Морская, а отчество - Анатольевна, в честь замполита бригады Анатолия Данилова [3].

Рис.5. Малышка со своим спасителем. 1942 год. Эльхотово, Северная Осетия.

Во время Великой Отечественной войны в рядах Красной армии служило более 3500 фронтовиков младше 16 лет. Их называли «сыновьями полка». Это официальная цифра, но, говорят, таких ребят было намного больше.

Еще один известный снимок - фотография разведчика Володи Тарновского. Он попал в действующую армию в 1943 году, когда советские войска освободили его родной Славянск на Донбассе. 13-летний мальчик мечтал отомстить за расстрелянную мать, погибшего отчима и младшего брата, которого увезли немцы. Первую награду парнишка получил за форсирование Днепра и спасение офицера. А медаль «За отвагу» - за взятие «языка». Когда мальчик конвоировал двухметрового здоровяка - пленного унтер-офицера - солдаты не могли сдержать улыбок. А потом был Берлин и знаменитый автограф на рейхстаге, запечатленный на фото.

После войны Владимир Тарновский закончил школу с золотой медалью, поступил в Одесский институт инженеров морского флота. По распределению попал в Ригу, работал на местном судоремонтном заводе, даже был директором. На пенсии занялся общественной работой, был заместителем

председателя Латвийской ассоциации борцов антигитлеровской коалиции. Много лет Тарновский искал брата, угнанного в Германию, но так и не нашел. Владимир Владимирович скончался в феврале 2013 года [3].

Рис. 6. Сын полка Володя Тарновский ставит автограф на колонне Рейхстага. Май 1945.

Снимок «Знамя над Рейхстагом» стал иконой XX века, картиной, которая в коллективной памяти немцев и русских одновременно представляет собой поражение нацистской Германии и победу Красной армии.

Рис.7. Знамя Победы над Берлином.

За четыре года войны военными фотокорреспондентами были отсняты десятки тысяч негативов, запечатлевших напряженные бои 1941 года, горечь отступления и первые победы, фронтовые будни и героический труд, страшные следы войны в разрушенных городах и сожженных деревнях. Главными героями фотоснимков были простые солдаты и офицеры – те, с кем фотокорреспондент делил тяготы войны, ходил в атаку и, рискуя своей жизнью, создавал страницы исторической памяти.

Военные фотокорреспонденты Советского Союза снимали шедевры, многие снимки стали символами Великой Отечественной. Даже сегодня, когда наступило время видео, нейросетей, графики, эти фотографии позволяют ощутить весь ужас той войны.

История переписывается, людская память коротка. И только старые фотографии хранят молчаливую правду о прошлом и пробуждают желание понять то время и тех людей, которые вглядываются с пожелтевших фотографий в будущее.

Библиографический список

1. Советская документальная фотография времен Великой Отечественной войны. Часть 1 [Электр. ресурс]. - Режим доступа: <https://www.photographer.ru/cult/history/6378.htm> (Дата обращения: 16.03.2025)
2. Культура РФ. 12 легендарных военных снимков [Электр. ресурс]. - Режим доступа: <https://www.culture.ru/materials/258137/12-legendarmykh-voennykh-snimkov?ysclid=m8bw3f6r6j420475403> (Дата обращения: 16.03.2025)
3. «Фотографу кричали: «Не стреляй в дитё!» - думали, он в меня целится...»: пять пронзительных историй детей с известных военных снимков [Электр. ресурс]. - Режим доступа <https://www.kp.ru/daily/26827.4/38866588/> (Дата обращения: 16.03.2025)
4. РОСФОТО. Великая отечественная война [Электр. ресурс]. - Режим доступа: <https://rosphoto.org/partneram/traveling-exhibits/great-patriotic-war/> (Дата обращения: 16.03.2025)

НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

О.Ю. Красильников

Красильников Олег Юрьевич, д.э.н., профессор кафедры экономической теории и национальной экономики, ok-russia@yandex.ru. Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83.

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы национализации предприятий в современной экономике России. Национализация выражается, в первую очередь, в трансформации института собственности, который дрейфует в сторону все большего огосударствления. Национализации частных компаний происходит по различным причинам, начиная от возврата в государственную собственность оборонных и системно-значимых предприятий и заканчивая наличием криминального следа и экстремистской деятельности. Высказываются мнения о необходимости внедрения института экономического планирования. Делается вывод о том, что с точки зрения

институциональной теории современная российская экономика все больше напоминает систему, присущую не контрактной, а эксплуататорской модели государства. Основными показателями данной системы являются высокие военные и административные расходы, огосударствление (национализация) частной собственности, а также повышение налогов.

Ключевые слова: огосударствление, национализация, собственность, госкорпорации, планирование.

Актуальность темы доклада определяется тем, что в настоящее время происходит деградация экономических, в первую очередь рыночных, институтов в российской экономике [1]. Она выражается в трансформации, прежде всего, института собственности, который дрейфует в сторону все большего огосударствления.

Все чаще с верхних эшелонов власти звучат предложения о национализации критически значимых для экономики предприятий и производств. Подспудно подобные изменения уже происходят. Все большее значение в экономике, особенно во время проведения специальной военной операции (СВО), приобретают так называемые госкорпорации (ГК) – «Ростех», «Росатом», «Роскосмос» и другие. Некоторые из них формально являются акционерными («Газпром», «Роснефть» и т. д.), однако полностью контролируются государством. При этом все знают печальную историю ГК «Роснано», убытки которой исчисляются суммой почти в 100 млрд рублей [2]. С точки зрения банковских институтов огосударствление выражается в том, что львиная доля активов сосредоточена в так называемых госбанках (Сбер, ВТБ, ПСБ и др.), полностью контролируемых государством. И хотя ежегодно они показывают неплохую прибыль, тем не менее конкуренция в банковской сфере постепенно угасает. За десять лет число региональных банков сократилось в два с половиной раза – с 425 до 153 по состоянию на 1 января 2024 года [3].

Кроме приведенных выше примеров неявного огосударствления имеют место случаи прямой передачи предприятий в государственную собственность. В последнее время под различными не всегда благовидными предложениями происходит массовая национализация коммерческих предприятий [4]. Среди причин выделяются следующие:

- в условиях ведения специальной военной операции существует необходимость вернуть стратегические активы в государственную собственность;

- огосударствление происходит в качестве зеркального ответа на антироссийские санкции недружественных стран как в виде откровенно рейдерских захватов, так и в виде символического выкупа активов ушедших с российского рынка иностранных компаний;

- в результате судебного решения, основанного на признании наличия криминального следа, экстремистской деятельности, незаконной приватизации и т.д.

Список компаний, которые перешли в собственность государства или находятся в процессе национализации, довольно внушительный:

- группа компаний «Рольф», занимающаяся автодилерской деятельностью;
- производитель макаронных изделий АО «Макфа», управляющей компании предприятий «Агромакфа», «Смак», Первый хлебокомбинат, «Челябинскоблгаз», «Новая пятилетка», «Долговской», «Урал-Медиа», «Медиа-Центр»;
- активы «крабового короля» О. Кана, членов его семьи и благотворительного фонда «Родные острова» (в результате в собственность государства перешли восемь рыбопромышленных дальневосточных компаний и один оператор такси);
- предприятия водочного бизнеса Ю. Шефлера – спиртовой завод «Амбер Талвис» в Тамбовской области, акции калининградского АО «СПИ-РВВК», а также доли в уставном капитале ООО «РВВК»;
- активы украинского бизнесмена И. Коломойского (внесен в список террористов и экстремистов) и его компаньона П. Шитова: компании «Южгазэнерджи» и «Кейтеринг-Юг», недвижимость в Москве, а также земельные участки в нескольких регионах России;
- Ивановский завод тяжелого станкостроения (ИЗТЗ);
- заводы группы Челябинского электрометаллургического комбината (ЧЭМК): АО «Серовский завод ферросплавов», АО «Челябинский электрометаллургический комбинат» и АО «Кузнецкие ферросплавы»;
- активы группы компаний «Ариант» (100% долей ООО «Кубань-Вино», ООО «Агрофирма «Южная», ООО «Агрофирма «Ариант», ООО «ЦПИ-Ариант»);
- крупнейший производитель формалина и метанола – компания «Метафракс Кемикалс» контрольный пакет акций которой принадлежал американской организации «Sorcy Investments Trust»;
- акции ОАО «Сясьский целлюлозно-бумажный комбинат» (крупный производитель туалетной бумаги и бумажных салфеток);
- агрохолдинг «Покровский», в том числе ГК «Покровский» и предприятия, входящие в группу компаний, всего около 90 организаций, в том числе винзавод, мясокомбинаты и т.д., а также принадлежащие им земельные участки;
- портовые территории ООО «Порт Пермь», АО «Калининградский морской торговый порт»;
- акции ПАО «ТГК-2», АО «Коми энергосбытовая компания», ОАО «Уралбиофарм», банк «Вятич», оборонный завод электрических соединителей «Исеть», АО «Волжский оргсинтез» (производитель анилина), Дальнегорский ГОК (единственный производитель борной кислоты), активы «Северной верфи» и холдинговой группы АО «Коммерческий центр, транспорт и лес», здание гостиницы «Москва», находящийся в нем пятизвездочный отель «Four

Seasons», и еще 27 объектов недвижимости, в том числе «Cherry Tower» и ТЦ «Горбушкин двор»;

- складские помещения компании «Raven Russia»;
- имущество группы компаний «Домодедово»;
- ООО «Производственная компания «Борец», которая занимается монтажом, ремонтом и демонтажом буровых вышек и предоставлением прочих услуг в области добычи нефти и природного газа;
- энергетические компании «Юнипро» и «Фортума»;
- акции «Данон Россия» и пивоваренной компании «Балтика»;
- производитель консервов «Главпродукт» и компания «Промсельхозинвест» [5].

Причины национализации указанных выше активов различны. Некоторые из них мы сгруппировали в таблице.

Таблица

Причины национализации некоторых активов

Актив	Причина национализации
Группа компаний «Рольф»	Имущество, полученное в нарушение законодательства о противодействии коррупции
«Макфа»	Два основных бенефициара «Макфы» занимались бизнесом работая в органах государственной власти, тем самым нарушая антикоррупционные запреты и ограничения. В настоящее время оба объявлены в международный розыск
Активы «крабового короля» О. Кана	Улов продавался за рубеж, прибыль переводилась на счета в иностранных банках
Предприятия водочного бизнеса Ю. Шефлера	Подконтрольные Ю. Шефлеру компании были признаны экстремистским объединением
Активы украинского бизнесмена И. Коломойского	И. Коломойский и его окружение причастны к экстремистской деятельности, а также к финансированию украинской армии
Ивановский завод тяжелого станкостроения	Незаконная приватизация 1990-х годов, решение о передаче акций оборонного завода было принято с превышением полномочий
Заводы группы ЧЭМК	Неосновательное обогащение экс-владельцев предприятия
«Метафракс Кемикалс»	Признаны незаконными итоги приватизации бывшего Губахинского химического завода
ОАО «Сясьский целлюлозно-бумажный комбинат»	Признана недействительной сделка по приобретению акций компанией «Nerya»

Агрохолдинг «Покровский»	В отношении владельца было возбуждено дело о взыскании, он уехал из России и находится в розыске
ООО «Производственная компания «Борец»	Находилась «под иностранным управлением»
«Юнипро» и «Фортума»	Внешнее управление над российскими активами иностранных инвесторов
Пивоваренная компания «Балтика»	98,56% акций принадлежало иностранной «Carlsberg Sverige Aktiebolag»
Производитель консервов «Главпродукт»	100% долей в уставном капитале принадлежало ООО «Промсельхозинвест», владельцем которой была американская «Universal Beverage Company»

Источник: таблица составлена автором.

Какими бы не были причины национализации правительство собирается оставить в государственной собственности только стратегически важные, системообразующие предприятия, например, порты, а остальные передать или продать в частные руки [6]. Коммерческие склады «Raven Russia» изъяты в пользу государства, так как власти считают эти объекты транспортными терминалами, которые имеют ключевое значение для безопасности страны [7].

В экономической теории сложилось устойчивое мнение о более низкой эффективности государственной собственности по сравнению, например, с частной, что определяется несоответствием чиновничьих и общенародных интересов, порождающих нецелевое использование средств, коррупцию, откаты и другие негативные явления. Так, новым владельцем «Рольфа» стал глава Международной ассоциации бокса (IBA) Умар Кремлев. Что же касается Челябинского электрометаллургического комбината, то речь идет о возможной передаче данного актива «Ростеху», который затем найдет наиболее эффективного инвестора-партнера, сохранив за собой блокирующий пакет акций в 25%. В условиях перехода российской экономики на мобилизационные рельсы после известных событий февраля 2024 года подобная практика огосударствления рыночных институтов кажется вполне оправданной. Однако, после завершения СВО возврат к полноценным рыночным отношениям будет очень болезненным и может затянуться на неопределенное время, вследствие большой инерционности элементов командной распределительной экономики.

Все чаще в научной среде раздаются голоса о необходимости введения института планирования. По словам А.Г. Аганбегяна, «при сложившейся системе управления без стратегического плана Россия за 30 лет своего существования по уровню экономического и социального развития в основном топчется на месте. Валовой внутренний продукт России в 2019 г. составил только 115% к показателям РСФСР 1990 г. За эти 30 лет экономика США и европейских стран увеличилась в 1,5–2 раза, а развивающихся стран –

в 3–5 раз» [8, с. 24]. Речь идет, прежде всего, об индикативном, а не директивном планировании [9, с. 8]. Однако, очень трудно будет добиться того, чтобы институт планирования не противоречил институту рынка, как это было в экономике бывшего СССР. Вместе с перечисленными выше примерами национализации частного бизнеса бездумное насаждение плановых элементов способно негативно сказаться на динамике общего экономического развития страны.

В заключение необходимо отметить, что попытки государства усилить свое влияние на экономику приводят к негативной трансформации важнейших экономических, прежде всего рыночных, институтов, что может привести снижению эффективности функционирования национального хозяйства в целом.

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы:

- современная российская экономика все больше напоминает систему, присущую не контрактной, а эксплуататорской модели государства, основным показателем которой, кроме высоких военных и административных расходов госбюджета, является огосударствление (национализация) частной собственности;
- наблюдается обострение противоречия институтов рынка и государства, которое может привести к отрицательным экономическим и социальным последствиям.

Библиографический список

1. Красильников О.Ю. Деграция экономических институтов в современной России // Национальные институты для современной России: субъекты и нарративы: материалы XIV науч. конф., 30–31 октября 2024 г. / отв. ред. И. С. Пыжев. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2024. С. 40–41.
2. Почти 100 миллиардов – это вам не шутки. «Фонтанка» измерила финансовую дыру «Роснано» // Фонтанка.ру: [сайт]. URL: <https://www.fontanka.ru/2023/10/10/72792701> (дата обращения: 05.03.2025).
3. Региональным банкам нужен особый статус // Монокль: [сайт]. URL: <https://monocle.ru/monocle/2024/15/regionalnym-bankam-nuzhen-osobiy-status> (дата обращения: 07.03.2025).
4. Шелухин Н.Л., Харабериш И.Ф. Опыт национализации и внешнего управления активами в системе мер по обеспечению экономической безопасности государства // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26. №. 2. С. 13–27. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2024-2/13-27>
5. Какие частные компании прокуратура требует передать государству // РБК: [сайт]. URL: <https://www.rbc.ru/business/29/03/2024/64e3a6769a7947634c7c9f53> (дата обращения: 08.03.2025).
6. Две сотни частных предприятий отдали государству. Итоги национализации-2024 на примере уральских заводов // 66.ru: [сайт]. URL: <https://66.ru/news/business/277869/> (дата обращения: 17.03.2025)

7. Малаховский А. Стратегический актив: почему пытаются национализировать склады Raven Russia // ПРАВО.ru: [сайт]. URL: <https://pravo.ru/story/257269/> (дата обращения: 18.03.2025).

8. Аганбегян А.Г. О необходимости планирования в современной России // Планирование в рыночной экономике: воспоминания о будущем / под общ. ред. С.Д. Бодрунова. СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2021. С. 19–39.

9. Бодрунов С.Д. Современная стратегия развития требует поворота к планированию // Экономическое возрождение России. 2021. №. 3 (69). С. 5-13. <https://doi.org/10.37930/1990-9780-2021-3-69-5-13>

РОЛЬ ИСКУССТВА В ПОДДЕРЖАНИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ УЧАСТНИКОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА ПРИМЕРЕ ТЕАТРАЛЬНОГО ИСКУССТВА)

Е.А. Лазунина, Е.М. Зинченко

Лазунина Екатерина Алексеевна, старший преподаватель кафедры общей и консультативной психологии факультета психологии, ekaterinalazunina@yandex.ru, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83.

Зинченко Екатерина Михайловна, кандидат биологических наук, доцент кафедры общей и консультативной психологии факультета психологии, Odonatal108@yandex.ru, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83.

Аннотация. Статья посвящена роли искусства, особенно театра, в сохранении психологического здоровья населения и бойцов Красной Армии в годы Великой Отечественной войны. Рассматриваются ключевые понятия психологического здоровья, такие как устойчивость, адаптация, моральное состояние и социальная связь, выделяя их важность в условиях военных испытаний. Отмечается особая роль художественных произведений («Нашествие», «Фронт», «Русские люди»), ставших важной частью борьбы за победу. Авторы отмечают активную роль передвижных театральных коллективов, фронтовых бригад, выступавших перед бойцами и помогающих поддержать моральный дух в тяжелейших условиях войны. Представлена деятельность театров Саратовской области, подчёркивает личный вклад известных деятелей искусства и педагогических коллективов в организацию культурно-массовых мероприятий, направленных на повышение боевого духа войск и гражданского населения. В выводах говорится о необходимости дальнейшего изучения этого опыта для совершенствования современных методик психологической поддержки и социальной сплочённости.

Ключевые слова: психологическое здоровье, театр, Великая Отечественная Война, фронтовые бригады.

В этом году мы отмечаем 80-летие Великой Победы. Победа, добытой ценой невероятных жертв и героизма, которая навсегда останется в памяти нашего народа.

Мы вспоминаем не только о героизме наших солдат и единстве народа, но и о колоссальном психологическом напряжении, которое выпало на долю каждого участника тех трагических событий. Обеспечение и поддержание психологического здоровья в условиях войны – это не менее важная задача, чем обеспечение армии оружием и продовольствием. Способность сохранять моральный дух и веру в победу определяла исход сражений и выживание целых городов.

Под психологическим здоровьем, вслед за Караваемым Ф.Ф., Пахальяна В.Э., Советовой Е.В. [1-3] в контексте нашей темы мы понимаем динамическое состояние внутреннего благополучия личности, которое позволяет стойко переносить тяготы войны, реализовывать свой потенциал даже в условиях экстремального стресса, поддерживать продуктивность и сохранять позитивные социальные связи.

На наш взгляд, важнейшими аспектами психологического здоровья в военное время являются *устойчивость* – способность сохранять психическую стабильность и функциональность под воздействием сильных травмирующих факторов. Также критически важна *адаптация* – умение приспосабливаться к новым условиям жизни, к постоянной угрозе и лишениям. *Моральный дух* – это внутренняя убежденность в правоте своего дела, вера в победу и готовность к самопожертвованию. И, наконец, *социальные связи* – это поддержка, взаимопомощь и чувство общности, которые позволяли людям выживать и сохранять человечность в самых нечеловеческих условиях.

Во время войны основная нагрузка по сохранению психологического здоровья ложилась на неформальные механизмы поддержки: семья, друзья, искусство, общение, вера. Искусство, на взгляд многих свидетелей того времени, сыграло в этом процессе значительную роль, и стало своего рода «психологической аптечкой» военного времени.

В это нелегкое время была разработана система мероприятий по перестройке на военный лад содержания работы всех культурно-просветительских учреждений страны. Во главу угла выдвигалась идеологическая работа учреждений культуры, основной задачей которой было разъяснение гражданам характера и целей войны. Тема войны в работе театров стала ключевой.

В начале войны, когда еще была сильна надежда на быструю победу, театральные репертуары часто состояли из пьес, посвященных «легким» победам и героическим подвигам. Однако, с осознанием всей тяжести и продолжительности войны, тематика театральных постановок эволюционировала. В 1942 году появились пьесы, такие как «Нашествие» Леонида Леонова, «Фронт» Александра Корнейчука и «Русские люди»

Константина Симонова, которые раскрывали всю глубину трагедии, готовили зрителя к предстоящим испытаниям и побуждали к осмыслению пережитого опыта. В центре сюжета пьесы «Русские люди» - непоколебимая вера, отвага, самоотверженность советского народа в борьбе против фашизма, а главным образом героем пьесы стал капитан Сафонов. Актер Борис Георгиевич Добронравов, игравший капитана Сафонова, отмечал теплоту, поддержку и любовь от зрителей-солдат, видевших в капитане настоящего советского командира, смысл жизни которого заключался в стойкости до смерти. Примечательно, что в названии пьесы фигурирует упоминание русского народа, впоследствии название подкорректировали, и в 1943 году по сюжету пьесы была снята кинолента уже с более нейтральным названием «Во имя Родины», чтобы не умалять подвиг других народов Советского Союза. Смыслом пьесы «Нашествие» заключается в воспеании героизма, силы и самоотверженности советских людей, вставших на защиту родной земли. Пьеса «Фронт» отразила необходимость перемен в советской армии, смену старого поколения на молодое, готовое и способное победить сильного врага [4]. Как отметил Ю.А. Завадский, искусство должно «показать зрителю героя нашего времени, его характер, его биографию, его психологию», чтобы сформировать образ настоящего патриота, готового к самопожертвованию ради Родины. Это было крайне важно для поддержания психологического здоровья и мобилизации на борьбу.

Режиссер МХАТ И.М. Раевский так описывал военного зрителя: «Мы обращались к обыкновенному зрителю, который силою обстоятельств оказался оторван от семьи, от своего предприятия и вынужден был взяться за оружие. В то же время, зритель этот был необыкновенным! Нужно было показывать ему всякое искусство, говорящее ему о торжестве жизни, правды, справедливости».

Важно помнить, что даже в условиях войны люди оставались людьми, тоскуя по прекрасному, праздникам и культурным радостям мирной жизни. С начала войны в стране театр мобилизовался. Передвижные театральные бригады были созданы при каждом действующем театре Советского Союза, которые отправлялись на фронт и в госпитали к солдатам, чтобы показывать для них различные постановки. Именно театральные труппы, фронтовые бригады, как их еще называли, взяли на себя функцию донести до сражающегося народа частичку той гражданской жизни, свободной от ужасов войны, поддерживая тем самым моральный дух и надежду на будущее.

Несмотря на все трудности войны, уже в 1942 году удалось в несколько раз увеличить количество фронтовых бригад и выступлений. В общей сложности, за период с 1941 по 1945 годы было проведено 473 тысячи спектаклей и концертов в условиях боевой обстановки. В этом титаническом труде участвовали 3685 артистических бригад, объединивших 42 тысячи работников искусства [5]. Среди них – крупнейшие мастера советского театра, такие как Н.К. Черкасов, сыгравший Александра Невского в одноименном фильме С. Эйзенштейна, М.И. Царев, И.В. Ильинский, В.И. Качалов, И.М. Москвин. Помимо маститых драматических актеров, перед солдатами

выступали певцы Нина Русланова и Леонид Утесов, а также такие артисты разговорного жанра, как Аркадий Райкин и Николай Смирнов-Сокольский и др. Количество зрителей фронтовых спектаклей исчислялось многими миллионами. Трудно оценить уровень моральной поддержки, которую оказывали фронту актеры, но отметим, что он был по-настоящему высок.

Фронтовые бригады часто включали в свои программы небольшие сценки, основанные на реальных событиях из жизни солдат. Эти сценки не только отражали их повседневные трудности и переживания, но и предлагали способы решения проблем, вселяли оптимизм и давали надежду на благополучный исход. Однако, в репертуаре были и многоактные пьесы, их как правило, сокращали, чтобы действие не длилось более полутора часов.

Саратовские театры также не остались в стороне в это непростое время. Именно на сцене Областного драматического театра имени Карла Маркса как раз и шли постановки «Русские люди» Константина Симонова, «Фронт» Александра Корнейчука, «Сталинградцы» Юлия Чепурина. При городском отделе искусства во время войны была организована военно-шефская комиссия, которая шефствовала над воинскими частями и ранеными воинами, находившимися на излечении в госпиталях Саратова и области. Актеры стали частыми гостями в полковых и госпитальных клубах, не раз выезжали на фронт [6].

Солисты Саратовского академического театра оперы и балета давали шевские концерты в Саратовском военном гарнизоне, в госпиталях, школах и колхозах. Две бригады артистов выезжали с концертами на фронт [7].

Театр кукол «Теремок», еще не получивший в те годы собственного помещения, в 1942 году перешёл на хозрасчёт. Актёры также выезжали в госпитали, на военные заводы и в воинские части с острополитическими концертными номерами, поднимали боевой дух воинов и вселяли уверенность в победе [8].

Работа ТЮЗа была прервана в начале Великой Отечественной войны. Во время Великой Отечественной войны, в октябре 1941 года Московский художественный театр был эвакуирован в Саратов, где разместился в театре юного зрителя, и лишь в ноябре 1942 вернулся в Москву. Но уже летом 1943 года ТЮЗ возобновил свою деятельность. Начался новый и самый плодотворный этап его истории. В Саратов приехал и всю свою последующую жизнь связал с Саратовом и ТЮЗом Юрий Петрович Киселёв [9].

Свой вклад в работу фронтовых бригад внесли и работники саратовской консерватории [10]. Педагоги и студенты (вместе с артистами МХАТа, эвакуированного в Саратов) с ноября 1941 по февраль 1942 дали 160 шефских концертов.

Саратовские театры в годы войны, подобно многим другим творческим коллективам, стали настоящими «театрами надежды». Это пример того, что искусство – это не просто развлечение или украшение жизни, а мощный инструмент психологической поддержки, способный помочь людям выстоять в самые тяжелые времена и сохранить человеческое достоинство. Работа театров по поддержанию морального духа и укреплению веры в победу имеет

непреодолимую ценность. Изучение этого опыта может быть полезным и сегодня, когда мы сталкиваемся с новыми вызовами и нуждаемся в эффективных способах психологической поддержки и последующей реабилитации участников боевых действий, а также укрепления чувства общности в государственном масштабе.

Библиографический список

1. Караваев Федор Федорович Психологическое здоровье и здоровьесберегающие технологии в образовании // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2014. №3 (58). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskoe-zdorovie-i-zdoroviesberegayuschie-tehnologii-v-obrazovanii> (дата обращения: 03.04.2025).
2. Пахальяна В. Э. Развитие и психологическое здоровье. Дошкольный и школьный возраст. Питер, 2006. 240 с.
3. Советова Е. В. Оздоровительные технологии в школе // Эффективные образовательные технологии. Ростов н/Д, 2007. С. 285.
4. Червяков Р. Фронт за линией кулис: советский театр в годы великой отечественной войны [электронный ресурс]. URL: <https://tisc-cons.ru/stati-nashikh-yuristov/front-za-liniey-kulis-sovetskiy-teatr-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny/> (дата обращения: 10.03.2025).
5. Глушакова О. В. Государственная культурная политика в годы Великой Отечественной войны // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2021. Т. 6. № 4. С. 515–525. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-4-515-525>
6. Официальный сайт Саратовского государственного академического театра драмы имени И. А. Слонова [электронный ресурс]. URL: <https://saratovdrama.com/history> (дата обращения: 10.03.2025).
7. Официальный сайт Саратовского академического театра оперы и балета [электронный ресурс]. URL: <https://www.operaballet.ru/theatre/history> (дата обращения: 10.03.2025).
8. Официальный сайт Государственного автономного учреждения культуры «Саратовский театр кукол „Теремок“» [электронный ресурс]. URL: <https://teremok-saratov.ru/o-teatre> (дата обращения: 10.03.2025).
9. Официальный сайт Саратовского академического театра юного зрителя им. Ю. П. Киселёва [электронный ресурс]. URL: <https://www.tuz-saratov.ru/history> (дата обращения: 10.03.2025).
10. Информационный портал «Книга памяти Саратовской области» [электронный ресурс]. URL: <https://xn--64-6kcan3adlwzf2bym.xn--p1ai/history/culture/kulturnaya-zhizn-saratova-i-oblasti-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny-obzor> (дата обращения: 10.03.2025).

СТИГМАТИЗАЦИЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ УБЕЖДЕНИЙ В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОБРАЗА ГЕРОЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО КИНЕМАТОГРАФА В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД)

В.Е. Лебедева

Лебедева Валерия Евгеньевна, аспирант кафедры психологии личности, lebedeva.valeriya99@mail.ru. Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83.

Аннотация. Целью данного исследования является выявление имплицитных нарративов, стигматизирующих идеологические убеждения в репрезентации образа героя Великой Отечественной войны в отечественном постсоветском кинематографе. По результатам применения тематического нарративного анализа на материале трех кинофильмов и одного сериала на военную тему нами были обнаружены следующие ведущие нарративы, стигматизирующие идеологические убеждения реальных и вымышленных героев Великой Отечественной войны: батальный, антисоветский и религиозный нарративы. Полученные результаты могут найти применение в разработке психологических интервенций, направленных на дестигматизацию лиц с разными идеологическими убеждениями в социальных представлениях современного российского общества.

Ключевые слова: стигматизация, идеологические убеждения, репрезентация, образ героя, Великая Отечественная война, постсоветский отечественный кинематограф, нарративный анализ.

Актуальность настоящего исследования состоит в определении роли киноискусства в конструировании исторической памяти и общественной идеологии, которые составляют основу социальной идентичности общества [6]. Полученные нами результаты могут найти применение при разработке психологических интервенций, направленных на снижение уровня воспринимаемой субъектом социальной стигматизации на основании идеологических убеждений, а также на дестигматизацию лиц с разными идеологическими убеждениями (не противоречащими правовым нормам Российской Федерации) в социальных представлениях современных россиян.

Объект исследования: стигматизация как социально-психологический феномен.

Предмет исследования: стигматизация идеологических убеждений в репрезентации образа героя Великой Отечественной войны в отечественном постсоветском кинематографе.

Цель исследования: выявление имплицитных нарративов, стигматизирующих идеологические убеждения, в репрезентации образа героя Великой Отечественной войны.

Терминологический аппарат исследования:

– **Стигма**, по И. Гоффману, представляет собой совокупность индивидуально-психологических, социальных и соматических особенностей человека, являющихся социально нежелательными и неодобряемыми, воспринимаемыми социальным большинством в качестве «дефекта», «повреждения», «изъяна» [8]. Идеологические убеждения – это социальная стигма, на их основании личность может подвергаться как стигматизации (в формах дистанцирования, изоляции, дискредитации, дегуманизации), так и дискриминации.

К историческим примерам стигматизации и последующей дискриминации индивидов на основании их идеологических убеждений можно отнести репрессии в отношении коммунистов в странах с авторитарными режимами (Германия, 1933–1945 гг.; Италия, 1922–1943 гг.; Испания, 1936–1975 гг. и др.), в частности, военными диктатурами (Чили, 1973–1990 гг.; Аргентина, 1976–1983 гг.; Греция, 1967–1974 гг. и т.д.) [1].

– При анализе идеологических убеждений родовым выступает понятие **«идеология»**. Л. Альтюссер определял идеологию как «систему идей, представлений, которые владеют умом человека или социальной группы» [7, с. 70]. В рамках концепции культурной гегемонии А. Грамши рассматривал идеологию не только как средство достижения политических целей, но и как социально-психологическую практику, «...почву, на которой люди движутся, осознают свои собственные позиции, борются и т.д.» [2, с. 112].

– Нарративное воздействие – это один из механизмов психологического воздействия продуктов киноиндустрии на личность. В данном контексте **нарратив** понимается как «...репрезентация ограниченных пространством и временем и связанных между собой событий с участием конкретных персонажей, которая имеет определенную структуру и содержит скрытые или явные сообщения по затрагиваемой теме» [9, с. 221].

Определенные политические идеи, в том числе, в форме стигматизирующих какую-либо социальную группу нарративов могут транслироваться в продуктах массовой культуры. В качестве исторических примеров политической пропаганды в кинематографе можно привести игровые кино- и телефильмы США («Маньчжурский кандидат», 1962 г.; «Вторжение в США», 1985 г. и т.д.) и СССР (например, «Мертвый сезон», 1968 г.; «Ошибка Тони Вендиса», 1981 г. и др.) периода «холодной войны».

Метод исследования: тематический нарративный анализ (по К. Риссману) [10].

Материалом исследования послужили фильмы «Двадцать восемь панфиловцев» (2016 г., реж. А.Г. Шальопа, К. Дружинин), «Ржев» (2019 г., реж. И. Копылов), «Зоя» (2020 г., реж. Л. Пляскин, М. Бриус); сериал «Штрафбат» (2004 г., реж. Н.Н. Досталь).

Основания выбора материала исследования:

– Общедоступность и развлекательный характер массовой культуры делают ее универсальным средством для целенаправленной трансформации

социальных представлений о тех или иных феноменах социокультурной и политической действительности [5].

– Мультиmodalность как ключевая характеристика кинофильмов и сериалов обеспечивает высокую эффективность их психологического воздействия на личность [5].

– Согласно Э. Дюркгейму, коллективно переживаемый аффект составляет основу для формирования социальной идентичности [3]. Кинофильмы и сериалы, представляя собой аффективно заряженные инструменты манипуляции общественным мнением и массовыми настроениями, могут выступать средствами актуализации коллективной памяти о войне как единой идеологической основы для сплочения современного российского общества.

– Эксплицитное (переосмысление социокультурного контекста Великой Отечественной войны, мотивов совершения подвига реальными историческими лицами) и имплицитное (нарративы, стигматизирующие идеологические убеждения реальных и вымышленных героев Великой Отечественной войны) содержание выбранных нами кинофильмов и сериала.

Результаты исследования. Ведущие нарративы, стигматизирующие идеологические убеждения реальных и вымышленных героев Великой Отечественной войны в выбранных нами для анализа отечественных постсоветских кинофильмах и сериале, представлены в Табл.

Таблица

Характеристика стигматизирующих нарративов

Наименование нарратива	Кинофильм / сериал	Историческая основа (реальная / вымышленная)	Краткая характеристика нарратива
батальный нарратив	фильм «Двадцать восемь панфиловцев»	реальная историческая основа: подвиг бойцов 316-й стрелковой дивизии под командованием генерала И.В. Панфилова (1941 г.).	интерпретация войны как противостояния добра и зла (речь майора Решетникова без слова «Москва» будет универсальной для любого фильма, в котором есть сцена перед важным сражением: «Братя, история знает немало доблестных воинов. Но никто из них не был удостоен такой великой судьбы. Сегодня за нами не только Москва, не только вся наша

			необъятная Родина. Сегодня, затаив дыхание, на нас смотрит весь мир. Потому что здесь, на этих рубежах, мы встаем на его защиту! Будем достойны этой чести»).
антисоветский нарратив	фильм «Ржев»	реальная историческая основа: события Ржевской битвы (1942–1943 гг.).	позиционирование фильма в ходе пиар-компании как искреннего высказывания о раннее неизвестных фактах исторического события (лозунг фильма на официальном постере: «Честно о засекреченной битве»); ностальгия по дореволюционной России, примат православной духовности над советской идеологией; примитивизация и дискредитация образов советских военнослужащих (пьющий командир, отправляющий солдат в «мясорубку»; политрук, не имеющий авторитета среди сослуживцев; бесчеловечный особист; герой–уголовник); антисоветский штамп «победы вопреки» (вопреки глупости и жестокости советской власти и ее представителей; «ингредиенты победы» – «русскость» и вера в Бога).

<p>религиозный нарратив</p>	<p>сериал «Штрафбат», фильм «Зоя»</p>	<p>вымышленная художественная основа: сериал «Штрафбат» снят по роману Э.Я. Володарского; реальная историческая основа: фильм «Зоя» посвящен судьбе и подвигу З.А. Космедемьянской.</p>	<p>сериал «Штрафбат»: ностальгия по дореволюционной России, примат православной духовности над советской идеологией (вопреки историческим фактам, демонстрируется отсутствие в штрафном батальоне заместителя командира по политической части, его функции берет на себя священник, мотивируя бойцов на подвиги).</p> <p>фильм «Зоя»: игнорирование исторических документов (дневника Зои, воспоминаний ее матери, современников), по которым возможно реконструировать основные черты характера, идеологические убеждения и мотивационные установки Зои; примат православной духовности над советской идеологией – так, Зоя ассоциируется с христианской мученицей, восходящей на Голгофу, еще на стадии продвижения фильма (другой вариант названия фильма: «Страсти по Зое»); деидеологизация образа Зои (которая была идейной коммунисткой) и исторического контекста ее подвига (применение тактики «выжженной</p>
-----------------------------	---------------------------------------	---	---

			<p>земли» советскими войсками в начале войны); подмена ценностно-мотивационных оснований совершения Зоей подвига (ответ на вопрос «Ради чего ты здесь?» от сослуживца, вместе с ней попавшего в плен к фашистам и готового выдать партизан: «Ради трамвайчика, мамы, брата Шурки, булочки ржаной, горячей, прямо из печки». Напомним, что последние слова З.А. Космедемьянской, по свидетельству очевидцев казни, были следующими: «Товарищи, победа будет за нами. Немецкие солдаты, пока не поздно, сдавайтесь в плен... Советский Союз непобедим и не будет побеждён... Сколько нас ни вешайте, всех не перевешаете, нас 170 миллионов. Но за меня вам наши товарищи отомстят» [4, с. 183–184]).</p>
--	--	--	---

Обобщая результаты тематического нарративного анализа, следует подчеркнуть, что деидеологизация подвига героев Великой Отечественной войны, не критичная дискредитация советского прошлого, отсутствие согласованности в репрезентации образа героев и событий войны как ключевые характеристики постсоветского военного кинематографа, не могут претендовать на роль оснований новой общественной идеологии и, тем более, социальной идентичности современного российского общества.

Несмотря на стремление ряда представителей отечественной киноиндустрии сконструировать единый негативный образ идеологических убеждений (в частности, коммунистических), девальвировать их вклад в

ценностно-смысловую и мотивационную структуру личности, очевидно, что идеологические убеждения во многом определяют поведение субъекта как в экстремальных условиях войны, так и в повседневной реальности.

Выводы. В соответствии с целью исследования, нами были выявлены ведущие имплицитные нарративы, стигматизирующие идеологические убеждения в репрезентации образа героя Великой Отечественной войны (на материале отечественного кинематографа в постсоветский период): батальный, антисоветский и религиозный нарративы.

К перспективам развития настоящего исследования можно отнести разработку стратегий дестигматизации лиц с разными идеологическими убеждениями в социальных представлениях россиян, поиск социально-психологических, исторических и культурных оснований для формирования конструктивной общественной идеологии современного российского общества.

Библиографический список

1. Власова Н.В. Авторитаризм в социальной структуре и процессах функционирования современного общества : дис. ... кандидата социологических наук : 22.00.04 / Морд. гос. ун-т им. Н.П. Огарева. Ульяновск, 2004. 190 с.
2. Грамши А. Тюремные тетради : [Пер. с итал.]. М. : Политиздат, 1991. Ч. 1. Москва : Политиздат, 1991. 559 с.
3. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни [Текст]: тотемическая система в Австралии / Эмиль Дюркгейм ; перевод с французского Валерии Земсковой ; научная редакция Дмитрия Куракина. – Москва : Элементарные формы, 2018. 806 с.
4. Зоя Космодемьянская [Текст]: документы и материалы / Гл. арх. упр. г. Москвы; [сост.: М. М. Горинов, Е. Г. Иванова, В. А. Шевченко]. Москва : Изд-во Гл. арх. упр. г. Москвы : Изд-во Патриот, 2011. 209 с.
5. Помигуев И.А., Прокопчук Т.Л., Кошкин А.В. Возможности метода нарративного анализа, или как искать политические ценности в российском кино? // Полит. наука. 2024. №4. С. 45–65. <https://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhnosti-metoda-narrativnogo-analiza-ili-kak-iskat-politicheskie-tsennosti-v-rossiyskom-kino>
6. Родионова О.В. Образ ВОВ в кинематографе как отражение культурно-исторической памяти и механизм самоидентификации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2017. №1 (768). С. 146–171. <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-vov-v-kinematografe-kak-otrazhenie-kulturno-istoricheskoy-pamyati-i-mehanizm-samoidentifikatsii>
7. Althusser L. *Idéologie et appareils idéologiques d'Etat* // Althusser L. *Positions (1964–1975)*. Paris: Les Éditions sociales, 1976. P. 67–125.
8. Goffman E. (1963). *Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity*. New Jersey: Prentice–Hall. 147 p.

9. Kreuter M., Green M., Cappella J., Slater M. Wise M., Storey D., Clark E., O'Keefe D., Erwin D., Holmes K., Hinyard L., Houston T., Woolley S. Narrative communication in cancer prevention and control: a framework to guide research and application // *Annals of behavioral medicine: a publication of the Society of Behavioral Medicine*. 2007. Vol. 33. P. 221–235.

10. Linde Ch. Narrative and social tacit knowledge. *Journal of knowledge management*. 2001, Vol. 5, N 2, P. 160–171.

РАЗВИТИЕ ЦИФРОВОГО ГОСУДАРСТВА В РОССИИ (В АСПЕКТЕ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИИ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ)

А.В. Окунев

Окунев Алексей Викторович, преподаватель-концертмейстер, DamnedDemiurg@yandex.ru, детская школа искусств №7, Россия, 410005, г. Саратов, ул. Большая Горная, д. 236.

Аннотация: Цифровизация государственного управления давно и успешно распространяется по разнообразным сферам общественных отношений. Сложно найти разумного противника подобной цифровизации. С учетом юбилея победы в Великой Отечественной войне важно обратить особое внимание на оцифровку архивных материалов, связанных с разнообразными проявлениями деятельности участников событий тех лет. С годами все меньше становится живых свидетелей прошлого. Применение обширного потенциала цифровизации в этой сфере позволит сохранить для будущих поколений значительный объем архивной информации. Иногда, документ из архива на предка исследователя способен произвести неизгладимое впечатление, во многом превосходящее итоги изучения многих учебников. Развитие портала Госуслуги.ру также способно помочь в этом аспекте.

Ключевые слова – цифра; государственное; управление; память; война; сохранение; прошедшие; реформирование.

С некоторым удивлением приходится констатировать тот факт, что по теме, вынесенной в наименовании настоящей работы, к сожалению, не удалось найти ни одного диссертационного исследования (не только последних лет, но и вовсе когда либо). Хотя в 2025 году планируется юбилей Победы в Великой Отечественной войне, тем не менее сейчас мало желающих исследовать этот сегмент науки. Сложно, как оказалось, и с монографическими исследованиями по данной тематике. С некоторыми оговорками можно привести пример коллективной монографии Абрамовой Елены Николаевны и др. авторов [1]. Складывающуюся в данном аспекте

общественных отношений ситуацию вполне целесообразно оценить как требующую оперативного реагирования. Российское научно-исследовательское сообщество, как показывает практика, вполне способно восстановить справедливость.

Вопросы сохранения исторической памяти об участниках Великой Отечественной войны в цифровом формате в полной мере соответствует содержанию “Стратегии развития информационного общества в РФ на 2017-2030 годы”, утвержденной Указом Президента РФ от 09 мая 2017 года за № 203 [2]. Логически последовательной в этом отношении оказывается и положение ч. 4 ст. 29 Конституции Российской Федерации, в которой указывается, что каждому гарантируется право на свободный поиск, получение, передачу, производство и распространение информации всяким способом, который является законным [3]. Актуальность применительно к анализируемой нами ситуации сегодня сохраняет и Федеральный закон от 27.07.2006 г. №149-ФЗ (ред. от 23.11.2024) “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025 г.), например, его статья 8, именуемая как: “Право на доступ к информации” [4].

Сегодня относительно благоприятная ситуация имеет место с оцифровкой материалов об участниках Великой Отечественной войны, погибших в боях. Несколько сложнее обстоит дело с данными о раненых и попавших в плен [5]. Степень проблемности ситуации с подобным сегментом цифровизации в значительной мере различается в зависимости от конкретного субъекта РФ. Во многом, такой подход может быть объяснен как проблемами с поисками финансирования, так и ординарным субъективным мнением конкретных персоналий региональных и муниципального уровня руководителей. Для подавляющего числа сугубо дотационных регионов РФ, к числу которых относится и Саратовская область, сегодня довольно сложно вести речь о привлечении бюджетного финансирования, учитывая первостепенные интересы государства в несколько иной сфере. Структура норм Бюджетного Кодекса РФ [6] и механизмы их исполнения сегодня сложно применимы к данному сегменту общественных отношений. Однако, говорить о поиске и привлечении к решению подобных вопросов внебюджетных ресурсов, в том числе социально ответственных предпринимателей, представляется вполне целесообразным. К сожалению, в современных условиях, в частности, в Саратовской области нет данных об обращениях представителей органов власти и управления самого разного уровня к предпринимателям и иным лицам, обладающим достаточным материальным ресурсом, с просьбой принять участие в софинансировании столь важной общественно полезной деятельности по сохранению в истории памяти об анализируемых героических и, зачастую, трагических, событиях, равно как и о конкретных их действующих лицах. Несомненно, данная ситуация вполне легко может быть исправлена, при наличии соответствующего управленческого решения (властного импульса).

В качестве положительного примера работы по оцифровке военно-учетных материалов об участниках Великой Отечественной войны можно назвать проект “Военкомат”, реализуемый в Саратовском регионе добровольцами [7]. Сугубо локальный и выборочный характер данного реализуемого людьми доброй воли проекта, безусловно, нуждается в осмыслении представителями как органов федеральной, региональной и местной (муниципальной) власти и управления, так и в максимально широком распространении. В частности, с помощью пользующейся заслуженным авторитетом в Саратовской области региональной Торгово-промышленной палаты вполне могут быть выявлены и приглашены к активному содействию в решении столь общественно-значимых вопросов представители регионального бизнес-сообщества. С другой стороны, можно рассмотреть потенциал Общественной палаты региона по привлечению как финансовых ресурсов, так и дополнительных членов указанного проекта.

Исторически военные и медицинские архивы периода Великой Отечественной войны в Саратовской области находятся весьма в привилегированном состоянии. Положительно может быть оценено отсутствие оккупации в соответствующий период отечественной истории территории нынешней Саратовской области. Риск уничтожения оккупантами архивов военкоматов в этом отношении - ничтожен. С учетом ограниченного срока годности бумажных документов, содержащих информацию об участниках войны, промедление с оцифровкой максимально возможного их числа может привести к печальным итогам.

Чуть сложнее ситуация обстоит с архивами информации об участниках войны, успешно ее переживших и, порой, скончавшихся значительно после ее официального окончания. Как показывает личная практика автора, активный поиск в течении довольно продолжительного времени по ресурсам интернет, по многочисленным российским архивам данных о собственном родственнике, пока положительных результатов не дала. В первую очередь автора интересовала возможность получения архивной фотографии своего родственника. Отклики представителей властей на официальные обращения с просьбой об оказании соответствующей помощи и содействия в данном вопросе пока не могут найти понимания. В частности, даже обращение автора к заместителю руководителя управления по вопросам миграции Саратовской области С.Н.Парфенову с указанной проблемой привело к получению хотя и оформленному официально, но формальному по своей сути ответу, направленному по электронной почте о том, что, якобы, сведениями о документе, удостоверяющем личность покойного ныне участника Великой отечественной войны управление не располагает. Поневоле возникают вопросы о сохранности соответствующих архивов. Равно как и о необходимости их скорейшей оцифровки. Показательным в данном аспекте является опыт органов ЗАГС Саратовской области, реализовавших практически полную оцифровку своих исторических фондов за период с начала XX века по сегодняшний день. Даже документы органов ЗАГС, выданные на немецком языке, стали сохраняться в цифровом формате. Не одна

тысяча заинтересованных в получении такой важной в биографическом и историческом плане информации лиц остались благодарны за предоставление им такой возможности. В этом отношении другим государственным органам, обладающим схожими по своему значению фондами архивных материалов, безусловно, есть к чему стремиться. Можно лишь удивляться, что в современной России вовсе отсутствует актуальная Концепция развития архивного дела в Российской Федерации. Хотя, справедливости ради, надо отметить, что на официальном сайте Федерального архивного агентства РФ имеется проект подобной Концепции развития архивного дела до 2020 года [8]. Хотя и прошло более 5 лет с момента устаревания редакции указанного документа концептуального характера, его обновлением (даже на уровне проекта) никто так и не озаботился. Соответственно, целесообразно рекомендовать поставить перед компетентными государственными структурами задачи по разработке и принятии на соответствующем уровне актуальной редакции Концепции развития архивного дела в РФ. В текст данной Концепции можно включить указания на актуальность включения в архивные фонды соответствующих государственных архивных учреждений и собраний исторических документов паспортно-визовых органов МВД СССР, и связанных с данной тематикой иных информационных ресурсов. Аналогичные дополнения также рекомендуется внести в актуальную редакцию Федерального закона от 22.10.2004 N 125-ФЗ (ред. от 13.12.2024) "Об архивном деле в Российской Федерации" [9].

Действующая сегодня "Концепция информатизации (автоматизации) деятельности государственного архива" (утв. Росархивом) [10], хотя, безусловно, является весьма серьезным шагом вперед в развитии архивного дела на территории государства, однако определяет лишь сугубо технологический сегмент общественных отношений, обусловленных практикой архивного дела. Вопросы комплектования государственных архивных учреждений самого различного уровня сегодня остаются за пределами сферы применения указанной Концепции. Отдельного анализа заслуживает и отсутствие формального официального опубликования текста этой Конвенции. Следуя нормам Указа Президента РФ от 23.05.1996 N 763 (ред. от 03.03.2022) "О порядке опубликования и вступления в силу актов Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации и нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти", положения, изложенные в тексте этой Концепции, обязательно к применению (в том числе - принудительно) не подлежат. Такая ситуация, несомненно, требует скорейшего исправления. Опубликовать в установленном в Российской Федерации порядке текст такого официального документа не требует ни каких-либо значительных материальных и трудовых затрат. Вместе с тем, восприятие общественным мнением подобной публикации будет воспринято сугубо положительно, что может привести к росту авторитета российского государства у рядовых представителей отечественного электората.

Стоит отметить, что в ряде регионов Российской Федерации разработаны и опубликованы соответствующие концептуальные документы развития региональных архивов. Такая ситуация, существует, в частности, в Оренбургской, Вологодской, Свердловской, Ростовской областях, Ставропольском крае, Республике Татарстан. Примечательно, что на официальном сайте государственного комитета Республики Татарстан по архивному делу размещен разработанный проект Стратегии развития архивного дела в Российской Федерации на период до 2036 года. При условии доработки указанных проектов они могут принести новые краски в соответствующие сегменты общественных отношений. Жаль, что в Саратовской области отсутствует такой концептуальный документ. В связи с этим можно предложить компетентным государственным органам и должностным лицам региональной власти и управления Саратовской области инициировать разработку и принятие такого документа. Более того, в целом ряде муниципалитетов имеются подобные концептуальные документы, принятые и размещенные на соответствующих сайтах муниципальных органов управления. Правительству Саратовской области как в лице профильных министерств и ведомств, так и иных структур, подобная сложившаяся практика вполне может показать интересные перспективы для развития.

Возможно, что после привлечения внимания широких слоев научной общественности и иных представителей отечественного электората, ситуация может сдвинуться с “мертвой” точки. К сожалению приходится констатировать, что каких-либо норм федерального закона или подзаконных актов, обязывающих таких должностных лиц в безусловном порядке выполнять подобные просьбы, не имеется. Возможно, в дальнейшем, федеральный российский законодатель сможет восполнить данный правовой вакуум. Здесь коррективы потребуются внести в Федеральный закон от 07.02.2011 N 3-ФЗ (ред. от 28.12.2024) "О полиции" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025) [11], Федеральный закон от 17.01.1992 N 2202-1 (ред. от 03.02.2025) "О прокуратуре Российской Федерации" [12] и некоторые иные нормы права. Инициатором внесения подобных изменений, в частности, может стать Саратовская областная дума, как обладающая правом подобной законодательной инициативы. Вместе с тем, как представляется, предварительно было бы целесообразно организовать и провести на региональном уровне научную конференцию с полемикой по соответствующим вопросам правотворчества, своего рода “мозговой штурм”. Наличие признанных авторитетов среди ученых и педагогов юридического факультета СГУ и юридической академии, также территориально расположенной в городе Саратове, вполне способствует оперативному и справедливому решению сложившейся проблемы.

К реализации подобного научного творчества могут быть привлечены и активные студенты как обучающиеся по программе бакалавриата, так и специалитета или магистратуры. Под научным руководством опытных педагогов соответствующих высших юридических учебных заведений вполне

могут быть достигнуты положительные результаты. Например, при выборе тем докладов, рефератов, выпускных квалификационных работ затрагиваемый выше спектр вопросов вполне может оказаться востребованным.

С другой стороны, интерес способен вызвать и вопрос о внесении подобной тематики в учебный процесс соответствующих высших учебных заведений. В этом отношении можно рекомендовать обратиться к мнению Шошина С.В., весьма оригинально рассматривающего эту ситуацию в своей работе [13].

Особое внимание рекомендуется уделить и расширению возможностей для заинтересованных лиц в получении соответствующей архивной информации из самых разнообразных мест их хранения на участников Великой Отечественной войны. Здесь еще имеется обширный потенциал для совершенствования как технологий, так и доступа к таким местам хранения подобной архивной документации.

В результате активной скоординированной конструктивной деятельности по увековечиванию в цифровой плоскости памяти участников Великой Отечественной войны в самых разных плоскостях появится возможность с должным уважением к их заслугам подойти к юбилею Победы.

Библиографический список:

1. Правовое противодействие фейковизации информационного пространства: коллективная монография / [Абрамова Елена Николаевна, Аничкин Евгений Сергеевич, Байков Анатолий Игоревич и др.]; под ред. Е. С. Аничкина, В. В. Сорокина; Министерство науки и высшего образования РФ, Алтайский государственный университет, Юридический институт. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2025. 453 с.

2. Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. N 203 "О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы"// Текст Указа опубликован на "Официальном интернет-портале правовой информации" (www.pravo.gov.ru) 10 мая 2017 г. URL: <https://base.garant.ru/71670570/> (дата обращения: 08.05.2025).

3. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.

4. Федеральный закон от 27.07.2006 г. №149-ФЗ (ред. от 23.11.2024) "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025 г.) // "Рос. газ.", №165, 29.07.2006. Цит. по: КонсультантПлюс. Некоммерческая версия. (дата обращения: 04.04.2025 г.).

5. Игошина, О. Ю. Электронные исторические источники по проблеме безвозвратных людских потерь в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. (на примере Куйбышевской (Самарской) области) / О. Ю. Игошина // Самарский научный вестник. 2020. Т. 9, № 1(30). С. 220-225. DOI 10.17816/snv202091218.

6. "Бюджетный кодекс Российской Федерации" от 31.07.1998 N 145-ФЗ (ред. от 21.04.2025) // "Российская газета", N 153-154, 12.08.1998. Цит. по: КонсультантПлюс. Некоммерческая версия. (дата обращения: 04.05.2025 г.).

7. Ланько, Д. И. Проект «Военкомат» и комплексная работа с документами времен ВОВ / Д. И. Ланько // Культурное наследие г. Саратова и Саратовской области: Материалы X Международной научно-практической конференции, Саратов, 06–09 октября 2021 года / Под общей редакцией Ю.Ю. Андреевой и И.Э. Рахимбаевой. – Саратов: Издательство "Саратовский источник", 2021. С. 202-208.

8. Концепция развития архивного дела в Российской Федерации на период до 2020 года // Федеральное архивное агентство РФ: URL:<https://archives.gov.ru/documents/project-concept-razvitiie-archivnogo-dela.shtml> (дата обращения: 08.05.2025 г.).

9. Федеральный закон от 22.10.2004 N 125-ФЗ (ред. от 13.12.2024) "Об архивном деле в Российской Федерации" // "Росс. газ.", N 237, 27.10.2004.

10. "Концепция информатизации (автоматизации) деятельности государственного архива" (утв. Росархивом) // Некоммерческая Интернет-версия
КонсультантПлюс:
URL:<https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=256424&dst=100001#nrnCckUCBRnbvHbJ> (дата обращения: 08.05.2025 г.).

11. Федеральный закон от 07.02.2011 N 3-ФЗ (ред. от 28.12.2024) "О полиции" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025) // "Собрание законодательства РФ", 14.02.2011, N 7, ст. 900.

12. Федеральный закон от 17.01.1992 N 2202-1 (ред. от 03.02.2025) "О прокуратуре Российской Федерации" // "Российская газета", N 229, 25.11.1995.

13. Шошин, С. В. Фактор историзма в преподавании уголовно-исполнительного права на юридическом факультете университета: инновационный подход к историческому аспекту / С. В. Шошин // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2024. № 8. С. 92-101. DOI 10.20339/AM.08-24.092. – EDN MTANDY.

МОРАЛЬНОЕ ДИСТАНЦИРОВАНИЕ В ВОЕННЫХ НАРРАТИВАХ СОВРЕМЕННОЙ ФИНЛЯНДИИ: ОПРАВДАНИЕ СОТРУДНИЧЕСТВА С ГЕРМАНИЕЙ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ РАЦИОНАЛИЗАЦИИ В КОЛЛЕКТИВНОМ СОЗНАНИИ

В.Д. Панков, М.С. Зубков

Панков Владислав Дмитриевич, магистрант кафедры отечественной истории и историографии, te-keha-go@mail.ru. Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского. Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83.

Зубков Михаил Сергеевич, магистрант кафедры отечественной истории и историографии, morro.zek2002@yandex.ru. Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского. Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83.

Аннотация: В статье раскрывается проблема нарратива «вынужденного союза», доминирующий в финской историографии, который представляет собой классический пример инструментализации памяти для оправдания этически проблематичных решений. Он не только замалчивает степень идеологической близости части финской элиты к фашизму, но и редуцирует сложную палитру мотивов (реваншизм, экономическая выгода, антикоммунизм) до упрощённой дихотомии «выживание против морали». Авторами делается вывод, что материальная зависимость от Германии (базис) породила идеологическую надстройку в виде мифа о «маленькой стране, зажатой между молотом и наковальней», – мифа, который до сих пор влияет на финское коллективное сознание, препятствуя полноценной рефлексии о цене «прагматического» коллаборационизма.

Ключевые слова: Финляндия, СССР, моральное дистанцирование, Вторая Мировая война, оправдание.

Историческая память о Второй мировой войне остается полем напряженной семиотической борьбы, где нарративы национальной идентичности сталкиваются с этической рефлексией над коллективной виной. В случае Финляндии, чье условное сотрудничество с нацистской Германией в период Войны-начала 1939-1940 года (в отечественной историографии она называется «Зимней войной», в финской – Талвисотой) и полное сотрудничество Войны-продолжения 1941-1944 годов (именуемая в финской историографии, как Яткосота. В отличие от сотрудничества в годы Талвисоты, в ходе Яткосоты финские и немецкие вооружённые силы являлись официальными союзниками и совместно вели боевые действия против СССР) десятилетиями оправдывалось геополитической необходимостью, возникает парадокс: как общество, декларативно осуждающее фашизм, рационализирует союз с режимом, чья идеология сегодня признана абсолютным злом? Этот вопрос приводит к проблеме морального дистанцирования – то есть механизма, позволяющего субъектам (индивидуальным или коллективным) отделять себя от аморальных действий через сложные когнитивно-дискурсивные стратегии. Канадский и американский психолог и исследователь А. Бандура полагал, что само явление отчуждения моральной ответственности можно определить как механизмы, при помощи которых на разных этапах процесса саморегуляции моральные запреты индивида активируются избирательно и не применяются им к себе (то есть отчуждаются) в ответ на его вредоносное по отношению к окружающим поведение [1, С. 364]. А. Бандура выделял следующие конкретные механизмы отчуждения моральной ответственности [2, С. 163]: 1) моральное оправдание, 2) эфемистический язык, 3) выгодное сравнение, 4) смещение

ответственности, 5) рассеивание ответственности, 6) игнорирование или искажение последствий, 7) дегуманизация, 8) атрибуция вины.

Стоит отметить, что финско-германское сотрудничество в годы Второй мировой войны, формально инициированное в июне 1941 года с началом операции «Барбаросса», стало кульминацией сложного переплетения геополитических амбиций, исторических травм и идеологических компромиссов. После завершения Зимней войны (1939–1940), в которой Финляндия потеряла 11% своей территории по Московскому мирному договору, страна оказалась в состоянии глубокого кризиса: экономика была подорвана, общество – травмировано несправедливостью уступок СССР, а политическая элита – одержима реваншистскими настроениями. В этих условиях альянс с нацистской Германией, первоначально воспринимавшийся как тактический манёвр, трансформировался в стратегическую зависимость, рационализируемую через нарратив «вынужденного союза» – ключевого элемента финской коллективной памяти о Войне-продолжении.

Если говорить про исторический контекст, то традиционно принято понимать, что германо-финляндское военное сотрудничество на антисоветской основе началось после того, как 31 июля 1940 г. на совещании высшего командования вермахта, принявшем решение о подготовке нападения на СССР, Финляндия была отнесена к числу вероятных союзников Германии [3, С. 123]. При этом в Берлине учитывалось стремление финской правящей верхушки взять реванш за советско-финляндскую войну 1939-1940 гг. В августе 1940 г. по указанию Гитлера начались поставки немецкого вооружения в Финляндию (следует отметить – стрелкового, тяжелое вооружение поставлялось значительно позже) [4, С. 81]. В окончательном варианте плана войны против Советского Союза, утвержденном Гитлером 18 декабря 1940 г. в директиве № 21 под условным названием «Барбаросса», указывалось, что Финляндия должна прикрывать сосредоточение и развертывание немецких войск, следующих к советской границе, а также вести боевые действия совместно с этими войсками [3, С. 126].

В годы Войны-продолжения, Третий Рейх не переставал оказывать военную помощь Финляндии, о размерах поставок можно судить по следующим данным: в августе 1943 г. из двух танковых бригад с общим количеством 150 танков была сформирована танковая дивизия (Panssaridivisioona), в которой 23 единицы бронетехники были германскими Sturmgeschütz III (они появились в Финляндии летом-осенью 1943-го. Тремя партиями через бухту Пори прибыло 30 из 45 заказанных StuG 40 Ausf.G) – всего Германия поставила 59 таких самоходок [5, С. 21]), которую возглавил генерал-майор Эрнст Лагус. Также в июне 1944 г. Германия поставила в финскую армию 15 танков Panzerkampfwagen IV ausf. J [5, С. 24] и 25 000 противотанковых гранатометов Panzerfaust и Panzerschreck [5, С. 32]. В 1941-1944 гг. в финские ВВС Германией были поставлены самолеты новых конструкций – 48 истребителей Messerschmitt Bf 109G-2, 132 истребителя Bf 109G-6, 15 бомбардировщиков Dornier Do 17Z-2 и 15 бомбардировщиков Ju 88A-4, которые приняли участие в боях против Красной армии.

В свою же очередь Финляндия принимала активное участие в боевых действиях СССР, в т.ч. блокировала Ленинград с Севера. Что касаясь жестокости финской оккупационной политики, особенно по отношению к русской части мирного населения, то она вызывала возмущение и протест во всех странах антигитлеровской коалиции. Однако эта политика оставалась практически неизменной до осени 1943 г., т.е. до тех пор, пока финское руководство под влиянием побед Красной армии на советско-германском фронте окончательно не убедилось в нереальности плана создания «Великой Финляндии».

Однако, Финляндия пришла к сотрудничеству с Германией не в 1940, и даже не в 1939 году. Формирование политической концепции СССР в отношении Финляндии, в контексте выбора стратегии взаимодействия, а также теоретического осмысления сложившихся в прибалтийском регионе политических режимов [6], приходится на начало 1930-х годов и связано, с одной стороны, с экономическим развитием Советского Союза, его военно-политическим усилением и активной миротворческой внешней политикой, а, с другой стороны, с ростом ультраправых настроений в Европе и приходом к власти нацистов, что перекроило социально-экономический ландшафт Европы и обострило противоречия между странами – ряд государств стал восприниматься Советским Союзом как потенциальные союзники Гитлера, а значит как потенциальные противники в будущем военном конфликте. Одним из таких государств была Финляндия [7, С. 34, 35]. Генезис самостоятельного (не привнесенного извне) финского фашизма как полноценной системы тоталитарных социально-экономических мер, подкреплённых соответствующей реакционно-шовинистической идеологией и пропагандой, необходимо, таким образом, рассматривать как длительный, многоаспектный исторический процесс, перешедший в активную фазу со времён Гражданской войны

Тесные связи финской социал-демократии с российскими революционерами, а также активный рост национальной буржуазии на волне масштабного экономического кризиса и обнищания большинства населения, привели к обострению противостояния между коммунистами (получившими абсолютное большинство на выборах в сейм в 1916 году) и представителями местного национального капитала. К решительным действиям финскую социал-демократию призывал В.И. Ленин [8, С. 26]. С аналогичными лозунгами на ноябрьском чрезвычайном съезде социал-демократической партии выступал И.В. Сталин [9, С. 217]. Большевики, видя провалы финской социал-демократов и не готовые к открытому противостоянию на новом фронте, пошли на дипломатическое признание финского буржуазного национального государства. В последующем, в начале января 1918 года, на заседании ВЦИК И.В. Сталин отметит, что большевики ответственно подходят к исполнению своих обещаний, и пример беспристрастного отношения к требованиям финской буржуазии о признании независимости тому подтверждение [10, С. 24]. Итогом обострения противостояния между финскими рабочими и буржуазией послужили кровавые столкновения

шоцкоров и Красной Гвардии, в дальнейшем получившие наименование «Выборгская резня», проходившая в том числе под националистическими русофобскими лозунгами. В одном только 1918 году жертвами белофашистского террора стали 40 тыс. человек. Для придания показательным процессам и казням ореола «законности» финское правительство учредило за годы Гражданской войны 145 чрезвычайных судов, в которых только за 4 месяца было рассмотрено 75 575 политических дел, а 67 788 человек были отправлены на каторжные работы [11, С. 579-583, 587]. За время Гражданской войны Финляндия, поддерживаемая странами Антанты, совместно с интервентами предпринимала вооружённые диверсионные операции на территории советской Карелии. Представители европейских государств и Соединённых Штатов воспринимали прибалтийские государства как один из лучших плацдармов для нападения на Советскую Россию, а потому активно присылали наёмнические формирования, оказывали финансовую и организационную помощь местным националистическим режимам, не вникая в долгосрочные риски появления здесь настоящих фашистских государств [12, С. 295, 341, 564, 567].

После провала революционных выступлений Свинхувуд продолжил курс на планомерное «закручивание гаек» в финском обществе. Несмотря на последующую смену первого лица правительства на Паасикиви, в сумме с 1917 по 1935 год в Финляндии сменилось 23 правительства, объединённых, тем не менее, общей задачей подготовки фашистской диктатуры. До 1929 года финская социал-демократия имела возможность действовать в легальном поле, несмотря на усиленное давление и репрессии (с 1919 по 1926 гг. финским правительством были арестованы и заключены в тюрьмы 2 946 коммунистов, проведено 56 массовых процессов, по которым 637 рабочих были приговорены к 1707 годам каторги) [11, С. 566, 567].

С экономической точки зрения, безусловным катализатором распространения фашизма в Финляндии стал экономический кризис, вызванный «великой депрессией». После окончания войны финское государство переживало экономический подъём – за 10 лет с 1918 по 1928 гг. объём промышленности увеличился почти вдвое, развивалась лесная и бумажная промышленность, почти втрое увеличилось число промышленного пролетариата. Однако начавшийся кризис, усугубившийся местными особенностями (односторонняя, монокультурная промышленность, неурожайный 1927/1928 гг., выходы на внешние рынки советского леса), привели к резкому падению лесоэкспорта почти на 35 %, спровоцировав рост цен, безработицы (76 тыс. чел. на апрель 1931 г.), разорение мелких крестьянских хозяйств, катастрофическое падение зарплат. После ареста лидера профсоюзного объединения аграриев Арво Туоминана, с подачи правительства, для контроля над революционирующей ситуацией, создается Лапуаское, т.н. «народное» движение – по названию области, где фашисты вели наиболее усиленную пропаганду среди крестьянского населения. Имея спонсоров в основном из среды крупных предпринимателей, лапуасцы получали средства в том числе из государственных фондов

(вошедшие в него шюцкоры, а также проправительственные антикоммунистические объединения «Союз защиты Финляндии», «Суомен Лукко» и «Академическое Карельское сообщество» содержались за государственный счёт). Этим обусловлено скорое возрождение и обновление движения [13, С. 7-9, 11, 21-23, 30, 45-47]. После провальной попытки «похода на Гельсингфорс» по образцу марша чернорубашечников на Рим, Лапуаское движение было запрещено в 1932 году и тогда же восстановлено под названием «Патриотического народного движения», просуществовав в таком виде до 1944 года.

Здесь четко видно некое двуличие. Хотя Финляндия официально не являлась фашистским государством, её правящие круги демонстрировали двойственность в отношении нацистской идеологии. С одной стороны, в стране существовали прогерманские праворадикальные движения, симпатизировавшие расовой политике Третьего Рейха. С другой – правительство подчёркивало, что сотрудничество с Германией лишено идеологической подоплёки, сводя его к «реальной политике» в духе национального экзистенциализма. Эта амбивалентность отразилась в военной пропаганде: финские СМИ избегали упоминаний о Холокосте или плане «Ост», акцентируя лишь «общую борьбу против большевизма». Даже участие финских войск в блокаде Ленинграда (1941-1944) подавалось как «пассивное» действие, необходимое для защиты независимости. Ныне, на страницах школьных учебников – например, на страницах учебников «Форум» [14], самой популярной серии школьных учебников Финляндии – нет ни единого упоминания про участие финских ВС в блокаде Ленинграда.

Как отмечает Поль Рикёр, нарративная идентичность возникает из историй, которые сообщество рассказывает о себе, превращая разрозненные события в связный сюжет, наделённый смыслом [15, С. 33]. Для Финляндии таким сюжетом мифопоэзиса стал миф о «маленькой нации, зажатой между гигантами» - СССР и Третьим Рейхом. Этот нарратив выполняет двойную функцию с одной стороны функцию экзистенциального оправдания (то есть война изображается как борьба за «бытие или небытие», где сотрудничество с Германией становится актом аутентичного выживания, а не идеологического выбора) и функцию темпоральной интеграции (то есть прошлое, настоящее и будущее связываются через идею «преемственности страдания», где Зимняя война (1939-1940) и Война-продолжение (1941–1944) предстают главами единой саги о сопротивлении).

В отношении послевоенной Германии, К. Ясперс писал: «Мы вынуждены очистить себя вне зависимости от того, в чем найдет себя каждый виновным, настолько глубоко, насколько это возможно с помощью реституции, возмещения убытков, внутреннего обновления и (внутренней) метаморфозы» [16, С. 104]. Т. е. проблему экзистенциальной вины можно начать исправлять лишь путем ее признания. Но что же мы видим в современной Финляндии? А в ней четко наблюдается, что коллаборационизм, на государственном уровне, вытесняется в область «трагической необходимости, что позволяет обществу сохранять моральную самооценку

через риторику: «Мы не имели иного выхода». Стоит отметить, что такая попытка трансформации коллективного сознания начала складываться еще в 1940-х годах – как отмечает финский исследователь Иокиппи М., именно тогда возникла теория, согласно которой Финляндия, являлась только «жертвой» и скоро получило фактически официальный статус в финской историографии (так называемый «ajoruuuteoria») [17, С. 315]. Из-за критики от иностранных историков (стоит отметить – не Советского Союза), эта официальная теория в 1960-х заменена на немного более умеренную версию («koskiveneteoria»), но и, согласно этой теории, заявлялось, что Финляндия была скорее жертвой сложившейся ситуации, и не имела возможности избежать войны [17, С. 315].

Современное восприятие Талвисоты и Яткосоты, жителями самой Финляндии, демонстрирует, что итоги Зимней войны 1939-1940 гг. – потери территории, гибель 26 000 солдат, унижение Московского мира – стали эмоциональным катализатором для оправдания союза с Гитлером. Страх перед повторной советской агрессией трансформировался в как в коллективную паранойю (восприятие СССР как экзистенциальной угрозы, делающей любые альянсы допустимыми), так и в моральный релятивизм (тезис о том, что «в войне все средства хороши», что позволяет игнорировать преступления финского фашизма (например, депортации евреев из Финляндии в 1942 году и военные преступления по отношению к пленному советскому населению)). Все данные аффекты закрепились в публичном дискурсе через ритуалы памяти (например – мемориалы погибшим и День поминовения павших (Kaatumneiden muistopäivä), проводимый ежегодно 21-го мая (по традиции, в этот день финны посещают могилы своих родных, погибших в трех войнах Второй мировой - в Зимней войне 1939-1940, Войне-продолжении 1941-1944 и Лапландской войне 1944-1945), которые акцентируют «жертвенность» финнов, но замалчивают их роль в поддержке фашистской машины – как отмечалось ранее, замалчивание идет даже на уровне образовательных организаций. Однако, по нашему мнению, миф о «вынужденном союзе» не только искажает прошлое, но и консервирует социальные травмы.

Подводя итоги данной статьи, можно сделать вывод о том, что оправдание коллаборационизма в финском коллективном сознании стало возможным благодаря диалектическому отрицанию (по Г. В. Ф. Гегелю это можно называть «отменой» – *Aufhebung* – то есть момент развития, в котором соединены как отрицание, так и сохранение, утверждение [18]) – то есть процессу, в котором конкретные материальные интересы (доступ к германскому оружию, продовольствию) трансформировались в абстрактную риторику «национального спасения», вытесняя из публичного дискурса вопросы о моральной цене альянса. Это отрицание, в свою очередь, поддерживалось гегемонистской надстройкой – системой культурных, медийных и политических нарративов, конструирующих фашизм как «внешний» феномен, не связанный с внутренней классовой динамикой финского общества. По итогу, это вылилось в то, что в годы существования СССР, Финляндия стремилась выставлять участие в годы Второй Мировой войны на стороне Третьего Рейха, однако после распада СССР нарратив

поменялся – и отныне, сотрудничество Финляндии с Германией трактуется как «необходимое», а военные преступления финских вооружённых сил тщательно скрываются. Таким образом, чётко заметно, как диалектика базиса и надстройки манифестируется в исторических нарративах, превращая политический выбор в «судьбу», а этические компромиссы – в «неизбежность».

Библиографический список

1. Bandura A., Barbaranelli C., Caprara G.V., Pastorelli C. Mechanisms of moral disengagement in the exercise of moral agency // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1996. Vol. 71, N 2. P. 364-374.
2. Bandura A. Mechanisms of moral disengagement // *Origins of terrorism: Psychologies, ideologies, theologies, and states of mind*. Washington, D.C.: Woodrow Wilson International Center for Scholars. 1990. P. 161-191.
3. Мировые войны XX века. Кн. 4. Вторая мировая война. Документы и материалы. М., 2002. 677 с.
4. Menger M. Deutschland und Finnland im Zweiten Weltkrieg. В., 1988. S. 81
5. Армия Финляндии 1939 – 1945 гг. // Журнал «Солдат на фронте», СПб.: АРС, 2005. № 7. 40 с.
6. Книжинский Я. Прибалтийские страны. Москва: Молодая Гвардия, 1930. 53 с.
7. Барышников В.Н. Финская война. М.: Издательство «Кучково поле», 2023. 448 с.
8. Финляндская революция: сборник статей. Москва: Государственное издательство, 1920. 115 с.
9. Смирнов В. Из революционной истории Финляндии: 1905, 1917, 1918. Ленинград: Ленинградское областное издательство, 1933. 230 с.
10. Сталин И.В. О независимости Финляндии. Доклад на заседании ВЦИК 22 декабря 1917 г. / Сочинения. Том 4. Москва: Государственное издательство политической литературы, 1947. 487 с.
11. Большая Советская Энциклопедия. Том 57 / 1-е издание / гл ред. О.Ю. Шмидт. Москва: ОГИЗ РСФСР – Государственный институт «Советская Энциклопедия», 1936. 726 с.
12. История Гражданской войны в СССР. Том 3. Москва: Государственное издательство политической литературы, 1958. 677 с.
13. Спекке Б. Фашизм в Финляндии (Лапуаское движение в Финляндии) / 2-е изд., доп. и испр. Ленинград, 1931. 115 с.
14. Например: Kohi A., Palo H., Päivärinta K., Vihervä V. Forum III. Itsenäisen Suomen historia. Helsinki: «Otava», 2017. 208 S. 107; Hämäläinen E., Kohi A., Päivärinta K., Vihervä V., Vihreälehto I. Forum 8. Helsinki: «Otava», 2025. 199 S.
15. Рикёр П. Я-сам как другой. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2008. 416 с.

16. Jaspers K. The question of German guilt. New York: The Dial Press. 1947, 117 P.

17. Йокиппи М. Финляндия на пути к войне: исследование о военном сотрудничестве Германии и Финляндии в 1940-1941 гг. Петрозаводск: Карелия, 1999. 370 с.

18. Маркс К. Критика гегелевской диалектики и философии вообще // Экономическо-философские рукописи 1844 года. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.marxists.org/russkij/marx/1844/manuscr/11.htm>

РАЗГРОМ МИЛИТАРИСТСКОЙ ЯПОНИИ НА СТРАНИЦАХ ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКОВ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

С.В. Постников

Постников Сергей Васильевич, профессор кафедры военно-политической работы в войсках (силах), telec8572@mail.ru. Вольский военный институт материального обеспечения (филиал) Военной академии материально-технического обеспечения имени генерала армии А.В. Хрулёва Министерства обороны Российской Федерации, Россия, 410903, г. Вольск, ул. М. Горького, д. 3.

Аннотация. Исследование, представленное в статье, выполнено в рамках научно-исследовательской работы (шифр «Фальсификация-2025»). Автор статьи анализирует содержание школьных учебников на постсоветском пространстве с целью выяснения отражения или неотражения на их страницах темы разгрома милитаристской Японии в годы Второй мировой войны, полноты данной информации и ее адекватности устоявшимся представлениям в российском образовательном сегменте.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Советско-японская война, разгром милитаристской Японии, школьный учебник, интерпретации в образовательной среде.

В целях объективного раскрытия заявленной в этой статье проблемы, для выяснения степени отражения на страницах школьных учебников на постсоветском образовательном пространстве темы разгрома милитаристской Японии в годы Второй мировой войны, полноты данной информации и ее адекватности устоявшимся представлениям в российском образовательном сегменте, были отобраны школьные учебники действующих линеек:

- 1) История России. 1914–1945 годы (Москва, 2023) [1];
- 2) Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны) (Минск, 2022) [1];
- 3) История Казахстана (Алматы, 2019) [3];

- 4) История Кыргызстана (Бишкек, 2012) [4];
- 5) История Литвы (Вильнюс, 2013) [5];
- 6) Румынская и всемирная история (Кишинев, 2023) [6];
- 7) История таджикского народа (Душанбе, 2011) [7];
- 8) История Узбекистана (Ташкент, 2017) [8];
- 9) История: Украина и мир (Харьков, 2018) [9].

Для начала определим, нашел ли отражение в этих учебниках последний этап Второй мировой войны и в каком объеме.

Авторы российского учебника называют два события – временные рамки Советско-японской войны (далее Войны – *С.П.*) – 9 августа – 2 сентября 1945 г. и дату капитуляции Японии – 2 сентября 1945 г. [1, с. 492]. При этом название войны приводят со строчной буквы, принимая тем самым ее статус.

В § 39-40 (Окончание Второй мировой войны. Итоги и уроки) Войне посвящены части 2-4, 7 на пяти полных страницах с одной картой и одной фотографией [1, с. 455-458, 462-464].

Белорусский учебник эту информацию приводит в разделе III (Окончание Великой Отечественной и Второй мировой войн. Победа!) в одной части на двух полных страницах с картой и четырьмя фотографиями, в т.ч. о хиросимской трагедии. В хронологической таблице Войне посвящено пять событий – Атомная бомбардировка Хиросимы, Объявление СССР о вступлении в войну с Японией, Атомная бомбардировка Нагасаки, Наступление советских войск в Маньчжурии, Подписание Японией Акта о безоговорочной капитуляции [2, с. 195-197, 241].

Авторы казахского учебника всем непосредственным событиям Второй мировой войны посвятили § 29-30 (Участье казахстанцев в сражениях Великой Отечественной войны), а описываемой Войне три небольших абзаца в 4 части (Победоносное завершение Второй мировой войны) [3, с. 169]. При этом, хронологические таблицы учебника не содержат каких-либо данных о ней, т.к. по мнению авторов Вторая мировая война закончилась 9 мая 1945 г. [3, с. 165].

В § 15 (Героические подвиги воинов Кыргызстана в Великой Отечественной войне) киргизского учебника приводятся события Второй мировой войны. Авторы в изложении истории останавливаются на Берлинской операции и переходят к числу жертв, понесенных республикой. В конце параграфа события на Дальнем Востоке не упоминаются [4, с. 131].

В литовском учебнике искать информацию о Войне следовало бы в разделе V (Советская и нацистская оккупации). Упоминание о ней удалось обнаружить лишь один раз в следующем контексте: «внутренние войска НКВД и пограничные службы развернули розыск и поимку мужчин, которых насильно мобилизовали в советскую армию для войны с Германией (а потом и с Японией)» [5, с. 235].

Молдавский учебник содержит 4 раздел (Вторая мировая война). В нем есть и хронология событий («Япония подписала Акт о капитуляции 2 сентября 1945 года»), и объявление СССР войны Японии (8 августа 1945 г.), и Токийский трибунал (3 мая 1946 – 12 ноября 1948 г.) [6, с. 103, 109, 115].

Однако все события происходили как активные действия армии США, Советско-японскую войну авторы не называют, ее операции не показывают.

Авторы таджикского учебника описываемые события представляют в главе 18 (Таджикистан в годы Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления (1941-1950)). В ней можно обнаружить хронологическую ссылку об окончании Второй мировой войны с поражением «союзных нацистской Германии и Японии держав»; два абзаца о ходе и исходе Войны, но со странной формулировкой: «8 мая 1945 года Советский Союз объявил войну Японии» [7, с. 397, 406-407]. Вопрос вроде бы представлен, но его описание более чем «вольное».

Узбекистанский учебник дает сведения о Войне в § 18 (Героизм и подвиги узбекистанцев на фронтах), в частности в части «Вклад узбекистанцев в борьбу с милитаристской Японией» с 0,5 страницей текста, в т.ч. с одной фотографией [8, с. 98].

Наконец, упомянем учебник, созданный украинскими историками.

Последний в учебнике § 79 (Тихоокеанский театр военных действий в 1944-1945 гг. Разгром Японии) из трех страниц о войне на Тихом океане содержит полстраницы в два абзаца информацию о ходе Советско-японской войны, на этой же странице целых пять фотографий, иллюстрирующих ее события. Основной материал относится к описанию роли США в разгроме Японии, бомбардировке Хиросимы и Нагасаки, подписанию пакта о капитуляции, а также участию этнических украинцев, например, «От имени СССР Акт подписал украинец генерал-майор К.М. Деревянок (впоследствии после смерти ему было присвоено звание Герой Украины)» [9, с. 250-252].

Таким образом, о наличии и удовлетворительной полноте информации о Советско-японской войне можно говорить только в учебниках России, Беларуси, Молдовы, Таджикистана и Украины. Но насколько она адекватна устоявшимся представлениям о Войне в российском образовательном сегменте?

Чтобы ответить на этот вопрос обратимся к рекомендациям учителям истории, сформулированным по данной проблеме в методическом пособии «Новейшая история» (Москва, 1964) [10, с. 216-218]. Анализ его текста показывает такие тезисы:

1) Подчеркивается «значение разгрома Германии для судеб против Японии... изменение соотношения сил на Дальнем Востоке в пользу США и Великобритании»;

2) Отказ Японии от капитуляции перед союзными силами США, Великобритании и Китая стал причиной денонсирования пакта СССР о нейтралитете на Дальнем Востоке;

3) Бесполезность атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки;

4) Большая роль Китая, Монголии и Кореи в расстановке сил на Маньчжурском театре военных действий.

Действия Советской армии на Дальнем Востоке в интересах Китая еще более убедительно показаны в учебном пособии для вузов, готовящих

учителей истории в 1980-е гг. [11, с. 393-394]. В остальном авторы этого пособия солидарны с предыдущим.

Сохранилась ли такая позиция в современных учебниках?

Авторы современных российских учебников не показывают разгром Германии как причину ослабления Японии, наоборот, «Токио были известны расчёты американского командования, по которым сопротивление Японии могло быть сломлено только при условии американского вторжения на Японские острова», которое могло «произойти не ранее конца 1946 г.» [1, с. 455].

«Правительство СССР денонсировало советско-японский договор о нейтралитете» и объявило войну Японии, выполняя решения Ялтинской конференции [1, с. 455]. Таким образом, роль Китая в этом действии исключена вовсе.

Бесполезность атомной бомбардировки для авторов учебника очевидна, ведь «даже атомные бомбардировки не повлияли на решимость Японии продолжать войну», империя была сломлена только вследствие успешных действий Красной армии в Маньчжурии [1, с. 457].

Роль революционных армий Китая, Монголии и Кореи в учебнике полностью проигнорирована.

В современном белорусском учебнике, как и в российском не показана связь военных действий в Европе и Азии.

Если российские историки еще пытаются обосновать денонсирование нейтралитета СССР на Востоке активизацией в регионе США, авторы белорусского учебника ограничились констатацией факта: «Верный своим союзническим обязательствам, Советский Союз не мог оставаться в стороне...» [2, с. 195-196].

Об атомных бомбардировках США японских городов не пишется как о бесполезном действии, они были направлены только «на укрепление американского влияния в международных делах после войны» [2, с. 197].

Какого-либо упоминания об участии стран Восточной Азии в освободительной борьбе также нет.

Роль США и их флота абсолютизируется в учебниках Молдовы. Авторы буквально с упоением перечисляют факторы, повлиявшие на ослабление Японии: «Сражения на Соломоновых островах и вдоль побережья Новой Гвинеи, завоевания островов Гилберта, уничтожение японских баз на Каролинских и Маршалловых островах, взятие под контроль Новой Гвинеи, оккупация Филиппин, вывод [японских войск] из Ост-Индии, Бирмы и Южного Китая», атомная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки [6, с. 109].

О денонсировании советского нейтралитета авторы не упоминают, а вот об объявлении СССР войны Японии фраза звучит весьма неоднозначно. После многочисленных разгромных успехов США, «8 августа 1945 года СССР объявил войну Японии» [6, с. 109]. Как можно судить, чтобы не упустить выгоду?

Уничтожение японских городов в ходе атомной бомбардировки не осуждается, ведь оно то и привело к заключению акта о капитуляции [6, с. 109].

Наконец, в оценке (точнее в игнорировании) роли Китая молдавские авторы солидарны со своими российскими и белорусскими коллегами.

Фраза из таджикского учебника о связи поражения двух фигурантов Второй мировой войны – Германии и Японии, приведенная выше, свидетельствует, что его авторы понимают этот тезис по-советски [8, с. 397].

Далее, впрочем, денонсирование нейтралитета не обсуждается. Вновь видим исключительную роль США и неоднозначность участия СССР в Войне. Что можно подумать о смысле фраз в такой последовательности: «Потому что в тот самый день Япония объявила войну Соединенным Штатам. 8 мая 1945 года Советский Союз также объявил войну Японии»? Правительство СССР действует в фарватере внешней политики США.

Еще более странно звучит фраза об атомной бомбардировке: «Эта трагедия принесла огромные разрушения и жертвы, и японский народ до сих пор ощущает на себе позорные последствия этого оружия массового поражения». Без комментариев.

В тексте нет Маньчжурской наступательной операции. И, конечно же, нет Китая, Монголии и Кореи.

Пожалуй, подробнее всех своих коллег описывают события на Тихоокеанском театре военных действий авторы украинского учебника.

Они перечисляют военно-морские операции США, начиная с мая 1943 г., позволившие, как понятию, расшатать японское могущество и завершить войну: «К концу 1944 г. США фактически уничтожили японский флот, что в этом театре боевых действий сыграло определяющую роль» [9, с. 251].

Описание «подвигов» союзников в учебнике идет на трех страницах. При этом авторы не забыли упомянуть об участии в них этнического украинца: «23 февраля 1945 г. американские морские пехотинцы установили флаг над островом Иводзима. Среди шести поднявших его солдат был военный украинского происхождения Майкл (Михал) Стрэнк» [9, с. 251].

Не поддерживается в учебнике тезис о связи разгрома Германии и поражения Японии, авторы пишут: «Разгром Германии не означал прекращения Второй мировой войны. Япония продолжала сопротивляться союзникам» [9, с. 250].

Факт денонсирования пакта о нейтралитете Советского Союза авторами учебника используется, чтобы, во-первых, показать вероломство советского правительства, ведь японскому послу в Москве еще 5 апреля 1945 г. было объявлено, что «обстановка изменилась коренным образом... Япония, союзница Германии, помогала последней в ее войне против СССР»; во-вторых, в Японии «это заявление повлекло за собой смену правительства», ослабило ее милитаристские позиции перед США и как превентивная мера предопределило бомбардировку Хиросимы и Нагасаки [9, с. 251-252].

От оценочного суждения о последствиях атомной бомбардировки авторы уходят, констатируя факт: «Общее число погибших составило 200 тыс. человек, а количество пострадавших достигло 500 тыс.» [9, с. 251].

Наконец, о роли дальневосточных держав в учебнике говорится: «В боях участвовали войска Монгольской народно-революционной армии. . . Япония и захваченные ею территории были разделены на оккупационные зоны между США, СССР, Великобританией, Китаем» [9, с. 252].

Итак, первоначальные тезисы видоизменены в меньшей степени российскими и белорусскими авторами, в большей – в молдавских и таджикских учебниках, фальсифицированы – на Украине. Ни один из них не отличается сохранением адекватности устоявшимся представлениям.

Ответив, таким образом, на поставленные в начале статьи вопросы, отметим следующее, разгром милитаристской Японии, показанный на страницах школьных учебников на постсоветском образовательном пространстве, представлен как результат интерпретации событий 80-летней давности. Причин интерпретаций несколько. Во-первых, упрощение школьного материала, замена фактов иллюстрациями (как в России и Беларуси). Во-вторых, действия в угоду сложившейся политической обстановке, смена полюса внешнеполитического партнерства и мировоззренческих позиций (все страны). В-третьих, приоритет национальных традиций перед общенациональными и попытки возвеличить своих героев в рамках любого исторического события (все кроме России). В-четвертых, стремление противопоставить национальную историю «истории гегемона», попытка еще больше политизировать школьный предмет (Казахстан, Литва, Молдова, Украина). В-пятых, занижение роли события, непонимание его значимости в общеисторическом контексте (Казахстан и Среднеазиатские республики, страны Балтии).

Библиографический список

1. История России. 1914–1945 годы: 10 класс. Базовый уровень. Учеб. / В.Р. Мединский, А.В. Торкунов. М.: Просвещение, 2023. 496 с.
2. Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны): учеб. пособие для 9(11) кл. учреждений общ. сред. образования с рус. яз. обучения / А.А. Коваленя [и др.]: под ред. А.А. Коваленя. Минск: ИЦ БГУ, 2022. 246 с.
3. Қабылдинов, З.Е. т.б. Қазақстан тарихы (XX ғасырдың басынан Екінші дүниежүзілік соғыс аяқталғанға дейін). Жалпы білім беретін мектептің 9(8)-сыныбына арналған оқулық / З.Е. Қабылдинов, М.Д. Шаймерденова, Е.М. Куркеев. Алматы: Атамұра, 2019. 192 бет.
4. Осмонов, Ө., Мырзакматова, А. Кыргызстандын тарыхы: урунттуу учурлар (XIX к. ортосунан азыркы мезгилге чейин). Орто мектептин 11-кл. үчүн окуу китеби. Тол., онд. 2-бас. Б.: «Билим-компьютер», 2012. 288 б.
5. История Литвы / А. Эйдинтас, А. Бумблаускас, А. Кулакаускас, М. Тамошайтис; Министерство иностранных дел Литовской Республики. Вильнюс: Eugrimas, 2013. 318 с.

6. Dolghi, Adrian. Istoria românilor și universală: manual pentru clasa a 9-a / Adrian Dolghi, Alina Felea; Ministerul Educației și Cercetării al Republicii Moldova. [Chișinău: Univers Educațional, 2023 (Unisoft, [Ucraina]). 212 p.

7. Хотамов, Н, Довуди, Д, Муллоҷонов, С., Исоматов, М. Таърихи халқи тоҷик. Душанбе: Нашриёти, 2011. 567 с.

8. Rajabov, Q. O'zbekiston tarixi: O'rta ta'lim muassasalarining 10-sinf va o'rta maxsus, kasb-hunar ta'limi muassasalarining o'quvchilari uchun darslik / Muall: Q. Rajabov, A. Zamonov. 1-nashri. Toshkent: G'afur G'ulom nomidagi nashriyot-matbaa ijodiy uyi, 2017. 144 b.

9. Гісем, О.В. Історія: Україна і світ (інтегрований курс, рівень стандарту): підруч. для 10 кл. закл. загал. серед. освіти / О.В. Гісем. Харків: Вид-во «Ранок», 2018. 256 с.

10. Кургинян, Е.А. Новейшая история: метод. пособие для учителей [Текст] / Е.А. Кургинян. М.: Просвещение, 1964. 276 с.

11. Берхин, И.Б. История СССР: Советский период: учеб. пособие для вузов по спец. «История» [Текст] / И.Б. Берхин. – 4-е изд., перераб. и доп. М.: Высш. шк., 1987. 704 с.

МЕТАФОРЫ И СИМВОЛЫ КУЛЬТУРНОГО КОДА ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ В ПИСЬМАХ ФРОНТОВИКОВ ОТ 9 МАЯ 1945 ГОДА

А.А. Сайко

Сайко Анна Андреевна, магистрант 2го курса факультета психологии (ордерные технологии), anna_saiko0109@mail.ru. Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83.

Аннотация. Статья посвящена анализу культурных кодов Победы в Великой Отечественной войне через призму фронтовых писем 9 мая 1945 года. Исследуются метафорические образы, использовавшиеся солдатами для осмысления пережитого и выражения сложной гаммы чувств – от радости до горечи утрат. Письма анализируются как уникальные исторические документы, содержащие ключевые символы эпохи: знамя, солнце, берлога врага и др. Через эти метафоры формировалась коллективная память о войне и Победе, ставшая основой культурного кода Великой Победы.

Ключевые слова: метафора, культурный код, смыслы, коллективная память война, победа.

В современных исследованиях понятие «культурный код» занимает одно из центральных мест, будучи одновременно идеологическим инструментом, мифологемой и научным концептом в гуманитарных дисциплинах. Это понятие активно встречается в общественное сознание: его

используют историки, политологи, журналисты, педагоги и даже публичные деятели, чтобы объяснить специфику социальных и поведенческих практик. Однако за абстрактной формулировкой «культурный код» скрывается сложный спектр феноменов - от менталитета и традиций до систем ценностей и символических образов, которые определяют идентичность сообщества.

Определить культурный код жёстко невозможно: он скорее выступает как некий ориентир, через который можно анализировать действия, речь и эмоции людей, чтобы раскрыть суть их взаимодействия с миром. Иногда его метафорически сравнивают с «ДНК» народа - тем, что хранит генетическую память о его историях, страданиях и триумфах, или с «группой крови», отражая эмоциональную связь между поколениями [1]. В контексте Великой Отечественной войны культурные коды становятся ключом к пониманию, как люди интерпретировали события, переживали потерю, надежду и победу.

Исследование культурных кодов требует междисциплинарного подхода, так как они неразрывно связаны с языком, искусством, ритуалами и даже личными переживаниями. В письмах фронтовиков 1941–1945 гг. можно столкнуться с живым примером того, как культурные коды – такие как символика Родины, героизма или жертвенности – пронизывали повседневность войны, становясь инструментом выживания, общения и сохранения надежды. Эти документы не только фиксируют эмоции, но и демонстрируют, как культурные коды помогали людям находить смысл в хаосе, а после войны – конструировать новые семантические реалии жизни.

Таким образом, изучение писем победы позволяет не только воссоздать эмоциональный ландшафт эпохи, но и раскрыть механизмы, через которые культурные коды формировали коллективную идентичность. Они становятся своего рода «языком культуры», где каждое слово, метафора или образ – это не просто метка времени, а отклик на вызовы, которые определяли бытие человека и общества в условиях кризиса и трансформаций.

Метафоры из фронтовых писем выбраны предметом исследования для настоящей статьи неслучайно. Как отмечает И.В. Вачков «обыденный язык людей буквально наполнен метафорами (кстати, сама эта фраза тоже является метафорической)» [2]. Об этом писали такие исследователи, как А. Н. Афанасьев [3], В. В. Виноградов [4] и А. А. Потенция [5]. При обсуждении темы метафор также важно отметить книгу известных американских лингвистов Дж. Лакоффа и М. Джонсона, которая называется «Метафоры, которыми мы живем», где авторы, противопоставляя традиционному взгляду на метафору как принадлежности поэтического и риторического языка, утверждают, что «вся наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы мыслим и действуем, метафорична по самой своей сути» [6].

Данная статья рассматривает письма участников Великой Отечественной войны как полигон для исследования культурных кодов через употребляемые авторами писем метафоры: их полисемии (многозначности), эволюции и роли в конструировании доминантных ценностей – от патриотизма до веры в возрождение. Анализ этих текстов показывает, как личные переживания становятся звеньями в цепи национальной памяти, а их

метафоры – инструментами передачи исторического опыта от поколения к поколению.

9 мая 1945 года - день, который стал переломным не только в истории, но и в душах миллионов людей. В письмах фронтовиков, написанных в этот день, звучит эмоциональный взрыв: радость, горечь, тревога и надежда. Через метафоры и символы, которые они используют, мы видим, как война и Победа превратились в язык, объединивший личное и коллективное, трагедию и триумф. Эти тексты - не просто свидетельства событий, а «живые метафоры», через которые солдаты пытались поймать суть эпохи, превратив её в культурный код, который будет жить в памяти поколений.

«...Знамя советской России реет над Берлином. Война с Германией окончена. Мама и папа, наконец-то то, чего так ждали русские люди, окончание войны совершилось...

...Мама, города Германии разрушены, но не в такой степени, в какой находятся наши города. Я видел только 3 города, которые изуродованы с чисто русской отделкой и старанием. Я проезжал гордый собой, что я нахожусь в самой Германии, по её земле, через города и деревни. Всего не описать в письме...» - из письма Виктора Чернова [7].

«Знамя советской России реет над Берлином» – так начинается письмо Виктор Чернов, находясь в глубине Германии. «Знамя» здесь – не просто символ победы, но и «фильтр», через который видится новый мир. Это метафора, которая сочетает силу и торжество, но в той же строке Чернов добавляет: «города Германии разрушены, но не в такой степени, как наши». Так, символ победы сталкивается с символом потерь, который напоминает о цене Победы.

«...Пройдут и отгремят бурные волнующие годы военного времени. Расцветет миром и жизнью человечество. Я заканчиваю это письмо, когда наши бойцы гуляют и веселятся, и я лежа на траве в фруктовом барском бауэровском саду пишу это письмо. Тепло, деревья распустились и цветут, солнце садится весеннее и день праздника подходит к концу.» - из письма Виктора Чернова [7]

*«...Поздравляю с великим праздником торжества и победы! Мама, вы чувствуете то, что война уже кончилась? Пишу письмо сегодня, 9 мая 1945 года, 9 часов утра по московскому времени. Свершилось то, чего мы так долго ожидали – кончилась война. Встало солнце. Как будто и оно испытывает это торжество. Воздух чист и прозрачен. Лучи солнца по-новому играют в голубизне небес. Птицы поют как будто совершенно по-новому. Даже и природа ликует. Война длилась почти четыре года...» - из письма **Василия (сына) к матери** [8]*

*«...День Победы!
Выше Знамена!
Залпы сильнее!
Славься Победы счастливейший день!
День, за который шли в бой миллионы!
День, о котором мечтал весь народ!
Навеки разбита вражья берлога
Силой могучей, мстью святой.
...Праздник настал! Ожидайте, родные,
Братьев, отцов, сыновей и мужей.
Славься, счастливый великий день мая!
Солнце Победы ярче свети!
Победные марши, оркестры играйте! ...»
- из письма Миронец П.Ф. [9]*

«Солнце садится весеннее и день праздника подходит к концу» – пишет Чернов, лежа в берлинском саду. Солнце здесь – «жизненный маяк», который не только освещает землю, но и символизирует пробуждение после долгой зимы войны. Такие метафоры повторяются в письмах: «Встало солнце. Как будто и оно испытывает это торжество» или «Солнце Победы ярче свети!». Солнце становится языком природы, отражающим эмоции народа: его свет – это не просто день, а «душа Победы», которая должна заряжать будущее.

«Вражья берлога» – метафора, которую использует Миронец Павел Федорович: «Навеки разбита вражья берлога силой могучей, мстью святой». «Берлога» – символ убежища, откуда вырвались звери (фашисты), а её разрушение – конец «вековой борьбы». Так, враг представлен как «хищный зверь», чья «берлога» (Германия) пала под ударами Красной Армии. Это не только образ страха, но и «ритуал очищения», где победа означает открытие дороги к жизни.

Но метафоры несут и тень – память о погибших. Чернов пишет про «друга Вову, погибшего от рук немецких палачей... и его живого не увидать никогда» [7], Миронец в стихах говорит о «тяжелых муках» войны, а Ханцевич, лежа в госпитале, вспоминает «все тягости и невзгоды» [10].

Павел Миронец называет 9 мая 1945 года – «днем, за который шли в бой миллионы», здесь смерть солдат – жертва, превращенная в культурный код патриотизма.

Метафоры отражают психологию двойственного триумфа: солдаты радуются, но помнят, что «жизнь испещрена невзгодами» [7], а Победа – это «перерождение», где «каждый шаг по земле врага» [9] становится шагом к новому бытию.

*«...В окна показался рассвет «дня Победы» и всенародного праздника.
На дворе слышны орудийные и ружейные салюты и видны ракетные
иллюминации. Так я больше и не мог уснуть...» - из письма Ханцевич С.Ю.*

«Я больше и не мог уснуть» – так заканчивает письмо Ханцевич, лежа в госпитале под звуки салютов. Его слова – метафора «бодрствования памяти»: Победа не дает забыть цену, но и не позволяет опуститься в апатию. «Расцветет миром и жизнью человечество», как пишет в своем письме Чернов В. П. [7] – это не просто надежда, а «приказ душе», чтобы жить дальше, несмотря на след в войны в душе.

Символы и метафоры в письмах – зеркала коллективной психики. «Знамя» и «солнце» – светляки, которые освещают путь в мирное будущее. А павшие герои – «корни», укрепляющие культурный код Победы.

Эти тексты – не просто личные переживания. Они «артефакты» психологического выживания: через метафоры солдаты обретали смысл своих страданий, превращая их в «песни, помогающие терпеть голод» (из диалога в статье Аксеновской Л. Н. [11]). Каждый символ – это язык, которым говорит сердце, где даже радость смешивается с горечью.

Именно такие метафоры стали основой культурного кода Победы: они объединяли грусть и надежду, смерть и жизнь, войну и мир. Для фронтовиков Победа – не просто день, а вековой путь, где каждый шаг – «шифровка» для будущих поколений о том, как человек любит жизнь, но готов отдать её за свободу и независимость.

Так, в письмах 9 мая 1945 года мы видим, как «культурный код» формировался в эмоциях: через боль и радость, через символы, которые стали «ключами» к пониманию величайшего события XX века. Эти тексты – не просто документы, а «психологические мемориалы», где каждая метафора – голос из прошлого, напоминающий, что Победа – это не только день, но и постоянный выбор между страхом и мужеством, забвением и памятью.

Библиографический список

1. Культурные коды: Учебно-методическое пособие. М.: МГПУ; Книгодел, 2023. – 296 с.; 32 ил. ISBN 978-5-9659-0277-4
2. Вачков И. В. Метафора как средство психологической работы в тренинге с педагогами // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2015. № 5. С. 68-74. – EDN UJFSMP.
3. Афанасьев А. Н. Живая вода и вечное слово. М., 1988.
4. Виноградов В. В. Поэтика русской литературы. М., 1976.
5. Потебня А. А. Эстетика и поэтика. М., 1976.
6. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которые мы живем // Теория метафоры. М., 1990. С. 387-415.
7. Письмо Чернова В. П. родителям из Германии, 9 мая 1945 г. // ПОСЛЕДНИЕ СТРОКИ ВОЙНЫ. Фронтовые письма 9 мая 1945 г. URL: <https://www.xn--80achcepozij4ac6j.xn--p1ai/articles/75> (дата обращения: 30.03.2025).
8. Письмо Маме от Василия (сына), 9 мая 1945 г. // ПОСЛЕДНИЕ СТРОКИ ВОЙНЫ. Фронтовые письма 9 мая 1945 г. URL: <https://www.xn--80achcepozij4ac6j.xn--p1ai/articles/75> (дата обращения: 30.03.2025).

9. Письмо матери в стихах от Миронец П. Ф., 9 мая 1945 г. // ПОСЛЕДНИЕ СТРОКИ ВОЙНЫ. Фронтовые письма 9 мая 1945 г. URL: <https://www.xn--80achcepozij4ac6j.xn--p1ai/articles/75> (дата обращения: 30.03.2025).

10. Письмо из госпиталя Инстербурга Ханцевич С. Ю., 9 мая 1945 г. // ПОСЛЕДНИЕ СТРОКИ ВОЙНЫ. Фронтовые письма 9 мая 1945 г. URL: <https://www.xn--80achcepozij4ac6j.xn--p1ai/articles/75> (дата обращения: 30.03.2025).

11. Аксеновская, Л. Н. Изменение организационной культуры на уровне лидера: опыт индивидуального сотеринга / Л. Н. Аксеновская // Организационная психология. – 2016. – Т. 6, № 2. – С. 30-54. – EDN XCHDQN.

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОЕКТА «ЮНЫЙ ПАТРИОТ», ПОСВЯЩЕННОГО 80-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Л.П. Сердобинцева, Ю.С. Шишкина

Сердобинцева Людмила Петровна, воспитатель общежития, hammerblood@mail.ru, ГАПОУ СО «Саратовский областной образовательный комплекс, Политехнический колледж, Лицей-интернат 64», Россия, 410012, г. Саратов, ул. Ст. Разина, д.71.

Шишкина Юлия Сергеевна, воспитатель общежития, sima0308@mail.ru, ГАПОУ СО «Саратовский областной образовательный комплекс, Политехнический колледж, Лицей-интернат 64», Россия, 410012, г. Саратов, ул. Ст. Разина, д.71.

Аннотация. В статье рассказывается о реализации проекта по патриотическому воспитанию детей, проживающих в общежитии лицея в условиях внеурочной деятельности. Представлены разные формы работы, в основе которых культурно-исторические коды.

Ключевые слова: патриотизм, гражданско-патриотическое воспитание, проект, внеурочная деятельность, культурно-исторические коды, Великая Отечественная война

Историческое значение каждого русского великого человека измеряется его заслугами Родине, а его человеческое достоинство – силою его патриотизма.

Н. Г. Чернышевский

Нет родительского счастья светлее хорошей воспитанности своих детей, и нет благополучнее общества, чье молодое поколение готово защитить свою Родину – землю своих отцов и тех, кто в ней живет. Патриотизм. Именно от него зависит настоящее и будущее страны.

Слово патриотизм употребляется с 1613 года и наиболее точное определение дал в 1802 году Карамзин в своей статье «О любви к Отечеству» – «патриотизм» – писал он, – есть любовь к величию и славе отечества и желание способствовать им во всех отношениях».

Патриотизм – чувство не врожденное, оно воспитывается и приобретается в процессе многогранной деятельности человека. Детство – самая благодатная пора для привития священного чувства любви к Родине.

Чувство любви к Родине – это одно из самых сильных чувств, без него человек ущербен, не ощущает своих корней. А почувствует ли он привязанность к родной земле или отдалится от нее, это уже зависит от обстоятельств жизни и воспитания. Поэтому важно уже с раннего возраста прививать ребенку личную ответственность за своего домашнего питомца, свой дом, родной край, нашу землю и ее будущее.

Патриотическое воспитание подрастающего поколения всегда являлось одной из важнейших задач современного общества. Мы, взрослые, работая с детьми, должны передать подрастающему поколению эстафету памяти, показать им величие и самоотверженность подвига советских людей, завоевавших Победу в ВОВ, солдат, воевавших в Афганистане, Чечне, Сирии и ныне подвиги русского человека в специальной военной операции на Украине. Воспитывая у детей патриотизм, мы воспитываем и духовно-нравственные качества: чувство собственного достоинства, верность и честь, гуманизм и нравственность. Это всё взаимосвязано. ...

В этом году исполняется знаменательная дата – 80-летие Победы в Великой Отечественной войне, 2025 год объявлен президентом РФ Владимиром Путиным годом защитника Отечества. И тема воспитания патриотизма как никогда актуальна.

Так как же воспитать патриота своей Родины?

Конечно же, основываясь на культурно-исторические коды. Культурный код – это набор ключевых символов, ценностей, норм, традиций и менталитет определенной группы людей, нации или общества в целом. Передается из поколения в поколение через язык, религию, искусство, обычаи, традиции. Один из примеров культурного кода – историческая память: для России победа в Вов навсегда останется символом мужества, самопожертвования и патриотизма.

В современном воспитании культурно-исторические коды важны по нескольким причинам:

Формирование национального самосознания. Осознание себя наследником и продолжателем дела ушедших поколений, сопричастность к их жизни – необходимое условие воспитания будущего гражданина.

Сохранение уникальности каждой культуры. Воспитание с учётом культурных ценностей позволяет сохранить самобытность народа, способствует формированию гармоничной личности и повышению её самооценки.

Развитие понимания значимости других культур. Воспитание, основанное на изучении культурного наследия, помогает формировать у людей навыки взаимодействия с представителями разных этнических групп.

Противодействие влиянию глобального информационного пространства. Культурно-исторические традиции могут служить источником средств противодействия антинравственности этого пространства.

Подготовка к жизни в информационном обществе. Важно знать особенности и закономерности развития современных детей, понимать, как функционирует их сознание, уметь определять их способности, потребности и потенциальные возможности.

Таким образом, учёт культурно-исторических особенностей в современном воспитании способствует формированию гармоничной, нравственной личности, готовой к жизни в обществе и способной уважительно относиться к культурному наследию своей страны.

Наш Лицей-интернат 64 в процесс воспитания подрастающего поколения вовлекает всех участников образовательного процесса и очень большое внимание уделяет патриотическому воспитанию детей, опираясь на культурно-исторические коды – от самого оформления стен лицея и его пространства (стена памяти, посвященная участникам СВО, музей боевой славы, краеведческий музей в кабинете истории) и до организованных мероприятий в этих стенах, как в традиционных, так и в инновационных формах. Каждая неделя начинается с выноса и поднятия флага, исполнения гимна РФ, в конце недели флаг спускают. Для этого созданы знамённые отряды, состоящие из детей, достигших успехов в различных видах деятельности. Нововведение закреплено в методических рекомендациях Минпросвещения. В школе введен цикл внеурочных занятий «Разговоры о важном», проводятся тематические беседы, викторины, выставки рисунков, творческих работ учащихся, тематические выставки книг и статей, уроки мужества, совместные с родителями культурные мероприятия, спортивные соревнования, работа семейного Киноклуба, отчетные и праздничные концерты, военно-патриотическая игра «Зарница». В этом году состоялось посвящение наших ребят в Юные панфиловцы, под руководством внучки Ивана Васильевича Панфилова – общественного деятеля по патриотическому воспитанию молодежи, Айгуль Байкадамовой, которая придерживается принципа, что «молодежь можно воспитывать только на уроках истории». Также ведется поисковая работа, волонтерская деятельность, участие в социальных проектах, школьных конференциях, экскурсионная деятельность с посещением музеев, выставок, встречи с интересными людьми, активная работа Движения первых, отряда «Юные друзья полиции». Всё это реализуется и решается в совокупности и взаимосвязи таких структур как: директор, заместитель директора по воспитательной работе, советник директора по воспитанию, классные руководители, учителя –предметники, воспитатели общежития, библиотекарь, родители, ученики, а также представители других общественных организаций, с которыми лицей тесно и продуктивно сотрудничает, реализуя различные проекты.

Одним из таких проектов является проект «Юный патриот», разработанный коллективом воспитателей одной смены для воспитанников общежития лицея-интерната 64 и посвященный 80-летию Победы в Вов и году защитника Отечества.

Актуальность и значимость нашего проекта «Юный патриот» в том, чтобы не допустить забвения героических страниц прошлого нашей страны, увековечить память ветеранов и сохранить историческую правду в условиях современного мира, где информация быстро устаревает, а интерес к истории порой уходит на второй план.

В план проекта были включены мероприятия, направленные на формирование гражданско – патриотической и активной жизненной позиции воспитанников, в том числе мероприятия, проводимые в сотрудничестве с: Саратовским военным ордена Жукова Краснознаменным институтом войск национальной гвардии, Саратовским Окружным казачьим обществом, Депутатом Саратовской областной Думы, заместителем председателя Комитета по делам ветеранов Вячеславом Калининным:

«Боль и трагедия Беслана», экскурсия в музей СВО, в музей «Россия-моя история», посещение дня открытых дверей в институте войск нац. гвардии, благотворительная акция, посвященная Дню пожилого человека, поздравительные акции для учителей к дню учителя, для мам и пап - к дням Матери и отца, 8-му марта и 23 -му февраля, всероссийская акция ко дню белых журавлей, игра-квест «В единстве наша сила!», творческие мастерские по изготовлению окопных свечей, поделок, открыток, новогодних игрушек, мыла своими руками, шитье балаклавы, плетение маскировочных сетей для солдат в зону СВО, литературно-театральная композиция «Накануне Рождества», литературная гостиная «Запомни, этот город – Ленинград, запомни, эти люди – ленинградцы...», всероссийская акция «Свеча Памяти», совместные с представителями совета ветеранов уроки мужества к дню Героев Отечества, к дню Защитника Отечества, путешествие в страну Российской науки, историческая викторина «Отечества верные сыны!», игра-стратегия «Портрет родного города», встреча с героями локальных войн, организаторами гуманитарной помощи в зону СВО, посвященная дню воссоединения Крыма с Россией, воскресный кино клуб с просмотром военных фильмов: «А зори здесь тихие», «Кукушкины дети», «Сталинград» и др., конкурс буктрейлеров (с целью привлечения детей к чтению книг) и выставки книг военной тематики. Впереди еще запланированы: экскурсия в музей института нац. гвардии, конкурс чтецов «Сороковые - роковые...», спортивное мероприятие к Дню Победы «Победа будет за нами», посещение парка Победы «Журавли», дарение цветов ветеранам и возложение цветов к мемориалам, установленным в память о событиях и героях Вов и локальных войн. И еще намечается одна экскурсионная поездка к достопримечательностям Краснокутской земли – как продукт исследовательского проекта одного из воспитанников общежития, победившего в конкурсе проектов «История и достопримечательности родного края».

Быть патриотом – это значит трудиться и быть социально активным, быть хозяином своей страны, а не гостем. Поэтому множество мероприятий носили практический и социально значимый характер.

Дети добровольно собирали гуманитарную помощь нашим солдатам в зону проведения СВО, участвовали в социально-значимых акциях «Письмо солдату», «Посылка солдату», «Армейский чемоданчик», «Тепло для героя» по изготовлению окопных свечей, участвовали в региональном конкурсе «Новый год – фронту!», где изготавливали новогодние игрушки и были награждены грамотами призеров и участников конкурса; изготавливали мыло своими руками и открытки к дню Героев Отечества, Новому году и дню Защитника Отечества с целью поддержки своих земляков в зоне проведения СВО, оформляли фотовыставки «Защитники, исполняющие свой долг за пределами Отечества», а также информационные стенды ко дню Российской науки о великих ученых нашей страны и создавали книги памяти ученым, работающим в разных областях наук в годы Вов и буктрейлеры по понравившимся книгам военной тематики.

Организация и проведение мероприятия осуществляется так, чтобы ребенок умел ориентироваться в общественной обстановке, высказывать свои суждения и взгляды, обладал социальной ответственностью за свои поступки, осознанно любил и гордился своей страной, сопереживал за достижения своей Родины, своего народа, знал и принимал историю своей страны, уважал и соблюдал свои традиции и обычаи.

Верим, что все выбранные формы работы проекта по патриотическому воспитанию дадут свои плоды – пробудят в ребенке любовь к Родине, чувство гордости к её народным героям, сохраняют интерес к историческому прошлому и окружающему миру, а также пробудят в нем стремление сделать мир лучше, счастливее.

Самое ценное, и это мы видим в наших ребятах, что они проявляют уважение, внимание, заботу к старшему поколению, осознают, что сила в правде и единстве, понимают насколько важна поддержка для человека, находящегося вдали от дома, для тех, кто днем и ночью несет свою нелегкую службу, вершит историю нашей страны, выполняя задачи специальной военной операции. И ученики нашего лицея, мы уверены, – это будущее поколение патриотов страны, которое приложит все силы для дальнейшего процветания нашего славного Отечества.

Библиографический список

1. Жакун В. В. Гражданско-патриотическое воспитание сегодня: реализация и основные средства // Молодой ученый. 2016. –№ 10 (114). С. 1219-1222. – URL: <https://moluch.ru/archive/114/29682/> (дата обращения: 02.04.2025).
2. Савельева И. В. Кружковая внеурочная деятельность по военно-патриотическому воспитанию // Молодой ученый. 2017. № 11 (145). С. 483-485. – URL: <https://moluch.ru/archive/145/40649/> (дата обращения: 02.04.2025).
3. Соловьева И. В. Реализация военно-патриотического воспитания

подростков через творческую деятельность во внеурочное время // Образование и воспитание. 2024. № 2 (48). С. 33-35. URL: <https://moluch.ru/th/4/archive/266/9134/> (дата обращения: 02.04.2025).

4. Андреева С. Е. Социально-педагогическое сопровождение как условие формирования культуры досуга школьников в образовательном пространстве // Молодой ученый. 2020. № 24 (314). С. 390-392. URL: <https://moluch.ru/archive/314/71468/> (дата обращения: 02.04.2025).

ВЫЖИТЬ И СОХРАНИТЬ: МУЗЕИ ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

А.В. Спиридонова, И.Э. Рахимбаева

Спиридонова Александра Владимировна, магистрант 1 курса очной формы обучения направления «Педагогическое образование», профиль «Развитие личности средствами искусства» факультета искусств Педагогического института, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83.

Рахимбаева Инга Эрленовна, доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой теории, истории и педагогики искусства, декан факультета искусств Педагогического института, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83.

Аннотация. В статье рассматривается роль музеев и музейных работников в сохранении культурного наследия в годы Великой Отечественной войны. Особое внимание уделяется эвакуации музейных коллекций, героизму сотрудников в условиях блокады и оккупации, а также процессу возвращения и восстановления утраченных экспонатов в послевоенное время. Через конкретные примеры подчеркивается вклад музейного сообщества в сохранение исторической памяти и культурной идентичности народа. Материал основан на документальных источниках, научных исследованиях и архивных данных.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, музеи, культурное наследие, эвакуация, блокада Ленинграда, оккупация, музейные работники, историческая память, восстановление, идентичность.

Великая Отечественная война стала для советского народа не только тяжелейшим испытанием, но и настоящей борьбой за сохранение культурного наследия и самобытности. Под ударами бомб, в условиях голода, холода и постоянной угрозы уничтожения, происходила незаметная, но героическая

работа – спасение музейных ценностей, произведений искусства, исторических реликвий, которые были немymi свидетелями целых эпох.

Когда рушились города и гибли миллионы, сотрудники музеев – зачастую безоружные, измождённые – делали всё возможное, чтобы сохранить нечто большее, чем материальные объекты. Они защищали нашу память, историю, культуру, не позволяя войне стереть духовные ориентиры народа. Эти люди в халатах и валенках, затаившиеся в подвалах, на складах, в эшелонах под обстрелами, вели собственную войну – за красоту, знание и будущее.

Музеи СССР в годы Великой Отечественной войны пережили тяжелейшие испытания. За спасением коллекций стояли не просто планы эвакуации, а самоотверженные усилия людей, готовых рисковать жизнью ради искусства и истории. Это были не просто меры охраны экспонатов – это был подлинный фронт, где шла борьба за культурную память народа. История музеев того времени, прежде всего, о людях, которые в самые тёмные времена сумели отстоять культурную память народа, чтобы свет прошлого не угас в будущем.

На пороге Великой Отечественной войны музейная система Советского Союза представляла собой разветвлённую и активно развивающуюся сеть. К 1941 году в стране насчитывалось более тысячи музеев самых разных направлений: художественных, историко-культурных, краеведческих, литературных и научно-технических. Многие из них хранили в своих фондах уникальные артефакты, имевшие значение не только для российской, но и для мировой культуры [1].

Крупнейшие музеи страны – Государственный Эрмитаж, Третьяковская галерея, Русский музей, Государственный исторический музей и другие – служили флагманами научной и просветительской деятельности. Они не только сохраняли бесценные произведения искусства и исторические реликвии, но и активно занимались исследовательской работой, образовательными программами, проводили выставки, экскурсии, лекции. Региональные и краеведческие музеи, в свою очередь, играли важную роль в формировании культурной памяти, вовлекая местное население в изучение родной истории и традиций.

Несмотря на ряд организационных и ресурсных трудностей, характерных для предвоенного времени, сотрудники музеев стремились к развитию: пополняли коллекции, совершенствовали систему хранения, создавали научные описания фондов, формировали тематические экспозиции. Музеи жили в ритме исследовательской и культурно-просветительской жизни, планируя долгосрочные проекты и экспозиционные обновления.

Но всё изменилось в одночасье. Начало войны поставило под угрозу существование не только зданий и экспонатов, но и всей системы культурного наследия. Перед музейными работниками встал трагически острый вопрос: как сохранить неопределимые сокровища в условиях разрухи, хаоса и смертельной опасности?

С первыми днями войны стало ясно: музеи, особенно расположенные в западных и центральных регионах СССР, оказались под прямой угрозой уничтожения. Бомбардировки, приближение фронта, хаос эвакуации – всё это ставило под вопрос судьбу национального культурного наследия. Однако благодаря стремительной реакции, организованности и самоотверженности музейных работников по всей стране началась масштабная операция по спасению фондов.

Уже в июне 1941 года были изданы первые правительственные постановления об эвакуации наиболее ценных экспонатов. Организацией занимались Народный комиссариат просвещения СССР, Комитет по делам искусств и Академия наук. Списки приоритетных для эвакуации предметов составлялись буквально на ходу. В условиях нехватки транспорта и продовольствия музейщики нередко принимали тяжёлые решения: что можно успеть увезти, а что придётся спрятать или даже оставить [2].

Один из ярчайших примеров – эвакуация коллекций Эрмитажа (рис.1). Под руководством директора Иосифа Орбели, началась сложнейшая операция по упаковке, маркировке и отправке десятков тысяч произведений искусства. Более миллиона экспонатов, включая шедевры Леонардо да Винчи, Рафаэля, Рембрандта, были упакованы в ящики, загружены на платформы и отправлены в Свердловск. Эта операция была проведена с высочайшей точностью: ни один экспонат не был утерян в пути.

Рисунок 1 - Подготовка к вывозу картин из Эрмитажа

Аналогичные действия предпринимались и в других учреждениях. Коллекции Третьяковской галереи, Государственного музея изобразительных искусств имени Пушкина, Исторического музея были эвакуированы в Новосибирск, Пермь, Томск, Ташкент и другие города. Принцип был один: увести экспонаты как можно дальше от линии фронта.

Государственный исторический музей - единственный в Москве, который работал всю войну. Закрывался лишь на восемь дней осенью 1941 года - при бомбежке выбило все окна на втором этаже.

430 тысяч экспонатов - из двух миллионов - отправили в эвакуацию июля 1941 года. В Южном речном порту на две баржи погрузили «Госхранилище №1»: коллекции ГИМа и других музеев, Библиотеки имени

Ленина, «Иностранки». По воде дошли до волжского Хвалынска, а дальше - по железной дороге в Кустанай в Казахстане.

Эвакуация происходила в условиях жесточайшего дефицита: не хватало упаковочного материала, транспорта, охраны. Люди ночевали в вагонах, сопровождали грузы неделями, голодали – но были верны своей миссии. Для многих это было делом личной чести и гражданского долга. Они оберегали не вещи – они защищали саму суть культуры и человеческой памяти [3].

Пока эвакуация давала шанс сохранить хотя бы часть культурного наследия, в осаждённых и оккупированных городах музеи становились местом борьбы за жизнь и память. Особенно трагичной и героической страницей стала судьба музеев в блокадном Ленинграде, а также в городах, захваченных нацистами.

Эрмитаж в блокадном Ленинграде стал символом стойкости культуры перед лицом бесчеловечности войны. Более миллиона экспонатов были эвакуированы до начала блокады, но в здании остались сотрудники, охранявшие пустые залы, скрупулёзно продолжавшие учет, хранившие в подвалах неэвакуированные предметы. Директор музея Иосиф Орбели и его коллеги жили прямо в Эрмитаже, несмотря на голод, обстрелы и холод. Умирая от истощения, они продолжали читать лекции, организовывать небольшие выставки для солдат и жителей осаждённого города – не давая людям забыть, что, кроме войны, существует ещё и другой мир: мира, красоты, истории. В залах оставались пустые рамы, под которыми висели надписи: «Здесь находилась “Мадонна Литта”». Эти пустоты стали символами несгибаемой воли (рис. 2).

Рисунок 2 - Эрмитаж в годы блокады Ленинграда

Сотрудник Эрмитажа Павел Филиппович Губчевский вспоминал, что в холодных, промёрзших за зиму залах Эрмитажа стены покрылись инеем, а шаги гулко разносились по опустевшим помещениям. В этих залах остались только рамы – дубовые, золочёные, вычурные и строгие, большие и малые. Когда-то они были лишь обрамлением, теперь же стали самостоятельными – одни словно стремились заполнить собой пустоту, другие подчёркивали её.

Эти рамы, принадлежавшие когда-то полотнам Пуссена, Рембрандта, Кранаха, голландских, французских, итальянских мастеров, для Губчевского продолжали хранить в себе картины. Он ясно видел внутри них знакомые образы – лица, фигуры, складки одежды, мазки кисти, свет и тени. Отсутствие самих полотен делало их даже более зримыми. Его память и воображение усиливались, заполняя пустоту – он воссоздавал живопись словами, жестами, голосом, всеми средствами, которые давала ему фантазия и знание. Люди сосредоточенно всматривались в пространство внутри рам, а слова превращались в линии и цвета, в игру света и воздуха. Казалось, будто картины возвращаются – настолько ярко и живо они оживали в воображении. Позже, вспоминая он, ни одна экскурсия не была столь глубокой и проникновенной [4].

В Новгородском музее-заповеднике культурная катастрофа достигла апогея: уникальные памятники, включая иконы, рукописи, деревянную архитектуру, были безвозвратно утрачены. Нацисты организовали целенаправленное разграбление: предметы вывозились эшелонами, часто без инвентаризации [5]. В Херсонесе, где находились уникальные археологические находки, оккупанты устроили казармы прямо в раскопах. Но даже здесь местные сотрудники рисковали жизнью, чтобы спрятать и сохранить хотя бы часть артефактов. Имена этих людей часто остаются в тени, но их подвиг – не менее велик. Немало экспонатов позже всплывали на аукционах и в частных собраниях в Европе. В послевоенные годы велась долгая и часто безрезультатная работа по возвращению этих ценностей. Тем не менее, даже в оккупации оставшиеся сотрудники музеев шли на невероятные подвиги ради спасения того, что ещё можно было уберечь.

Одним из поистине героических поступков в годы войны стало спасение Таманского саркофага – выдающегося памятника античной скульптуры, обнаруженного на Таманском полуострове ещё в 1916 году. Во время оккупации немцы намеревались вывезти этот уникальный артефакт и перевезли его сначала в Керчь, где спрятали в бомбоубежище, оборудованном в Мелек-Чесменском кургане для офицерского состава. Однако, отступая под натиском советских войск в мае 1944 года, они взорвали укрытие, разрушив саркофаг. Его крышка была буквально изрешечена автоматными очередями, измазана технической смазкой и расколота на более чем 1600 фрагментов.

Для спасения бесценного мраморного шедевра весом около пяти тонн в Керчь направили сотрудницу отдела археологии Государственного Исторического музея Наталью Валентиновну Пяташеву. Проявив не только профессионализм, но и настоящую отвагу, она сумела привлечь помощь сапёров, организовать извлечение саркофага из руин кургана и отправку его в Москву. Об этой драматичной и трогательной истории страна узнала благодаря заметке в «Комсомольской правде», опубликованной в 1944 году. Наталье Пяташевой стали писать письма со всех уголков Советского Союза – и из тыла, и с фронта – выражая благодарность за её труд и преданность делу. Сегодня восстановленный саркофаг по-прежнему занимает почётное место в экспозиции музея, напоминая не только о глубокой древности, но и о мужестве

людей, которые спасали культуру в самый тёмный час. История музеев в годы Великой Отечественной войны – это не просто хроника борьбы за сохранение произведений искусства и исторических реликвий, а свидетельство невероятной силы духа людей, которые, несмотря на все ужасы войны, не только защищали культурное наследие, но и сохранили веру в будущее. Каждый музей, каждое спасённое произведение искусства стали символом того, что в самых темных уголках истории, даже на грани разрушения, можно найти свет – свет человеческой решимости, самоотверженности и любви к культуре.

Сегодня, когда мы восхищаемся величием Эрмитажа, Третьяковской галереи или Русского музея, важно помнить, что сохранение этих ценностей стало возможным благодаря мужеству и профессионализму людей, которые в годы войны и оккупации поставили на карту свою жизнь ради того, чтобы будущее поколение могло видеть и изучать произведения, сформировавшие культурное лицо человечества. И в каждом зале, где сегодня стоит экспонат, где звучит экскурсия, – живёт память об этом великом, тихом подвиге.

Библиографический список

1. Шевлягин А. А. Музейные комплексы и формирование исторической памяти о событиях Великой Отечественной войны // Современная научная мысль. 2020. №7. С. 107–111.
2. Кантор Ю. З. Эвакуация ленинградских музейных экспонатов летом 1941 г // Гасырлар авазы - Эхо веков. 2021. №2. С. 20–30.
3. Мозохин О. Б. Эвакуация населения, объектов промышленности и культурных ценностей из прифронтовой зоны в годы Великой Отечественной войны // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2018. №4. С. 20–35.
4. Адамович А. М., Гранин Д. А. Блокадная книга. М. : Азбука, 2025. 672 с.
5. Григорьева Н. В. 1944 год. Один год из истории Новгородского музея-заповедника // Новгородский исторический сборник. 2015. №1. 278–288.

РЕЛИГИОЗНО-ПРАВСТВЕННОЕ СОДЕРЖАНИЕ МЕНТАЛЬНОСТИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

М.А. Тагаев

Тагаев Макар Александрович, аспирант кафедры теоретической и социальной философии, makarii0506@yandex.ru, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83.

Аннотация. Статья рассматривает изменения, произошедшие в отношениях Русской православной церкви и советского государства в период Великой Отечественной войны. Автор показывает, как политика репрессий и гонений, существовавшая в довоенные десятилетия, сменяется новым этапом сотрудничества, вызванным необходимостью мобилизации общества для защиты Отечества. Подробно рассматривается положение Церкви в 1920 - 1930-е годы, показывается жестокость государственной политики, направленной на ликвидацию церковных институтов и подавление религиозности населения. Несмотря на запреты и давление, внутренняя религиозная жизнь сохранилась, перейдя в подпольное состояние. С началом войны власти вынуждены изменить свое отношение к верующим, открыв новые возможности для деятельности Церкви, учитывая ее огромный потенциал для укрепления народного духа. Особое внимание уделено участию духовенства в поддержке фронта, помощи раненым, сборе средств и молитвенном единении с армией. Приведен исторический обзор особенностей возрождения религиозной активности в годы войны, рассмотрены предпосылки и последствия трансформации отношений между государством и Церковью. Статья обобщает аналитические изыскания автора, касающиеся сохранения духовно-нравственного потенциала нации в экстремальном военном контексте, подчеркивая ключевую роль восстановления интереса к традиционным религиозным институтам и ценностям для консолидации советского общества.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Русская православная церковь, патриотизм, общественное сознание, социальная культура, народное самосознание, традиционная нравственность, постсекулярные тенденции.

Прежде чем обратиться к событиям Великой Отечественной войны (ВОВ) и проявлению религиозности в обществе в этот период, важно рассмотреть предшествующие отношения между церковью и государством в Советском Союзе. С момента революции 1917 года советская элита сосредоточилась на формировании социалистического мировоззрения среди рабочих. Это сопровождалось попытками стереть историческую память народа, уничтожить тысячелетние традиции и ликвидировать Русскую православную церковь (РПЦ) – главного хранителя этих традиций. После Октябрьской революции государство активно боролось с церковью, лишая её юридического статуса, запрещая просветительскую деятельность, национализируя имущество, вскрывая святые мощи, изымая ценности и поддерживая обновленческий раскол. Кульминацией стало массовое закрытие и разрушение храмов в 1920–1930-е годы, а также физическое истребление духовенства и верующих. Эти меры соответствовали антирелигиозной позиции В.И. Ленина. Еще в 1905 году он писал, что «религия есть один из видов духовного гнёта, лежащего везде и повсюду на народных массах...» [1] и настаивал на полном отделении церкви от государства, призывая сознательных рабочих всей страны вести беспощадную войну с теми

представителями духовенства, кто не принимал «этих последовательных требований свободы» [1].

В дальнейшем, как отмечают исследователи, позиция вождя мирового пролетариата выразилась в трех основных критериях:

Во-первых, это мировоззрение, основанное на диалектическом материализме, которое принципиально противоречит любой религии. Во-вторых, ярко выраженный антиклерикализм, переросший в агрессивное отношение к религиозным организациям как к политическим оппонентам коммунистической партии. В-третьих, Ленин считал проблемы религии второстепенными по сравнению с задачей социального переустройства, поэтому «религиозный вопрос» должен был подчиняться насущным требованиям революционного преобразования общества [2]. Итогом политики воинствующего атеизма стала ситуация, когда к началу ВОВ на территории РСФСР осталось лишь 950 православных общин и примерно 100 действующих храмов, преимущественно в крупных городах. В двадцати областях функционировало от одного до пяти храмов, тогда как в двадцати пяти областях вообще не было ни одного храма [3]. К началу ВОВ лишь малая часть духовенства РПЦ находилась на свободе и могла свободно действовать. Но несмотря на активную антирелигиозную пропаганду, репрессии и сокращение числа официальных приходов и монастырей Патриаршей Церкви в 1920 - 1930-е годы духовная жизнь верующих не прекращалась. В Советском Союзе стихийно возникали подпольные «домашние» монастыри, тайные богословские школы и нелегальные общины. Это явление отражало глубокую традиционную религиозность населения, особенно крестьянского. Легальный епископат при этом «в 1920-1930-е гг. лояльно относился к церковному подполью, видел в нем естественный способ продолжить невозможную в создавшейся обстановке церковную жизнь и участвовал в его созидании» [4]. Поэтому можно утверждать, что именно церковное подполье явилось одним из факторов сохранения религиозности в советском обществе накануне ВОВ.

С самого начала войны, оставив в стороне все разногласия с властью РПЦ призвала советский народ к борьбе против захватчиков, а православный социум – к неустанной молитве за победу. 22 июня, в день прославления всех русских святых местоблюститель Патриаршего престола митрополит Сергей (Страгородский) выступил с посланием к пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви в котором заявил, что «Церковь Христова благословляет всех православных на защиту священных границ нашей родины» [5]. Вскоре это послание было зачитано на всех приходах РПЦ и получило отклик, который вскоре выразился во всенародных пожертвованиях на нужды Красной Армии и участие в деле Победы. На церковь при этом не оказывалась давления со стороны власти [6], так как она прежде самой власти обратилась к народу с воззванием. Чем засвидетельствовала свою многовековую традицию быть всегда со своим народом.

Историческим фактом является, что в своем выступлении по радио от 3 июля 1941 года И.В. Сталин использует наряду с обращениями «Товарищи!

Граждане!», по сути внутри-церковное обращение: «Братья и сестры!» [7]. Совершенно явным в этом обращении выглядит непривычный для интернационального характера коммунистической партии поворот к теме отечественного патриотизма и к воспоминанию предыдущих побед русского народа. Однако стоит отметить, что еще со второй половины 30-х годов в СССР наметился разворот, связанный с построением советского патриотизма. Одним из ярких примеров тому явился вышедший в 1938 году фильм «Александр Невский» режиссёра Сергея Эйзенштейна. Сталин нуждался в крепких культурологических основах для построения социума способного одержать Великую Победу. В связи с чем Советский Союз прекратил политику гонений на верующих и перешел к своеобразному сотрудничеству с церковью, направленное на сплочение сил ради победы над врагом. Во многом этому способствовала патриотическая позиция, занятая руководством РПЦ. Можно привести следующие факты перемены взаимоотношений власти и церкви, начавшиеся с первых дней войны. В июле 1941 года прошла первая короткая встреча Сталина с митрополитом Сергием (Страгородским). В 1942 году московские власти содействовали проведению пасхальных торжеств в столице. В ноябре 1942 г. управляющий Московской епархией митрополит Николай (Ярушевич) был включён в состав Чрезвычайной Государственной Комиссии по расследованию преступлений немецких захватчиков. А в сентябре 1943 года в Кремле состоялась знаменательная встреча Верховного Главнокомандующего и лидера государства с митрополитами Сергием (Страгородским), Алексием (Симанским) и Николаем (Ярушевичем), после которой Церковь получила определенную свободу в своих действиях.

Как уже было отмечено выше религиозная жизнь в довоенный период в Советском Союзе для людей верующих не прекращалась, несмотря на открытые притеснения, пропаганду и гонения со стороны власти. Мы можем предположить, что на определенную часть общества действия власти оказывало влияние и они отходили от веры. Однако по признанию самих идеологов атеизма того времени в 1937-1940 годы верующими себя в СССР считали от 45 до 50 % населения – это примерно 80-90 миллионов человек [8]. Хотя есть данные, где указывается, что эта статистика является заниженной.

Помимо данных статистики стоит отметить, что в советском социуме в ответ на процессы социальной унификации и секуляризации произошла своего рода "консервация" православной идентичности русских, которые, хотя и отдалились от Церкви, внутренне не отказались от веры во Христа. Русско-советский социум при этом оставался ядром советской общности, спокойно, без надрыва идентифицировал свою этничность [9]. Православие сместилось из области осознанного выбора людей в глубинное, бессознательное ядро народной, а в более широком смысле – советской культуры.

С началом войны значительную роль в проявлении религиозности общества сыграли внутренние факторы, включая личные переживания и особенности социально-психологического состояния людей в условиях войны. Испытания военного времени, экзистенциальная тревога за судьбы близких, страны, предчувствие возможной гибели, пленения и страданий пробудили в

народе его искреннюю и глубокую веру, которая раньше оставалась скрытой, но продолжала теплиться в глубинных культурных кодах советского социума.

При этом советские люди, обращаясь в годы противостояния с нацистской Германией к своим духовным корням, оставались преданными своей социалистической Отчизне. Они сражались за страну с устоявшейся системой ценностей и коллективистской культурой, где солидарность и общность были основополагающими принципами. Нравственные устои, заложенные исторически в государствообразующем народе Советского союза Православием, перекликались с ценностными ориентирами проповеданными коммунистической партией.

Увеличение религиозных проявлений возможно проследить на примере исторических и мемуарных материалах, свидетельствующих о росте количества молящихся в храмах, а также огромном количестве засвидетельствованных ирреальных случаях «трансцендентных знамений во время военных действий» [9].

Наконец, стоит отметить подлинный подвиг христианского прощения и жертвенной любви к Родине, совершенный Церковью. Так же неопенима её роль в патриотическом влиянии на советское общество и поддержку партизанского движения, что подтверждается и государственными наградами того времени, которыми были отмечены священнослужители и православные иерархи.

Таким образом, несмотря на заложенную советским государством, модель церковно-государственных взаимоотношений, выраженную в лишении Церкви юридического лица и всякой внешней возможности влияния Церкви на общество, религиозность в советском социуме, сохранялась. Сохранялась и связь общества с церковью. Во многом это стало возможно благодаря действиям церковного руководства, которое смогло пойти на проявление определенной лояльности по отношению к атеистическому советскому государству. Характерным и определенно спорным документом, подтверждающим это, является Декларация 1927 г. подписанная Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополитом Сергием (Страгородским). Этот текст подтверждал лояльность Церкви атеистическим властям и их политике, осуждая инакомыслящих, священников и верующих [10]. Это был вынужденный шаг, который был направлен на предотвращение массовых казней священнослужителей. Декларация при этом заложила дальнейший вектор церковно-государственных отношений.

С началом Великой Отечественной войны обстановка для религиозной жизни в СССР существенно изменилась. Советская власть прекратила преследования верующих и перешла к особому сотрудничеству с церковью, направленному на совместное сопротивление врагу. Этому способствовала патриотическая позиция, занятая руководством РПЦ и другими религиозными организациями.

Социокультурные парадигмы религиозности русско-советского общества перед началом Великой Отечественной войны свидетельствуют о непрерывности процессов религиозно-цивилизационной самоидентификации государствообразующего русского этноса. Традиционные модели

мировосприятия и этики советских людей оставались такими же, как и в дореволюционное прошлое, и проявились особенно ярко в ходе войны. Перед лицом экзистенциальной угрозы, представители разных уровней религиозности обратились к Церкви и вере в Бога, черпая в традиционных культурных кодах силу и поддержку, что способствовало достижению Великой Победы. Этот поворот охарактеризовался отчасти внешней сходностью религиозных архетипов и системы советского устройства, отражавшуюся в духе солидарности, общинности, отсутствии расовых и этнических барьеров, социальном аскетизме, историческом оптимизме и идее жертвенного служения Родине и ближнему.

Отдельным важным фактором данного периода является своеобразное явление «двоеверия», появившегося в советском социокультурном пространстве. В термин «двоеверия» в данном случае вкладывается смысл объединения традиционного христианского вероучения с понятием секулярного патриотизма его символикой в восприятии социума. Возникновению этого явления способствовал как раз период Великой Отечественной войны. Тогда возникает «эффект отождествления патриотизма и православной веры» [11]. Отчасти этот процесс был заложен еще в советский период и продолжается в современном социуме. Сюда можно отнести упомянутую выше практику советских идеологов идеализировать память о исторических личностях дореволюционной России. Александре Невском, Дмитрии Донском – которые помимо всего прочего являлись святыми Православной церкви. Одним из примеров смешения символов культурно-религиозных и советско-патриотических является гвардейские ленточки советской армии. На что косвенно указывает в одной из своих проповедей Святейший Патриарх Кирилл: «неслучайно, что гвардейские ленточки даже советской армии – это ленточки ордена святого великомученика Георгия Победоносца, потому что глубоко утвердилось в сознании людей, что святой великомученик Георгий есть победитель – победитель зла в человеческой истории» [13, 14]. Данный пример одного из символов Великой Победы отражает квазирелигиозную сторону этики сталинизма [12, 15], которая выстраивалась в противовес борьбы с религией традиционной. Среди прочих советских символов и явлений можно назвать: мавзолей Ленина, партийные демонстрации, моральный долг перед партией и обществом.

Эти основы в послевоенную эпоху получают новый импульс к укреплению в сознании общества. В религиозной среде происходит смешение «священных» символов коммунистической партии, символов Великой Победы, а также религиозной веры.

Этот продолжающийся процесс можно проследить и в современном религиозном сообществе. Отмечаются попытки сформировать особое религиозное восприятие Великой Отечественной войны: она представляется как борьба добра против зла, как результат человеческих грехов, а победа трактуется как проявление Божьего чуда. На протяжении 2000-х годов заметно усиливается значение памяти о войне в формировании общероссийской политики памяти. Это проявляется, в частности, в переходе даже общественных инициатив, связанных с войной, на государственный уровень (например, движение «Бессмертный полк»). Главным символом сохранения памяти о войне в мемориальной

архитектуре современной России стал Главный храм Вооруженных Сил РФ, возведенный неподалеку от парка «Патриот» в Москве. Который в своем оформлении, пропорциональных формах наполнен символического значения [11]. Особенностью храма, отражающей процесс десекуляризации российского общества в 1990-е годы, являются боковые приделы, посвященные святым, выбранным различными родами войск Вооруженных Сил РФ в качестве своих небесных защитников. Само же возведение храма-мемориала в котором объединились религиозные христианские символы с символами советского прошлого можно отнести к особенностям постсеклярных тенденций в современном социокультурном пространстве России основой к которым послужил послевоенный период взаимоотношений Церкви и Советского государства.

Библиографический список

1. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. / В. И. Ленин; Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 5-е изд. М.: Государственное издательство политической литературы, 1968. Т. 12. Октябрь 1905 – апрель 1906. С. 142–147.
2. Смирнов М. Ю. Религия и Библия в трудах В. И. Ленина: новый взгляд на старую тему // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2011. № 2. С. 112.
3. Кринко Е. Ф. Религиозная жизнь в тылу и на фронте в годы Великой Отечественной войны // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2015. № 1 (13). С. 98–112.
4. Беглов А. В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, «Арефа», 2008. 352 с.
5. Страгородский, митр. Послания к верующим Русской Православной Церкви // Документы Русской Православной Церкви периода Великой Отечественной войны. URL: <https://www.sedmitza.ru/text/1126318.html> (дата обращения: 11.03.2025).
6. Фуфаева А. П. Власть и церковь в годы Великой Отечественной войны: современное измерение // Библиотека журнала «Русин». 2015. № 2. С. 55.
7. Сталин И. Выступление по радио 3 июля 1941 года // О Великой Отечественной войне Советского Союза. 4-е изд. М.: ОГИЗ, 1944. С. 7.
8. Поспеловский Д. В. Русская Православная Церковь в XX веке. М.: Республика, 1995. 511 с.
9. Цеханская К. В. Война и вера: религиозный аспект подвига советских людей в годы Великой Отечественной войны // Метаморфозы истории. 2019. № 13. С. 23.
10. Пинюгина Е. В. Патриарх Сергей в политике памяти Русской Православной Церкви в конце XX – начале XXI вв. // РСМ. 2020. № 2 (107). С. 61.

11. Аникин Д. А. Память о Великой Отечественной войне как символический ресурс: особенности функционирования в религиозном сообществе // *Studia Humanitatis*. 2020. № 1. С. 24.

12. Чеснова Е. Н., Якимова Е. Г., Мартьянов Е. Ю. Квазирелигиозные и эсхатологические основания этики сталинизма // *Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого*. 2014. № 2 (10). С. 59–67.

13. Слово Святейшего Патриарха Кирилла в Свято-Георгиевском храме на Поклонной горе в день памяти святого великомученика Георгия Победоносца // *Patriarchia.ru*. 06.05.2021. URL: <https://bit.ly/2xpXSMc> (дата обращения: 01.05.2025).

14. Тагаев М. А. Постсекулярные тенденции в современном социокультурном пространстве России // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика*. 2025. Т. 25. № 1. С. 26–30. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2025-25-1-26-30>

15. Мозжилин С. И. Совесть и историческая память в контексте российской культуры // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика*. 2024. Т. 24. № 3. С. 289–294. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-3-289-294>

ИСТОРИАЛ ПОБЕДЫ КАК ОДИН ИЗ ДУХОВНО-ПРИКЛАДНЫХ МЕТОДОВ СОЗДАНИЯ СМЫСЛОВ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ЖИЗНИ

А.В. Толмачев

Толмачёв Александр Васильевич, доктор юридических наук, магистр религиоведения, советник декана философско-богословского факультета, 9409574@mail.ru, Российский православный университет Св. Иоанна Богослова, Москва, Россия

Аннотация: Простых описаний исторических фактов о Великой Победе мало для формирования собственной героической личности молодых современников и для поиска их смысла жизни. Нужно формулировать не простую очередность фактов истории, а создавать историал. Историал – это придание смыслов событиям в нашей жизни, это построение фундамента собственной личности с помощью энергии любви, свободы творчества и Божественной благодати; это придание смыслов событиям, в которых мы лично не участвовали, но которые оказали на нас грандиозное влияние. Историал абсолютно реален в тех системах личностных координат, которые обнаружила формирующаяся личность на пути собственного духовного развития. Для создания историала требуется некоторая аксиоматика, то есть неопровержимые и недоказуемые самим собой убеждения. Все они связаны с непоколебимой верой, которая прочно сплетается с полученными знаниями.

Для создания историала требуется свобода творчества и соборная свобода сотворчества. Свобода воли необходима для ответственности и наказания. Настоящая свобода есть независимость и определяемость своей личности изнутри, есть своя творческая сила, не выбор между добром и злом, а собственное созидание добра и зла. Только в свободной соборности и соборной свободе сотворчества, когда происходит расширение личностного опыта до всеобщего опыта, возможна победа над своим биоиндивидуумом и возможна Великая Победа всего народа.

Ключевые слова: философия, теология, антропология, смысл, историал, Победа.

Ведение.

Воспоминания зависят от способности памяти конкретного человека более-менее точно воспроизвести события, но уже с некоторым оценочным элементом. Если от события прошло довольно большое время, как со времени Великой Победы, то человек смотрит на прошедшее событие с некоторой оценкой самого себя, объясняющего поведение самого себя, своих предков, даже целого народа в той самой ситуации.

Такой самооценивающий взгляд чрезвычайно полезен для становления личности. Недостатком воспоминательных биографий живых участников тех давних событий является то, что многие люди вообще не помнят значительную часть собственной жизни. В таком случае искажение информации нарастает очень быстро. Простых описаний исторических фактов о Великой Победе мало для формирования собственной героической личности молодых современников и для поиска их смысла жизни. Нужно формулировать не простую очередность фактов истории, а создавать историал.

Историал – это придание смыслов событиям в нашей жизни, это построение фундамента собственной личности с помощью энергии любви, свободы творчества и Божественной благодати; это придание смыслов событиям, в которых мы лично не участвовали, но которые оказали на нас грандиозное влияние. Историал абсолютно реален в тех системах личностных координат, которые обнаружила формирующаяся личность на пути собственного духовного развития.

Для создания историала требуется некоторая аксиоматика, то есть неопровержимые и недоказуемые самим собой убеждения. Все они связаны с непоколебимой верой, которая прочно сплетается с полученными знаниями. Я попробую предложить историал Великой Победы как одного из духовно-прикладных методов создания смыслов современной жизни российской молодёжи.

1. Герой. Подвиг. Победа. Великая Победа.

Человеку приятно говорить о личных успехах, об успехах его семьи, его детей, его страны. Ещё приятнее, когда человек говорит о собственных победах, Но никто не рассказывает о собственных великих победах. Это не понятно, не принято, не скромно. Когда же человек читает или размышляет о подвигах героев, о подвигах великих героев, пусть даже мифических и

сказочных, - тогда можно вообразить и их великие подвиги. Но Великая Победа не связана в нашем сознании с подвигом только одного даже самого великого героя. Мы чувствуем, что Великая Победа может быть только великим подвигом целого народа, или даже многих народов, что в ней соединяются не только военные подвиги героев, но и великие лишения и страдания народа, отчаяние и страх перед сильнейшими врагами, великие жертвоприношения народа собственными жизнями, надежда на помощь всех живых и на помощь всех ангелов-хранителей, и даже самого Бога.

Спросите сегодня у русских людей, знают ли они какие-то великие победы? Кто-то ответит, что помнит великую победу русских воинов в «ледовом побоище» под руководством Александра Невского, кто-то - что помнит великую победу русских воинов в Куликовской битве, над полчищами Наполеона; и что все эти битвы не позволили врагам захватить наши земли и сделать нас, русских, - рабами. Но также все русские люди ответят, что знают только одну Великую Победу 1945 года, в кристалле которой сходятся профессиональные воины и неумелые воевать, русские и другие народы, верующие и атеисты, священники и паства, дети и старики; и что именно Великая Победа позволила сохранить саму жизнь народам и всему живому в нашей Родине. Почему так отвечают русские люди? Почему для русских людей день Великой Победы это не день скорби и поминовения миллионов погибших, а день великой радости? Зачем вообще современному русскому человеку нужна Великая Победа?

2. Мифология подвига и Великой Победы.

Рассмотрим «Великую Победу» как понятие легендарное, точнее – мифическое для современного человека. Ведь только единицы доживших до сегодняшнего дня участников той страшной войны помнят те события как их личный опыт. Подавляющее количество людей не имеют никакого личного опыта о той войне и о Великой Победе. Практически все мы воспитаны на страшных и героических легендах и мифах о той эпохе, почерпнутой нами из рассказов, из литературы, фильмов и разного рода сохранившихся до сего дня документах-летописях (если их кто-то сумел прочесть).

С позиций Дж. Фрезера, миф «Великая Победа» нужен нашему народу для осуществления ритуалов и духовных практик новой российской «гражданской религии». С точки зрения М. Малиновского миф «Великая Победа» очень функционален и полезен для сохранения традиций в современном обществе, культурной преемственности и социальной стабильности. С позиций З. Фрейда и К. Юнга миф «Великая Победа» как символ сможет, прорвавшись в область бессознательного, поможет контролировать через мифологические запреты подсознание человека. С точки зрения Э. Дюркгейма миф «Великая Победа» как феномен является очень важным для управления современным человеком через «коллективные представления», где «аномические» мифы, предлагаемые правителями приводят массы людей к несчастному состоянию из-за расхождений между декларируемыми правителями целями развития общества и доступностью достижения таких целей для людских масс. С позиций К. Леви-Стросса миф

«Великая Победа» полезен как логический инструмент разрешения культурного конфликта между людьми с разными типами мышления (от примитивно-рационального до мифологического и др.), так как у одних людей мышление свободно от подчинения средств целям («бриколаж» мифологической мыслительной деятельности), а у других такая свобода мышления отсутствует (рациональная проектная мыслительная деятельность); и так как миф для мифологически мыслящего человека рационален и опирается на «религиозный авторитет», а для рационально-научно устроенного человека опора в авторитете многообразия объясняющих конкурирующих идей и теорий. С точки зрения М. Элиаде современный человек заинтересован в сказках, легендах, историях, строящихся по мифологическим моделям, так как только в мифах время не линейно, а циклично; поэтому всё, что говорит миф «Великая Победа» принадлежит священному, а всё, что делали реальные люди по собственному разумению без обращения к мифической модели – мирское, не священное. С позиций Р. Барта миф «Великая Победа» нужен как часть современной культуры и как особый язык, с помощью которого осуществляется политическое и экономическое манипулирование.

С позиций современных российских мифотворцев, миф «Великая Победа» формирует единство российской нации, способной по приказу правителя мобилизовать свои силы, забыв о личных и семейных интересах.

С моей точки зрения, Великая Победа чрезвычайно важна не для ученых-историков, выискивающих документальные крупинки объяснений причин её зарождения из гегелевской диалектики исторических противоречий, а для мудрейшего русского народа, который чувствует своим удивительным религиозным чувством эту Великую Победу как былинку, легенду или великий миф, говорящий о священном, о священной русской земле, о священной русской душе. Перефразируя средневекового теолога Мейстера Экхарта можно сказать, что «Великая Победа родилась в нашей русской душе, чтобы мы родились в Великой Победе».

И совершенно не важно, кто из политехнологов и пропагандистов пытается манипулировать мыслями русских людей, используя миф «Великая Победа». Наш народ не объект для манипуляторов, а субъект священной русской истории. Так же русский народ священной воспринимает Великую Победу как победу над силами тьмы и смерти, ориентируясь на подвиг Христа, победившего смерть.

3. Онтология Великой Победы. Экзистенция Великой Победы.

Что есть Великая Победа? Рассмотрим универсум «Великая Победа». Это что-то материальное или идеальное? Структура этого универсума и материальна (миллионы людей, идущие на подвиги, на смерть, танки, самолёты, звуки и крики и т.п.) и идеальна (находится в нашем сознании вне времени и пространства).

Онтология Великой Победы – её бытие в полноте и единстве всех видов реальностей: объективная реальность (вне наших мыслей о ней); физическая реальность (произошедшая в конкретном пространстве и в конкретное время);

субъективная реальность (по-разному воспринимаемая участниками её и сегодняшними людьми); социальная реальность (существующая не для отдельных индивидуумов, а для всего русского народа); виртуальная реальность (живущая в кино, литературе, в иных художественных образах, в легендах, в мифах и т.п.). По-Платоновски: Бытие Великой Победы противоположно Великому Поражению (Ничто Великой Победы). По-Аристотелевски: Бытие Великой Победы противоположно Ещё-не-Бытию Великой Победы. По-экзистенциалистски: Бытие Великой Победы интерпретируется через Человека, так как он обладает способностью мыслить и вопрошать о Бытии Великой Победы. В соответствии с представлениями классической метафизики: Бытие Великой Победы равновелико Побеждающему тьму Богу. В соответствии с цифровой концепцией: информационное Бытие Великой Победы есть множество особых информационных объектов и связей между ними.

Абсолютна ли Великая Победа или относительна? Допустимы ли наши суждения (индукция) о Великой Победе из нашего эмпирического опыта? С точки зрения И. Канта, обоснование знания о Великой Победе и индукция допустима из нашего эмпирического опыта, так как русский человек обладает истинной априорной интуицией о реальной Великой Победе. С точки зрения К. Поппера, знание о Великой Победе не нуждается в обосновании, так как с помощью логического эмпиризма (верификации) это не возможно проверить, поставив проверяющие эксперименты для «повторных» великих побед. По К. Попперу, Великая Победа относится к миру «объективного содержания мышления» или «объективных знаний», куда входят и научные гипотезы, и художественные произведения, и другие объекты, не зависящие создателей его.

На что направлена Великая Победа? Какая истина о Великой Победы? С точки зрения С. Кьеркегора, Великая Победа не может быть по-гегелевски познана, а может быть только пережита, поэтому истина о Великой Победе есть экзистенциальная истина. Нельзя на Великую победу смотреть только как на объект исследования. Действительность Великой Победы можно почувствовать с помощью интуиции. Великая Победа живая и как человек имеет собственную экзистенцию, несёт великую ответственность за мысли о ней.

Великая Победа мыслится как самосозидающий самоорганизующийся «экзистенциальный проект». К Великой Победе как и к человеку применим принцип «существование предшествует её сущности». Свою сущность Великая Победа обретает по ходу своего существования в мыслях и поступках нашего народа. Через Великую Победу наш народ призывает своих героических предков к духостроительству. Великая Победа оберегает свою сущность через мысли и поступки наших людей. Великая победа есть и источник боязни для недругов-конкурентов, которые не воевали с нами в прошлом, не понимают, что же их страшит в Великой Победе. Страх необходим человеку для вытаскивания его из бездумного проживания жизни. Страх от Великой Победы для конкурентов и недругов целебен. Страх от

Великой Победы сжигает всё несущественное и временное и конкуренты могут преобразиться в соратников.

Сегодняшняя «забота» нашего народа о священной Великой Победе сродни Dasein (тут-бытию) М. Хайдеггера. Именно с позиций М. Хайдеггера Великую Победу можно и нужно рассматривать и проживать вместе с ней как Dasein нашего русского народа, мыслящий себя как народ-побетитель не только на поле брани, но и в экономике, изобретательстве, духовном развитии. А в свою очередь, просветлённый Христом и Великой Победой, русский народ станет Dasein-ом для других народов Земли.

4. Историа́л Победы в координатах государственного и народно́го пространства России.

По А. Г. Дугину «...государственное пространство является налоговым, «данныческим», и сам народ становится этим пространством, измеряемым объёмом, количеством и качеством дани... Закрепление ранее свободных крестьян за землёй, а значит, за строго определённой инстанцией сбора налогов, которой мог выступать сам царь, Церковь или отдельные бояре, дворяне, окончательно состоялось лишь в XVII веке. Именно на этот период и приходится решающее огосударствление русской жизни и превращение народа в население... Такой порядок получил название «крепостного права». ...Государство достигало дна общества, доведя свои механические законы вплоть до самых низших уровней – до пространства как априорной формы чувственности. В такой ситуации народ превращался в чисто экономическое явление, а крепостные крестьяне становились простым товаром или инструментами, наряду с другими предметами, частью или даже основой «капитала». Единичей измерения такого капитала становились «души»,...с которых либо собирался «подушный налог», либо сами они были собственностью владельца... В России такой единицей капитала становились «души.»» [5, с.291-293].

По А. Г. Дугину, «крестьянство же, то есть русский народ, понимал пространство совершенно иначе. Для него оно было Матерью-Землёй, то есть живым началом, средой, составляющей важнейшую сторону мира во всех его пониманиях – и как космоса, и как общины. Пространство здесь мыслилось как нечто живое, отчасти даже субъектное, личностное, имеющее свою волю и свои настроения, свои циклы и события. Народное понимание Земли переносило на неё свойства самого народа – прежде всего волю и общинную солидарность... Пространство ... было человеческое – русское – пространство, часть семьи или села, почитаемая область, насыщенная богатой жизненной силой, местопребыванием предков, духов, а также семян и зародышей новых существ.» [5, с.293-294].

5. Историа́л Победы в координатах государственного и народного времени России.

По А. Г. Дугину, «государственное время основывается на структуре христианской темпоральности, воспроизводящей основные этапы ветхозаветной истории, вписывающей русское общество в структуру христианских народов и, наконец, утверждающей в будущем

эсхатологическое событие – конец времён... Государственное время линейно и телеологично, то есть направлено к определённом концу, чья семантика обоснована христианской эсхатологией.» [5, с.299]. А. Г. Дугин утверждает, что «после конца СССР Государство приняло модель либерального времени, сохраняющего вектор прогресса и становления... Отныне время учреждалось на уровне элит как постмодернистское время, связанное с новыми технологиями, сетями и ускорением, что требовало преодоления государственных границ и переходу к «единому человечеству» под началом Мирового Правительства. Такое время выражалось в глобализации.» [5, с.305].

А. Г. Дугин говорит, что «совершенно иначе организовано народное – крестьянское – время. Здесь линейность полностью отсутствует и преобладает совершенная и устойчивая цикличность... Жизнь и смерть, день и ночь, лето и зима сменяют друг друга в постоянном ритме, и все процессы в таком круговращении принципиально обратимы: у народного времени не может быть ни конца, ни цели. Оно есть замкнутое само на себя выражение динамической круговой вечности. <...> Если Государство есть время, то крестьянство (народ) есть живая вечность, или по крайней мере её представительство в телесном мире... Жизнь не есть оппозиция смерти, жизнь есть иносбытие смерти, как смерть есть иносбытие жизни. Поэтому всё умершее живо, а всё живое мертво. Предки не принадлежат прошлому, они живут в настоящем и будут жить в будущих поколениях.» [5, с.305-307].

Такое диалектическое разделение пространства и время приводит нас к мысли о реальном существовании двух миров – живого (сотворенного Богом-Творцом) и мира искусственного (созданного руками и мыслями самого человека). Мир живой включает в себя Живую Землю, живущей в Логосе русского народа вечно. Мир искусственный включает в себя Государство, как модель управления одних людей другими людьми, подчиненная алгоритмам государственного Логоса, которая, как и всякая модель, имеет конечное время существования.

6. Историа́л подвигов святого благоверного князя Александра Невского и героев Великой Победы в системах государственного и народного Логосов России.

Жизнь и смерть Александра Невского идеально вписана в Логос Государства. Здесь и его благородное происхождение, и его ратные победы князя-воина, и его мученическая кончина через отравление врагами, и его духовный поступок, приняв схиму перед смертью, и его посмертное прославление как защитника русского народа и государства. В системе координат государственного Логоса в государственном пространстве – подвиг святого благоверного князя Александра Невского сохранил государственное пространство части Руси (Север) и сохранил православный дух нашего народа в столкновении с ненасытными псами-рыцарями (Запад), а также укрепил веру людей в возможность мирного сосуществования с наисильнейшим геополитическим противником в Евразии – Ордой (Восток), не оказывая вооруженного сопротивления Орде в отличие от покоренных

русских княжеств (Юг), без истребления собственного народа, без внешнего рабства, без покоренного православного духа. С позиций государственного Логоса это позволило накопить силы для рождения нового мощного русского государства, которое вместе с сохраненным православным духом русского народа сумели одолеть всех геополитических врагов в XVI – XIX вв. и прийти в XX веке к Великой Победе. Великая Победа 1945 года дала последующим поколениям нашего народа жить мирно, без голода и страданий войны, так как поколение «победителей» принесло себя в жертву ради жизни и радости послевоенных поколений. Ведь жертва – это плата за ускоренное развитие или даже за скачок через некий тяжелый пространственно-временной отрезок жизни народа.

А как вписана жизнь и смерть Александра Невского в Логос русского народа? Кто сегодня у русского народа считается защитником самого народа? Былинные богатыри – Илья Муромец, Алеша Попович, Добрыня Никитич и др. Подвиги многих былинных героев происходили примерно в X – XIII вв. Но нет сегодня в народных былинах и легендах Александра Невского. Почему? Потому что государственный Логос полностью захватил его для использования в собственном государственном строительстве. Разве нет в образе Александра Невского ничего близкого для народного Логоса? Есть. Это призыв к нему новгородского вече для защиты их от шведов, затем изгнание его из Новгорода и вскоре новое призвание в Новгород для защиты от немецких рыцарей. Много ли князей подчинялось народному вече на Руси? Непротивление великому злу (Орде) насилем, думаю, положительно было воспринято русским крестьянством Северной Руси, не жадующего поголовного истребления под копытами монгольской конницы. Думаю, что народное мифотворчество возьмется и за образ Александра Невского, только государственному Логосу нужно чуть ослабить цензуру, так как нельзя творить былинных героев только из огня и металла. Былинные герои должны быть живыми людьми из плоти и крови.

Сегодняшний век в России, попавшей в западно глобального финансового капитализма, – век возврата в социал-дарвинизм, следующий диким биочеловеческим законам «естественного и искусственного отбора», когда сильнейший пожирает слабого, когда жажда биочеловека в обществе потребления сводится к отъёму лучшего куска, захвату лучших самочек и доминирования над другими биочеловечками через власть и деньги. Государственный Логос современной России стал все более походить на государственный Логос Запада, утерявший сакральную цель собственного существования, как защитника народа от времени прихода Антихриста, и живущий только секулярными мелкими торгашескими целями потребительского мира для поддержания порядка среди населения во имя собственного бессмысленного не священного существования. Как преодолеть мыслящим людям в России эту дикость глобального либерального финансового капитал-империализма при господстве такого государственного Логоса России?

Нужно сотворить образ новой России, сакральной России, живущей в священной пространственно-временной системе координат – не потребительской, не финансово-ростовщической, не корпоративной. Рецепт создания такого образа новой России пришёл к нам из глубин веков от заповедей Христа, от подвига Александра Невского и подвигов наших недавних советских предков, приведших в Великой Победе. Без новых героев не может родиться новая Россия. Сегодня пришло время создавать героев. Образ настоящего священного героя России нужно формировать не из успешных бизнесменов, не из успешных военных операций, не из удачных сделок – а из священных образов таких героев как Александр Невский. Чтобы образ героя стал священным, такой герой обязан совершить самопожертвование, но не во имя своей воинской или трудовой славы, и не во благо собственным детям и внукам, а во имя всего русского народа, во имя возврата смысла существования каждого русского человека, каждого, живущего в России, всего народа. Только тогда Логос народа воспримет такой образ героя и сотворит реального живого героя. И тогда новые иконописцы Великой Победы смогут предложить православным христианам России новый народный образ иконы святого благоверного князя Александра Невского, а также иных героев

7. Историл Победы как духовно-прикладной метод самопознания и становления личности и победы над собственным биологическим индивидуумом.

Важнейшей характеристикой личности является ее нравственно-духовная сущность.

Понятие личность отражает особое состояние человека, особый уровень или модус (по Гегелю) его социального бытия. Например, Г. В. Ф. Гегель [3] различал три модуса или три этапа осуществления объективного духа в субъективном духе: 1) сознание; 2) самосознание; 3) разум.

Л. П. Карсавин [7] считал, что становление личности человека тесно связано с процессом его обожения. Понятие личности у Карсавина связано с понятием бытия. Бытие понимается как существование в Боге, тогда как реальная, земная жизнь называется быванием.

Поняв различия между человеческим биологическим индивидуумом, подчинённым биологическим эволюционным законам, и человеческой личностью мы сможем понять причины конфликта между ними, а также понять, почему личность всегда связана с этикой. В чем заключается разница между человеческим индивидуумом и человеческой личностью?

Н. А. Бердяев описывает понятие личности в книге «О назначении человека»: «Учение о человеке есть прежде всего учение о личности. Истинная антропология должна быть персоналистичной. И вот основной вопрос – как понять отношение между личностью и индивидуумом, между персонализмом и индивидуализмом? Индивидуум есть категория натуралистически-биологическая. Личность же есть категория религиозно-духовная.... Индивидуализм есть часть вида, он вышел из вида, хотя он может изолировать себя от вида, противопоставить себя ему и вести борьбу с ним. Индивидуум

порожден биологическим родовым процессом. Индивидуум рождается и умирает. Личность же не рождается, она творится Богом. Личность есть Божья идея и Божий замысел, возникшие в вечности. Личность для природного индивидуума есть задание. Личность есть категория аксиологическая, оценочная. Мы говорим об одном человеке, что у него есть личность, а о другом, что у него нет личности, хотя и тот и другой являются индивидуумами. Иногда даже натуралистически, биологически и психологически яркий индивидуум может не иметь личности. Личность есть целостность и единство, обладающие безусловной и вечной ценностью. Индивидуум может совсем не обладать такой цельностью и единством, может быть разорванным, и все может быть в нем смертным. Личность и есть образ и подобие Божье в человеке и потому она возвышается над природной жизнью.» [1, с. 91]

О соотношении личности и общества Н. А. Бердяев пишет: «Личность не есть часть чего-то, функция рода или общества, она есть целое, сопоставимое с целым мира, она не есть продукт биологического процесса и общественной организации. Личность нельзя мыслить ни биологически, ни психологически, ни социологически. Личность – духовна и предполагает существование духовного мира.» [1, с. 92]

Всякая личность имеет ценность. Н. А. Бердяев уазывает, что «ценность личности есть высшая иерархическая ценность в мире, ценность духовного порядка. В учении о личности основным является то, что ценность личности предполагает существование сверхличных ценностей. Именно сверхличных ценностей и создают ценность личности. Личность есть носитель и творец сверхличных ценностей, и только это созидает ее цельность, единство и вечное значение. Но понимать это нельзя так, что личность сама по себе не есть ценность, а есть лишь средство для ценностей сверхличных. Личность сама есть безусловная и высшая ценность, но она существует лишь при существовании ценностей сверхличных, без которых она перестает существовать. Это и значит, что существование личности предполагает существование Бога, ценность личности предполагает верховную ценность Бога. Если нет Бога как источника сверхличностных ценностей, то нет и ценности личности, есть лишь индивидуум, подчиненный родовой природной жизни.» [1, с. 92-93]

В основе этики лежит представление о личности, а не об индивидууме. Н. А. Бердяев утверждает, что «личность есть по преимуществу нравственный принцип, из нее определяется отношение ко всякой ценности. И потому в основе этики лежит идея личности. ... Этика и есть в значительной степени учение о личности. Центр нравственной жизни в личности, а не в общностях. Личность есть цельность, стоящая выше государства, нации, человеческого рода, природы, и она, в сущности, не входит в этот ряд. Единство и ценность личности не существует без духовного начала. Дух конституирует личность, несет просветление и преображение биологического индивидуума, делает личность независимой от природного порядка. Но менее всего личность есть отвлеченная идея и норма, подавляющая и порабощающая живое,

индивидуальное, конкретное существо. В личности идея или идеальная ценность есть конкретная полнота жизни. Духовное начало, конституирующее личность, совсем не означает отвлеченного бескровного спиритуализма. Столкновение добра и зла, как и столкновение ценностей, существует лишь для личности. Трагедия всегда связана с личностью, с пробуждением личности, с борениями личности. Личность создана Божьей идеей и свободой человека. И жизнь личности не есть самосохранение, как в индивидууме, а самовозрастание и самопреодоление. Само существование личности предполагает жертву и нет жертвы без личности. Психологический индивидуализм, столь характерный для XIX и XX веков, менее всего означает торжество личности и персонализма.... «Я» разлагается на элементы, ощущения и мысли, образ и подобие Божье погибает, все погружается в душевную паутину. Утончение души, которая перестает нести в себе сверхлические ценности, божественное начало, ведет к диссоциации души, к разложению на элементы. Рафинированная душа нуждается в суровом духе, сдерживающем ее в единстве, целостности и вечной ценности.» [1, с. 93]

Самопознанием чаще всего занимаются люди, тщательно разбирающие собственную биографию. А в исследовании автобиографии есть несколько методов. Например, ведение дневников, или самый известный метод – документарный [9], то есть опирающийся на документы, справки, удостоверения, бюлетени и прочие бумаги с конкретными датами.

Дневники люди ведут для самих себя, а возможно, и для потомков, чтобы навсегда запечатлеть в памяти какое-то важное, судьбоносное событие. Но я могу ошибаться, так как реально переживаемое событие и событие, отполированное наравочительностью для будущих поколений, – это разные события.

Можно ли исследовать личность не как живую и духовную, а как отпечатки следов в самых разных документах? Оказывается можно. Этим давно занимаются бюрократы в отделах кадров самых разных организаций. Для них личность человека – это набор записей в биографии, подкрепленной документами. А если таких записей не обнаружено, то и личности таковой нет в их представлениях.

Воспоминания зависят от способности памяти конкретного человека более-менее точно воспроизвести события, но уже с некоторым оценочным элементом. Если от события прошло довольно большое время, то человек смотрит на то событие с некоторой оценкой самого себя, объясняющего поведение самого себя в той самой ситуации.

Такой самооценивающий взгляд чрезвычайно полезен для становления личности. Недостатком воспоминательной автобиографии является то, что многие люди вообще не помнят значительную часть собственной жизни, например, события детства. Конечно, можно опираться на рассказы о твоём детстве собственных родителей. Но в таком случае искажение информации нарастает очень быстро. Ведь они должны вспоминать не себя, а ребенка, интерпретируя событие не в оптике самого ребенка, а в оптике взрослого человека.

Простых описаний фактов собственной биографии мало для формирования собственной личности и поиска смысла жизни. Нужно найти не простую очередность фактов истории, и историал.

Историал – это придание смыслов событиям в нашей жизни, это построение фундамента собственной личности с помощью энергии любви, свободы творчества и Божественной благодати. Но историал абсолютно реален в тех системах личностных координат, которые обнаружила формирующаяся личность.

Для создания историала требуется некоторая аксиоматика, то есть неопровержимые и недоказуемые самим собой убеждения. Попробую сформулировать собственные убеждения. Все они связаны с непоколебимой верой, которая прочно сплетается с полученными знаниями.

Смысл моей жизни состоит в создании двух энергий, необходимых Вселенной: энергии Любви и энергии Творчества. Человек, видимо, не для чего больше и не нужен. Всего остального у Вселенной хватает и без человека. А вот энергия Любви, полученная нами от Творца, как и энергия Творчества – это то, ради чего человеку предусмотрено местечко в великой и многомерной вселенской реальности. Видимо, излучение энергии Любви и Сотворения, соединенной в резонансе с Божественной Любовью и Благодатью, имеют такой мощный потенциал преобразования всех упорядоченных миров: небес и земель, что когда-то мы и возгордились из-за этого, и тогда же стали падать в неупорядоченные миры. А в неупорядоченных мирах есть биологический индивидум, не являющийся личностью. Нам не дается готовая и уже просветленная личность. Ее нужно создавать или сотворять индивидууму вместе с душой и духом человека. Личность не является чем-то обособленным от божественных и иных энергий. Личность – триединая, она подобна Святой Троице, но только на человеческом уровне. Я верю, что личность проходит путь духовной эволюции и этот путь мне и нужно выявить и описать в собственном историале.

Создание историала своей жизни кроме убеждений и свободы творчества требует карты историала, то есть плана изучения и освоения событий своего историала, а также энергии для преобразования собственной жизни. Примером построения историала собственной жизни может служить историал Великой Победы.

8. Теологический взгляд на смысл жизни человека и его свободу при построении собственного историала для преодоления бессмысленности и победы личности над биологическим индивидуумом глобального общества потребления.

По словам исламского теолога Г. Джемала: «Смысл – одна из наиболее неуловимых, практически не поддающихся описанию реальностей, которая очевидно никак не проявлена на сугубо бытийном плане. Бытие бессмысленно. Это безоценочное суждение, оно просто констатирует некую фундаментальную характеристику Бытия. Феноменологический план, на котором Бытие проявляется в зеркалах миров, охватывает то, что просто есть, потому что для пребывания того, что есть, существуют некие возможности.

Эти возможности неизбежно должны реализоваться. Между возможностью и её реализацией существует всегда некий зазор по времени, по качеству исполнения и так далее. Этот зазор пренебрежимо мал, и любая возможность так или иначе превращается в реальность. На каком уровне реальность имеет отношение к смыслу?

Прежде всего нужно рассмотреть отрицательную связь реальности со смыслом. Реальность, безусловно, не является подлинной бесконечностью. Это ложная, кажущаяся бесконечность, которую Гегель определял как дурную, используя в качестве метафоры неограниченность числового ряда. <...> Если мы останавливаем динамику числового ряда чем-то внешним по отношению к количественной сфере, у нас возникает если не сам смысл, то по крайней мере предпосылки к его появлению.

Выход из количественной сферы метафорически обозначается нулём. Ноль не есть число, он представляет собой отсутствие числа, указание на неколичественную реальность. <...> Принципиальным вопросом, касающимся природы смысла, может быть только то, что мы парадоксально называем конечность бесконечного. <...>

Обобщая, мы можем сделать вывод, что смысл всегда есть нечто, находящееся вне безграничного наличия, неограниченного сущего, то есть смысл есть принцип внебытийного. С одной стороны есть то, что есть, и оно абсурдно, с другой же – утверждается то, чего нет, Иное, и вот оно-то является носителем и выразителем смысла. <...>

Носителем смысла по отношению к многомерной реальности будет выступать субъект, который не принадлежит ни к одной из них... Субъектом в данном случае называется то, что ведёт с Бытием, то есть с системой феноменологических отражений, игру-войну, - иными словами, само сознание... Сознание есть смысл. Однако главное для нас в данном случае – не столько семантическая связь двух этих категорий (сознания и смысла), сколько апофатическая природа сознания, его некалфицируемость, отсутствие идентичности. Именно благодаря тому, что сознание в самом широком смысле есть указание на непостижимое, оно и становится не чем иным, как простой способ оппозиции абсурду.

Абсурд первичен (конечно, с точки зрения нашего взгляда снизу, обусловленного нашей обращенностью в мир). Смысл существует лишь постольку, поскольку существует простое апофатическое противостояние сущему абсурду. Иными словами, на том уровне, на котором мы это обсуждаем, на данный момент смысл – это, попросту говоря, неабсурд. Здесь совпадают апофатика как несказуемость и некий универсальный ноль как Иное, взятое в сугубо логическом аспекте.

Следующий шаг, который следует сделать в отношении смысла, заключается вот в чём: надлежит установить понимание того, что простая апофатика, бросая вызов абсурду, являющаяся неабсурдом, - это всего лишь борьба за смысл, это путь к смыслу. Между сознанием, которое пребывает как искра Духа (в адамическом дискурсе), и самим Духом (невозможный Он) лежит пропасть, преодолеваемая в крайне редуцированной и ослабленной

форме Откровения. Это захватывающий путь, полный героического вызова, идущий от точки А, где мы имеем дело с простой апофатикой, к точке Б, в которой раскрывается Бездна невозможного. Апофатическое и невозможное зеркально связаны между собой, как пассивное, становящееся реципиентом, и активное, которое выступает в качестве оппозиции уже не просто к Бытию, а к тотальному Всём. Невозможное есть полнота отрицания вечного Этого: Иное, которое можно рассматривать в качестве антитезы Этому как То. В тот момент, когда смысл совпадает в трансцендентном Субъекте с Тем, вечное и безграничное Это исчезает, становясь просто метафизической маской Иного.» [4, с. 144-147]

Смысл жизни формулирует человек, опираясь на некоторые нравственные законы. Нравственность имеет разное наполнение в зависимости от религиозности человека. Л. Н. Толстой в статье «Религия и нравственность» [10] утверждает, что определенная нравственность включена в определенную религию и связана со смыслом жизни, так как всякая религия есть ответ на вопрос: каков смысл моей жизни? Поэтому на вопрос о смысле жизни можно отвечать по-разному с разными нравственными представлениями о назначении человека: 1) смысл жизни в личном наслаждении; 2) смысл жизни в служении клану, классу, государству, членом которого является человек; 3) смысл жизни в служении Богу; 4) смысл жизни в познании Божьего замысла и своего места в мироздании.

Н. А. Бердяев утверждает, что носителем нравственного закона является не личность, а род, общество:

«Носителем нравственного закона и оценки является род, а не личность. Не возникает вопроса о личной вине, потому что личность не является нравственным субъектом и не ей принадлежит суждение и оценка. Миф об Эдипе имеет мировое значение, он отражает борьбу древних космических начал в человеке – материнства и отечества. Все происходит тут не в сознании, а в бессознательном, и потому нет сознательной вины и ответственности. Субъектом тут является род. Личность же является невинным страдальцем. Личность как нравственный субъект еще не родилась. Только христианство окончательно освобождает личность от власти космических сил, от власти рода. Но этим самым христианство делает нравственную жизнь личности независимой от рода, от коллектива. Если не стоять на родовой точке зрения, то нужно признать предсуществование душ. Душа не есть продукт родового процесса и не творится в момент зачатия, а в вечности, в духовном мире творится Богом. Тогда только человеческая личность метафизически, онтологически независима не только от рода, но и от общества.» [1, с. 100-101]

Самым важным в философской и религиозной духовно-прикладной антропологии [9] является проблема свободы воли и вообще свободы личности. Вот как рассуждает Н. А. Бердяев:

«Религиозная и метафизическая проблема свободы, в которую вкоренена и этическая проблема свободы, совсем не совпадает с традиционно школьной проблемой свободы воли. Учение о свободе воли покоится на ложных предпосылках, на старой психологии, которая не может быть удержана.

Неверно старое понимание воли как одного из элементов душевной жизни, через который человек совершает выбор между добром и злом и делается ответственным за зло. Совершенно ясно, что такого рода учение о свободе воли было подсказано утилитарно-педагогическими соображениями... Свободы воли как *liberum arbitrium indeferentiae* [прим. – полная свобода выбора (лат.)] не существует. Свобода воли как свобода безразличия есть скорее рабство, чем свобода человека, и человек должен почувствовать себя освобожденным и облегченным, когда ему не нужно уже выбирать, пребывая в состоянии раздвоенности, когда выбор уже сделан. Традиционный принцип свободы воли совсем не есть творческий принцип, и он не столько освобождает человека, сколько держит его в страхе. Свобода воли не возвышает, а унижает человека, и через свободу воли ничего сотворить он не может, он лишь принимает или отвергает извне ей данное. Можно даже установить следующий парадокс, играющий немалую роль в истории религиозных идей: свобода воли, вечно стоящая перед устрашающей необходимостью делать избрание навязанного ей со стороны и сверху, поработала и угнетала человека; настоящее освобождение человека происходило от благодати, а не от свободы воли; человек свободен, когда ему не нужно выбирать.... Телеологическая точка зрения, соединенная с учением о свободе воли, может быть формулирована так: человек должен подчинить свою жизнь поставленной ему верховной цели и ей иерархически подчинить все остальные нижепоставленные цели, свобода же воли дает ему возможность подчинить свою жизнь этому верховному благу. Такого рода доктрина, очень распространенная, совершенно не соответствует ни современной психологии, ни христианскому откровению и приводит к рабской этике.» [1, с. 129-130]

И далее Н. А. Бердяев определяет самое важное для этики: «Для этики должно быть важнее всего, каков человек, какого он духа, есть ли в нем внутренний свет, есть ли в нем благостная и творческая энергия. Этика решительно должна быть энергетической, а не телеологической. И потому свободу она должна понимать как первоисточник, как внутреннюю творческую энергию, а не как способность следовать нормам и осуществлять заданную цель. Нравственное благо дается человеку не как цель, а как внутренняя сила, освещающая его жизнь. Важно, откуда вытекает нравственный акт человека, а не к какой цели он направлен. Учение о свободе воли и о телеологии целиком относится к этике закона, к нормативной этике. Поэтому учение Канта об автономии совсем не есть учение о свободе человека. Автономия относится совсем не к человеку, а к нравственному закону. Свобода нужна лишь для исполнения нравственного закона. Автономная этика Канта, в сущности, отрицает человека, для нее существует лишь нравственно-разумная природа, подавляющая самого человека. И в основу должно быть положено понятие творческой свободы как источника жизни и духа как света, освещающего жизнь.» [1, с. 131]

В одной из своих последних работ «Самопознание» Н. А. Бердяев размышлял о свободе:

«Я много думал всю мою жизнь о проблеме свободы и дважды написал философию свободы, стараясь усовершенствовать свою мысль... Под свободой разное понимают, и отсюда много недоразумений. Нельзя мыслить свободу статически, нужно мыслить динамически. Существует диалектика свободы, судьба свободы в мире. Свобода может переходить в свою противоположность. В школьной философии проблема свободы обычно отождествлялась с «свободой воли». Свобода мыслилась как свобода выбора, как возможность повернуть направо или налево. Выбор между добром и злом предполагает, что человек поставлен перед нормой, различающей добро и зло. Свободой воли особенно дорожили с точки зрения уголовно-процессуального понимания человеческой жизни. Свобода воли необходима для ответственности и наказания. Для меня свобода всегда означала что-то совсем другое. Свобода есть моя независимость и определяемость моей личности изнутри, и свобода есть моя творческая сила, не выбор между передо мной добром и злом, а мое созидание добра и зла. <...> Я верил всю жизнь, что божественная жизнь, жизнь в Боге есть свобода, вольность, свободный полет, безвластие, анархия. Предельная тема тут не морально-психологическая, а метафизическая тема о Боге и свободе, о свободе и зле, о свободе и творческой новизне. Свобода несет с собой новизну. Противники свободы любят противопоставлять свободе истину, которую навязывают и заставляют признать. Но истины, как навязанного мне предмета, как реальности, падающей на меня сверху, не существует. Истина есть также путь и жизнь. Истина есть духовное завоевание. Истина познается в свободе и через свободу. Навязанная мне истина, во имя которой требуют от меня отречения от свободы, совсем не есть истина, а есть чёртов обман. <...> Я верю в существование великой истины о свободе. В раскрывшуюся мне истину входит свобода. Свобода моей совести есть абсолютный догмат, я тут не допускаю споров, никаких соглашений, тут возможна только отчаянная борьба и стрельба. Вся ценность мысли Хомякова была в том, что он мыслил соборность, которая была его творческим открытием, в неотрывной связи со свободой. Но он не додумал этого до конца. Ни на одно мгновение соборность не может превратиться во внешний авторитет. Свободе принадлежит абсолютный примат. В случае конфликта, о котором Хомяков мало думал, решает свободная совесть. <...> Но в действительности соборность есть мое качественное расширение моего опыта до сверхличного, всеобщего опыта. Свобода не есть индивидуализм.» [2, с. 87-90]

Только в свободной соборности и соборной свободе сотворчества, когда происходит расширение личного опыта до всеобщего опыта, возможна победа над своим биоиндивидуумом и возможна Великая Победа всего народа.

Выводы.

Простых описаний исторических фактов о Великой Победе мало для формирования собственной героической личности молодых современников и для поиска их смысла жизни. Нужно формулировать не простую очерочность фактов истории, а создавать историал.

Историал – это придание смыслов событиям в нашей жизни, это построение фундамента собственной личности с помощью энергии любви, свободы творчества и Божественной благодати; это придание смыслов событиям, в которых мы лично не участвовали, но которые оказали на нас грандиозное влияние. Историал абсолютно реален в тех системах личностных координат, которые обнаружила формирующаяся личность на пути собственного духовного развития.

Для создания историала требуется некоторая аксиоматика, то есть неопровержимые и недоказуемые самим собой убеждения. Все они связаны с непоколебимой верой, которая прочно сплетается с полученными знаниями. Для создания историала требуется свобода творчества и соборная свобода сотворчества.

Свобода воли необходима для ответственности и наказания. Настоящая свобода есть независимость и определяемость своей личности изнутри, есть своя творческая сила, не выбор между добром и злом, а собственное созидание добра и зла.

Только в свободной соборности и соборной свободе сотворчества, когда происходит расширение личностного опыта до всеобщего опыта, возможна победа над своим биоиндивидуумом и возможна Великая Победа всего народа.

Библиографический список

1. Бердяев Н. А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. М.: Амрита-Русь, 2023. 460 с.
2. Бердяев Н. А. Самопознание. М.: Эксмо, 2023. 544 с.
3. Гегель, Г. В. Ф. Философия Духа. М.: Изд-во «Э», 2018. 160 с.
4. Джемаль Г. Логика монотеизма: избранные лекции. М.: Эксмо, 2021. 544 с.
5. Дугин А.Г. Ноомахия: война ума. Русский Логос I. Царство Земли, Структура русской идентичности. М.: Академический проект, 2019. 461 с.
6. Дугин А. Г. Ноомахия: войны ума. Русский Логос II. Русский историал. Народ и государство в поисках субъекта. М.: Академический проект, 2019. 959 с.
7. Карсавин Л. П. Религиозно-философские сочинения. Т. 1. / сост. и вступ. сл. С. С. Хоружего. М.: Ренессанс, 1992. LXXIII. 325 с.
8. Толмачёв А. В. Образ героя – героическая мифология и прикладная теология: сборник научных статей. Chisinau: LAP Lambert Academic Publishing, 2023. 107 с.
9. Толмачёв А. В. Духовно-прикладная антропология и технологии личностного роста : сборник научных статей. Chisinau: YAM Publishing, 2024, 84 с.
10. Толстой Л. Н. Религия и нравственность. Полное собрание сочинений в 90 томах. Т. 39. М.: Изд-во Художественной литературы, 1956. С. 3 – 26.

ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ КОДА ПОБЕДЫ

А.В. Тонковидова, М.О. Орлов

Тонковидова Анна Викторовна, преподаватель кафедры философии, теологии и религиоведения, tonkovidova@mail.ru, Кубанский государственный университет, Россия, 350040 г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149.

Орлов Михаил Олегович, доктор философских наук, доцент, декан философского факультета, orok-saratov@mail.ru, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83.

Аннотация. Введение. В настоящее время следование идеалам предков, сохранение исторической памяти (как личной, так и коллективной) выступает значимым направлением развития общества и находит свое выражение в коде Победы. **Теоретический анализ.** В коде Победы определяется символическое значение подвига в подвижничестве. Содержательное наполнение символики подвижничества мы находим в историко-философском дискурсе у русских философов Сергея Булгакова, Павла Флоренского, Семена Франка, Ивана Ильина, Николая Бердяева. **Заключение** Выявлено, что подвижничество и подвиг определяют созидательную деятельность, где возможна реализация подвига, включаемого в код Победы.

Ключевые слова: подвижничество, код Победы, подвиг, созидание, историческая память

Введение

Приступая к рассмотрению историко-философских оснований кода Победы, важно определить содержательное значение и смысловое наполнение данного понятия. Для этого возможно обратиться к опросу общественного мнения ВЦИОМ, который был проведен накануне знаменательной даты 80-летия Победы и содержал вопросы, которые раскрывают, в том числе и символическое значение кода Победы. День Победы, согласно данным опроса является не просто праздником, а, прежде всего, символом единства, национальной гордости, ценности мира. День Победы объединяет людей в эмоциональном сопереживании и радости, и надежды, и благодарности, и скорби. Для нашего исследования важна информация, полученная в ходе опроса, согласно которой память о Победе жива у всех поколений, но она трансформируется от поколения к поколению, изменяется качество исторической памяти: от личной исторической памяти к коллективной памяти о Победе. Победа воспринимается молодыми в качестве части национальной идентичности и единства. Если для старших поколений война – это личная память, то для молодых поколений – коллективная. Молодое поколение,

которое не застало живых участников войны, получает знания о ней из медиа и образования [8].

Историческая память видится в перспективе континуальности и дискретности, обладает особым социокультурным измерением [1, 6]. Коллективная историческая память вмещает символику, код Победы в контексте истории, сопротивления фашизму. Символическое значение придается и лицам войны, ее героям. Это означает, что война стала подвигом для всего народа [8]. О подвигах и самопожертвовании ради Отечества говорится в ряде статей, посвященных данной тематике [2, 5].

Отмечается, что «насильственный конфликт наций, каким является мировая война, выступает консолидирующей силой в создании новых общих «символов победы», целенаправленно или стихийно формируемых в народе для защиты общего исторического пространства» [3].

Теоретический анализ

Символические основания кода Победы мы находим в дискурсе русской философии, где представлено описание значение подвига в символике «подвижничества». Код Победы несет в себе символику подвига, выраженного через подвижничество и патриотизм. Подвиг – это состояние преобразования личности. В историко-философском знании символ «подвижничество» мы находим у Сергея Булгакова в его труде «Героизм и подвижничество», у Павла Флоренского в работе «Столп и утверждение истины», у Николая Бердяева в работе «Смысл творчества», у Семена Франка в труде «О смысле жизни».

Символическое содержание кода Победы раскрывается в значении символа подвижничества и подвига. Символ обозначает больше самого себя. Подвижничество в символическом значении, присутствующее в коде Победы, проявляется в самодисциплине, ответственности, реализации личностного максимализма. Подвижник, присутствуя в истории, нацелен на верное исполнение долга, историческую трезвость, самообладание, выдержку. Аскеза подвижничества влечет за собой связь поколений. Трудовая деятельность подвижничества соотносится с самоотдачей и с самоотречением.

Владимир Соловьев писал, что основополагающими в развитии общественности выступают «труд и подвиг». Подвижничество возможно как в религиозности, так и в светскости. Николай Бердяев и Павел Флоренский определяют значение светского подвижничества и подвига, что особенно актуально в аспекте связи религиозности и светскости [12].

Через подвижничество устанавливается идея «братства народов» [14, С. 311], которая состоит в нахождении себя в единстве с другими [14, С. 329]. Постулируется абсолютное достоинство человеческой личности [14, С. 305].

Павел Флоренский в подвижничестве видит духовно-воспитательное значение, проявляющееся через «со-действие», трезвость, бодренность, в самоопределении «я живу», «я делаю», «я говорю» [14, С. 174-175].

Семен Франк указывает на «круговую поруку» [16, С.15], которая делает возможным общее действие, критерием которого выступает при этом не

полный отказ от насилия и греховности, а исключительно действие, направленное на отделение мира от зла [16, С. 163].

Семен Франк подвиг рассматривает в качестве смысла жизни. Воля к подвигу, преобразующая сила подвига приближает человека к свободе [15, С. 105].

У Семена Франка присутствует понимание истинного значения жизни как служения и жертвенности, ведущими к единству с ближними. Добро личность создает и создается в подвижничестве, где «все – за каждого, и каждый – за всех» [16, С. 122]. Родина, семья понимаются в горизонте служения [16, С. 128, 130].

Семен Франк отмечает дисциплинированность как важную черту подвижничества [16, С. 131]. По Семену Франку, определяющими характеристиками подвижничества выступает преданность вечным идеалам, верность правде и готовность к перенесению мук ради нее, внутреннее единство личности [15, С. 101, 115].

По Николаю Бердяеву, путь к новой общественности должен лежать через коллективный, соборный жертвенный подвиг. Общее в пути, в аскезе гения и святого – жертвенность [5, С. 393, 394, 396, 482].

Подвижничество, подвиг возможны в тесной связи с патриотизмом, в котором, по Ивану Ильину создается духовная и религиозная правота патриотизма. Патриотизм в данном случае становится «духовно-осмысленным» и «христиански-облагороженным» – это не инстинктивный, а духовный патриотизм.

Иван Ильин поднимает вопрос о связи русского патриотизма и отечественной культуры и территории – «малороссийские степи и архангельские тундры» [10, С. 165].

«Нет более глубокого единения, как в одинаковом созерцании единого Бога, но истинный патриотизм и приближается к такому единению» [10, С. 179]. Определяя религиозные черты патриотизма Иван Ильин отмечает, что чувство Родины становится доступным «волею к божественному на земле» [10, С. 165].

Чувство патриотизма тесно связано с государственностью, что отмечает в своей работе Лев Карсавин. Понятие государственности переплетается с понятием патриотизма, выступая, согласно Льву Карсавину, формой «единства некоторого народного или многонародного культурного целого» [11, с. 415].

В понятии государственности понимается народ, рассматриваемый как многонародное культурное целое [11, с. 422]. В государстве должна присутствовать идеологическая направленность в деятельности, основывающаяся на принципах симфонии, или соборности [11, с. 431-432].

Заключение

В ходе исследования мы установили, что есть единый код Победы в нашем государстве. Код Победы несет в себе символическое значение, которое вмещает символику подвига, подвижничества, патриотизма в связи с государственностью. В истории русской философии представлено смысловое

раскрытие символов подвига, подвижничества, патриотизма в преломлении государственности. Символы кода Победы нами могут быть представлены как ориентиры для развития «личности-созидателя», которая [9, 13], может стать основанием цивилизационного развития России.

Библиографический список

1. Аникин Д.А. Динамика исторической памяти: между континуальностью и дискретностью // Историческая память в постнациональном мире: мифы, ритуалы, репрезентации: сб. ст. по итогам Всерос. науч. конф. / подред. А. А. Линченко. Саратов: Издательский центр «Наука», 2017. С. 10–18.
2. Ачмиз К. Г. «Русские не сдаются!» Подвиг самопожертвования советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. // Наука. Общество. Оборона. 2022. Т. 10, № 1(30). С. 22. <https://doi.org/10.24412/2311-1763-2022-1-2-2>.
3. Батыршин Р.И. Культурный код войны как культурологический феномен // Общество: философия, история, культура. 2025. № 3. С. 187-193. <https://doi.org/10.24158/fik.2025.3.26>.
4. Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989.
5. Беспалов А.К. «Огонь на себя»: специфика массового самопожертвования советских граждан в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. // Наука. Общество. Оборона. 2025. Т. 13, №1(42). С. 8-8.
6. Богатов М. А. Мышление после революции: апория оснований. // Социология власти. 2017. Т. 29. № 2. С. 53-69.
7. Булгаков С. Н. Православие. Очерки учения Православной Церкви. Минск: Издательство Белорусского Экзархата, 2011.
8. ВЦИОМ: сайт. Опрос ВЦИОМ Великой победе 80 лет. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/velikoi-pobede-80-let> (дата обращения 08.05.2025).
9. Даренский В.Ю. Русская философия как фактор цивилизационной идентичности в XXI веке // Проблемы цивилизационного развития. 2020. Т. 2. № 1. С. 49–67.
10. Ильин И. А. Путь духовного обновления. Москва : Директ-Медиа, 2012. 290 с.
11. Карсавин Л.П. Сочинения. Moscow: «Паритет», 1993. 496 с.
12. Орлов М.О. Православная культура в современных условиях: богословские и социальные основания. Философские аспекты онтологии культуры : Коллективная монография / Е. Ю. Антонюк, М. А. Богатов, О. В. Герасимов [и др.] Саратов : Издательство "Саратовский источник", 2019. 163 с.
13. Тяпин И.Н. Возрождение этико-эстетических традиций Русской идеи в парадигме антропосоциоконсерватизма // Тетради по консерватизму. 2021. № 2. С. 471–479.
14. Флоренский П. А. Столп и утверждение истины. Москва: Правда,

1990.

15. Франк С. Л. О смысле жизни. Москва: Директ-Медиа, 2008.

16. Франк С. Л. Свет во тьме: опыт христианской этики и социальной философии. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2017.

НОВЫЕ ИДЕИ В РАЗВИТИИ ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЧНОГО ПРАВА О ВОЙНЕ (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА СОДЕРЖАНИЯ ПОВЕСТИ ДНЕПРОВА (МИЦКЕВИЧА) А.П. “ПО ТУ СТОРОНУ ВОЙНЫ”, ВПЕРВЫЕ ОПУБЛИКОВАННОЙ В 2017 ГОДУ)

С.В. Шошин

Шошин Сергей Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного, экологического права и криминологии юридического факультета, serguei8@mail.ru. Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83.

Аннотация: С опубликованием в свободном доступе новых исторических материалов, особенно автобиографического плана, появляется возможность постановки новых научных проблем. Одной из подобных проблем можно назвать потенциальную возможность отнесения Акта о безоговорочной капитуляции Германии к числу международных договоров (соглашений). Используя автобиографические материалы личного переводчика Г.К.Жукова военнослужащего Днепра (Мицкевича) А.П., стало возможным смоделировать реальную картину событий анализируемого исторического периода. Любопытный спор формулируется при отнесении публикации Днепра А.П. “По ту сторону войны (1943-1945)” к научной фантастике или документальной литературе. С помощью анализа воспоминаний его внучки, Д.Елистратовой, опубликованных несколько лет назад, становится возможным приоткрыть и эту страницу отечественной истории.

Ключевые слова: военный; переводчик; разведка; акт; капитуляция; международный; договор; соглашение; память; история.

Наступление 80-тилетнего юбилея победы в Великой Отечественной войне способствует формированию (формулированию) новых проблемных научных вопросов, связанных, среди прочего, и с казалась бы весьма стабильной теорией международного публичного права. Становятся доступными для российских исследователей новые источники информации. Одним из примеров подобного источника исторических данных вполне возможно назвать вышедшее относительно недавно собрание сочинений Анатолия Днепра [1]. Хотя до настоящего времени это издание продолжает

оставаться библиографической редкостью, отсутствующей в фондах как Российской государственной библиотеки, так и Национальной российской библиотеки. В то же время, в фондах библиотек Беларуси имеются издания данного автора [2], в частности, рассказы “Уравнение Максвелла” и Свема (Суэма), также включенные в первый том указанного выше собрания сочинений [3] [4] имеются в Национальной библиотеке Беларуси. К слову сказать, эти только два рассказа автора имеются и в Российской государственной библиотеке [5].

Для начала необходимо отметить, что Анатолий Петрович Днепров (Мицкевич) (1919-1975 г.г.), родившийся в г. Днепропетровске (прежде именовался - Екатеринослав), окончивший физический факультет МГУ в 1941 году, военный разведчик, советский писатель - фантаст. Нам его персоналия более интересна по причине его многочисленных командировок за границы СССР в период 1943-1945 годов, в ходе которых он выполнял обязанности адъютанта одного из высокопоставленных военных чинов и, кроме того, принимал участие в подписании Капитуляции в Германии [6], являясь личным переводчиком с английского на русский язык у маршала Жукова Г.К. Об этих деталях жизни и военной службы своего дела красочно повествует его внучка, Д.Елистратова в своей вступительной статье к названному выше собранию сочинений А.П.Днепровца в трех томах.

В аспекте анализа истории теории и практики военного перевода участие Днепровца А.П. в подписании Акта о военной капитуляции Германии весьма тщательно анализируется Наймушиным Б.А. [7]. Нам же в настоящий момент более интересно исследование международного публично-правового содержания общественных отношений, ставших одним из предметов его литературного творчества. Соответственно, важным будет и характеристика его работы “По ту сторону войны (1943-1945)” как фантастического описания или документального произведения.

Крайне сложным и, одновременно, интересным, сейчас является вопрос о том, можно ли считать Акт о военной капитуляции Германии текстом международного договора в понимании международного публичного права? С учетом преданных гласности в 2025 году исторических документов, связанных с организацией и подписанием соответствующих документов, открывается много новых теоретических аспектов событий того времени. В частности, хотя на церемонии подписания 7 мая 1945 года первого Акта о безоговорочной капитуляции в Реймсе (Франция), о которой также писал Днепров А.П., присутствовало 17 представителей средств массовой информации, США и Британия, учитывая просьбу Сталина И.В., распорядились отложить официальное объявление об этом глобальном событии [8]. В течение предоставленного властями союзников времени было подготовлено и осуществлено подписание нового, второго, Акта о капитуляции, уже с официальным участием СССР. Отношение историков, политологов и правоведов к характеристике (статусу) текста Акта о капитуляции, подписанного 7 мая 1945 года, не всегда отличалось единообразием.

Примечательно, что на монографическом уровне имеются работы, анализирующие близкие рассматриваемой тематике аспекты, однако с иных сторон [9]. Схожая ситуация сложилась и с диссертационными исследованиями [10].

А.П.Днепров отмечает в своей работе, что перед подписанием 8 мая 1945 года Акта о капитуляции, машинистки несколько часов в самом активном режиме печатали текст данного документа. Вместе с тем, ознакомление с полным объемом данного Акта, доступным как в текстуальном, так и в графическом формате сегодня любому исследователю, позволяет сделать вывод о том, что он состоит из 6 пунктов по одному параграфу, что вместе со всеми подписями его участников занимает всего несколько страниц (8 страниц на 3 языках). Соответственно, могут возникнуть вопросы о причинах подобного долговременного подготовительного этапа, реализованного непосредственно на месте подписания этого Акта. В этой ситуации видится, как минимум, следующие варианты описания причин такого промедления:

- многократная перепечатка текста Акт, обусловленная различными вариантами текста, появившегося в процессе текущего редактирования его проекта;

- фантастическим характером текста работы “По ту сторону войны (1943-1945);

- неполным официальным вариантом опубликования текста Акта (однако, с учетом наличия в тексте Акта 7 мая 1945 года всего 5 пунктов по 1 параграфу каждый, вероятность подобного объяснения как реального можно считать в рамках арифметической погрешности).

Ознакомившись с содержанием Постановления ЦИК СССР, СНК СССР от 02.10.1925 "О порядке представления международных договоров и соглашений, заключаемых от имени Союза ССР, на одобрение, утверждение и ратификацию Правительства Союза ССР" [11] (действовавшем в мае 1945 года), можно сделать вывод о том, что согласование текстов международных документов подобного формата имеет довольно формализованную структуру и внесение на месте его подписания каких-либо многочисленных изменений и дополнений в одобренный предварительно текст является просто невозможным. При проведении компаративистского историко-правового анализа данной нормы с содержанием актуальной сейчас редакции российского Федерального закона от 15.07.1995 N 101-ФЗ (ред. от 08.12.2020) "О международных договорах Российской Федерации" [12], можно сделать вывод о том, что порядок согласования проектов международных договоров и соглашений хотя и изменился, но продолжает сохранять свою формализованность, при которой инициатива должностных лиц, подписавших такой проект, по его изменению, практически равна нулю.

Интерес сегодня способен вызвать вопрос о том, является ли Акт о капитуляции от 8 мая 1945 года именно “подписанным от имени Союза ССР”? Формально, подпись Г.К.Жукова поставлена в нем “по уполномочию Верховного Главнокомандования Красной Армии”. Можно согласиться с

мнением Рогатых А.Д. [13], отмечающего, что Сталин И.В., являвшийся Главкомандующим, практически полностью сливался в своей деятельности с работой Ставки Верховного Главнокомандования и Генерального штаба Красной армии. Поэтому, очевидным является действие Г.К.Жукова формально сугубо от имени Союза ССР. Хотя, теоретически, вопрос констатации обоснованности подобного представительства сугубо в международном публично-правовом формате, остается любопытным.

Можно поддержать авторов учебника Богатырева В.В. и Каламкарян Р.А., [14] отмечающих в собственном понимании определения международного договора потребность в его подписании именно субъектами международного права. В этом отношении взгляд на статус подписавших Акт о капитуляции 8 мая 1945 года приобретает новый формат. При теоретической допустимости (хотя и оспоримой) считать субъектом международного публичного права В.Б.Й.Г.Кейтеля (осужденного затем Международным военным трибуналом в Нюрнберге [15] и казненным через повешение 16.10.1946 г.), Г.-Г.ф.Фридебурга (ум. 23.05.1945 г.) и Г.-Ю.Штумпа (привлекался к суду английского военного трибунала, но в октябре 1947 года был оправдан (к сожалению, в современных условиях международных отношений не представляется возможным получить доступ к полному тексту указанного акта британского военного трибунала)) [16], действовавших от имени германского верховного командования вопросы могут возникнуть к наличию (формально) подобного статуса у Теддера, действовавшего от имени Верховного Командующего Экспедиционными силами Союзников. Можно поддержать мнение Меньшениной Н.Н., определяющей субъектом международного права носителей международных прав и обязанностей, возникающих вследствие общих норм международного права или международно-правовых предписаний [17]. Традиционно, под субъектами международного права принято понимать государства.

Особого внимания современных исследователей заслуживает то обстоятельство, что в “Обращении Верховного Главкомандующего от 09.05.1945 И.В. Сталина к народу” Акт от 07.05.1945 г. именуется им как “предварительный протокол капитуляции” [18]. Соответственно, учитывая уровень значения для мирового сообщества этих документов и официальное опубликование текста Акта о капитуляции, подписанного 8.05.1945 г., вполне оправданным является и ожидание официального опубликования текста Акта о капитуляции, датированного 07.05.1945 г. Это еще более было бы оправданно, учитывая, что в “Российской газете” лишь в 2005 году, 6 мая был опубликован текст второго акта о капитуляции (после первоначальной его публикации в газете “Красная звезда” от 9.05.1945 г. за №107). При всем уважении к авторитету и персоналу издания “Красная звезда” приходится констатировать, что, к сожалению, официальным изданием она сегодня не является.

Солидаризируясь с мнением Меньшениной Н.Н., можно считать одним из иллюстраций действительного отнесения документа к числу международных договоров прохождение его формальной регистрации в

соответствующей международной организации. По состоянию на 1945 год такая международная регистрация договоров производилась в Лиге Наций. Учитывая сложные отношения, сложившиеся в тот период истории у СССР с данной международной организацией, о возможности прохождения подобной процедуры в анализируемый период истории говорить сегодня весьма сложно. Под воздействием фактора времени Лига Наций стала сугубо достоянием истории. В связи с этим представляется весьма целесообразным произвести регистрацию Акта о капитуляции от 08.05.1945 г. в соответствующем реестре ООН. несомненным является и политическое значение подобной процедуры. Формализация таким образом Акта о капитуляции и официальное признание его международным договором станет важной вехой в истории, теории и практике международного публичного права и политологии. При поиске надлежащего значения классификации международных договоров, к которому следует рекомендовать относить Акт о капитуляции, выбирая из локального, регионального и глобального, по нашему мнению следует сосредоточиться на глобальном.

На принятие обоснованного решения об отнесении Акта о капитуляции к международному договору (соглашению) могли бы повлиять три универсальные венские конвенции: Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г. (имеющая отношение лишь к договорам между государствами); Венская конвенция о правопреемстве государств в отношении договоров 1978 г. и Венская конвенция о праве международных договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями 1986 г. Однако, они все были приняты уже спустя много лет после окончания Великой Отечественной войны. Поэтому, напротив, признание Акта о капитуляции международным договором (соглашением) может обогатить теорию международного публичного права и практику применения трех названных выше универсальных венских конвенций.

Самостоятельного подробного исследования требует повествование А.П.Днепровца в анализируемой работе про командировку, связанную подписанием похожих документов на Дальнем Востоке. Предполагается, что оно сможет стать темой нового исследования, ибо объем настоящей рукописи является ограниченным.

Критическое междисциплинарное исследование относительно недавно введенного в научный оборот печатного издания А.П.Днепровца “По ту сторону войны (1943-1945)” позволяет сформулировать новые научные задачи для актуальных исследований, среди прочего, и международного публичного права, отечественной и мировой истории и политологии. Развитие имеющихся традиционных концепций этих наук, связанные с победой в Великой Отечественной войне сегодня вполне может оказаться в значительной степени обогащенным в связи с появлением новых исторических документов, утративших разнообразные ограничительные грифы в силу позитивного воздействия фактора времени. Для формирования объективной памяти о многочисленных героических событиях отечественной

истории, актуальной для конкретизации мировоззрения представителей молодого и будущих поколений, надлежит максимальное внимание уделять ликвидации в слабой степени изученных вопросов отечественной истории и права.

Библиографический список

1. Карборунд: Повести, рассказы, воспоминания. Собрание сочинений Анатолия Днепрова в 3 томах. Том третий. М.: Издательство Престиж Бук, 2021. 592 с.
2. Anatoly Dneprov. The Maxwell equations // Destination: Amaltheia / [translated from the Russian by Leonid Kolesnikov]; [edited by Richard Dixon].- Moscow: Foreign Languages Publishing, [1960?]. 419, [1] с.
3. Пятое состояние: Повести, рассказы. Собрание сочинений Анатолия Днепрова в 3 томах. Том первый. М.: Издательство Престиж Бук, 2021. 512 с.
4. SVEMA / Anatoli Dneprow. Das Herz der Schlange: [übersetzt aus dem Russischen].- Moskau : Verlag für fremdsprachige Literatur, [1961?]. 303, [2] с.
5. Днепров, А.П. Уравнение Максвелла [Текст]: Сборник науч.-фантастич. повестей и рассказов. Москва: Мол. гвардия, 1960. 126 с.
6. Акт о военной капитуляции = Act of military surrender = Kapitulationserklaerung. - Берлин, 8 мая 1945. 8 л.. (Память о Великой победе). // Президентская библиотека им. Б.Н.Ельцина: URL:<https://www.prlib.ru/item/396792> (дата обращения: 08.09.2025 г.).
7. Naimushin V. Henry Holdship Ware: a U.S. Military Interpreter, a Soviet Spy, and an Economist. English Studies at NBU, 2024. 10(1). P. 157-174. <https://doi.org/10.33919/esnbu.24.1.9>.
8. Б.а. ФСО раскрыла исторические подробности подписания Акта о капитуляции Германии // URL:<https://tass.ru/obschestvo/23873857> (дата обращения: 09.05.2025 г.).
9. Алешин В.В. Международное право вооруженных конфликтов // М.: Юрлитинформ, 2007. 197, [2] с.
10. Алешин В.В. Правовое регулирование вооруженных конфликтов и его роль в обеспечении безопасности Российской Федерации: дисс. ... д.ю.н.: 12.00.10 / Дипломат. акад. МИД РФ. М., 2007. 315 с.
11. Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 02.10.1925 "О порядке представления международных договоров и соглашений, заключаемых от имени Союза ССР, на одобрение, утверждение и ратификацию Правительства Союза ССР" // "СЗ СССР", 1925, N 68, ст. 503. Цит. по: Некоммерческая интернет-версия КонсультантПлюс: URL:<https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=5646#9mwSikUqQeDGcNL1> (дата обращения: 08.05.2025 г.), (режим доступа - свободный).
12. Федеральный закон от 15.07.1995 N 101-ФЗ (ред. от 08.12.2020) "О международных договорах Российской Федерации" // "Собрание законодательства РФ", 17.07.1995, N 29, ст. 2757.

13. Рогатых А.Д. И.В. Сталин и верховное командование Красной армией в годы Великой Отечественной войны // Новый исторический вестник. 2023. №3 (77). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/i-v-stalin-i-verhovnoe-komandovanie-krasnoy-armiey-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny> (дата обращения: 10.05.2025).
14. Богатырев В. В. Право международных договоров: учебник для вузов / В. В. Богатырев, Р. А. Каламкарян. М.: Издательство Юрайт, 2025. – 390 с // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/564981> (дата обращения: 10.05.2025).
15. Приговор Международного военного трибунала. Нюрнберг, 1 октября 1946 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 7445. Оп. 1. Д. 1648. ЛЛ. 1-361. Цит. по: Электронная библиотека исторических документов: URL:<https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/163756-prigovor-mezhdunarodnogo-voennogo-tribunala-nyurnberg-1-oktyabrya-1946-g#mode/inspect/page/1/zoom/4> (дата обращения: 08.05.2025 г.).
16. Rheinstein M. The Legal Status of Occupied Germany. Michigan Law Review. 1948. 47(1). P. 23–40. <https://doi.org/10.2307/1284507>.
17. Меньшенина Н. Н. Международное право: учебник для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2025. 93 с. // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/563248> (дата обращения: 10.05.2025).
18. Обращение Верховного Главнокомандующего от 09.05.1945 "Обращение тов. И.В. Сталина к народу" // "Ведомости ВС СССР", 1945, N 26. Цит. по: Некоммерческая интернет-версия КонсультантПлюс: URL:<https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=55865#6h0SikUKS7IHCnr1> (дата обращения: 08.05.2025 г.).

Содержание

<i>Акутеев В.О.</i> ВЛИЯНИЕ ВОИНСКОГО КОЛЛЕКТИВА КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ СТАНОВЛЕНИЯ ВОЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ.....	3
<i>Галин А.А.</i> ДВЕ МИРОВЫЕ ВОЙНЫ В ШКОЛЬНОМ КУРСЕ ИСТОРИИ РОССИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ.....	8
<i>Галямичев А.Н.</i> ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ В СОВЕТСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ....	16
<i>Завьялова М.С., Коломейцев И.В.</i> ВУЗЫ – ФРОНТУ: ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ	21
<i>Захарук Н.Е., Рахимбаева И.Э.</i> ПАМЯТЬ О ПОДВИГЕ СОВЕТСКОГО НАРОДА В ФОТОГРАФИЯХ ВОВ.....	27
<i>Красильников О.Ю.</i> НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.....	35
<i>Лазунина Е.А., Зинченко Е.М.</i> РОЛЬ ИСКУССТВА В ПОДДЕРЖАНИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ УЧАСТНИКОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА ПРИМЕРЕ ТЕАТРАЛЬНОГО ИСКУССТВА).....	41
<i>Лебедева В.Е.</i> СТИГМАТИЗАЦИЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ УБЕЖДЕНИЙ В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОБРАЗА ГЕРОЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО КИНЕМАТОГРАФА В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД)	46
<i>Окунев А.В.</i> РАЗВИТИЕ ЦИФРОВОГО ГОСУДАРСТВА В РОССИИ (В АСПЕКТЕ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИИ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ).....	533
<i>Панков В.Д., Зубков М.С.</i> МОРАЛЬНОЕ ДИСТАНЦИРОВАНИЕ В ВОЕННЫХ НАРРАТИВАХ СОВРЕМЕННОЙ ФИНЛЯНДИИ: ОПРАВДАНИЕ СОТРУДНИЧЕСТВА С ГЕРМАНИЕЙ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ РАЦИОНАЛИЗАЦИИ В КОЛЛЕКТИВНОМ СОЗНАНИИ.....	59
<i>Постников С.В.</i> РАЗГРОМ МИЛИТАРИСТСКОЙ ЯПОНИИ НА СТРАНИЦАХ ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКОВ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ	677
<i>Сайко А.А.</i> МЕТАФОРЫ И СИМВОЛЫ КУЛЬТУРНОГО КОДА ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ В ПИСЬМАХ ФРОНТОВИКОВ ОТ 9 МАЯ 1945 ГОДА.....	733
<i>Сердобинцева Л.П., Шишкина Ю.С.</i> РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОЕКТА «ЮНЫЙ ПАТРИОТ», ПОСВЯЩЕННОГО 80-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ...	788
<i>Спиридонова А.В., Разимбаева И.Э.</i> ВЫЖИТЬ И СОХРАНИТЬ: МУЗЕИ ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.....	833
<i>Тагаев М.А.</i> РЕЛИГИОЗНО-НРАВСТВЕННОЕ СОДЕРЖАНИЕ МЕНТАЛЬНОСТИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	88
<i>Толмачев А.В.</i> ИСТОРИАЛ ПОБЕДЫ КАК ОДИН ИЗ ДУХОВНО-ПРИКЛАДНЫХ МЕТОДОВ СОЗДАНИЯ СМЫСЛОВ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ЖИЗНИ	955
<i>Тонковидова А.В., Орлов М.О.</i> ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ КОДА ПОБЕДЫ.....	1122
<i>Шошин С.В.</i> НОВЫЕ ИДЕИ В РАЗВИТИИ ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЧНОГО ПРАВА О ВОЙНЕ (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА СОДЕРЖАНИЯ ПОВЕСТИ ДНЕПРОВА (МИЦКЕВИЧА) А.П. “ПО ТУ СТОРОНУ ВОЙНЫ”, ВПЕРВЫЕ ОПУБЛИКОВАННОЙ В 2017 ГОДУ).....	1166

«Великая Победа: культурные коды и многомерность цивилизационных смыслов»

Сборник материалов XIII Всероссийской научной конференции
(Саратов, 3 – 4 апреля 2025 года)

ISBN 978-5-00279-067-8

Подписано в печать 05.07.2026 г.

Формат 60×90 1/16. Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 7,75. Тираж 100 экз. Заказ № 514-26

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «Амирит», 410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88.

Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33

Сайт: amirit.ru